СИБИРСКІЙ
СБОРНИКЪ.

I, III и IV

Выпускъ I-й.

Подъ редакціею И. И. Попова.

ИРКУТСКЪ.
Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул., д. № 1.
1896.

Содержаніе.

В. Вагинъ. Старое время Сибирскаго географическаго отдѣла . . . . 1— 8
В. Крутовскій. Сифилисъ въ Россіи и Сибири и проекты борьбы съ нимъ 9— 22
Огонеръ. Изъ полярнаго края . . . . . 23— 84
Мих. С—кій. На Ленѣ (этюдъ). . . . . 85— 98
Смѣсь. Географія и Императорское Русское Географическое Общество.
И. И. Поповъ. Рѣчь, произнесенная въ Вост. Сибир. Отд. по случаю пятидесятилѣтія юбилея И. Р. Г. О. . . . . 99 – 110
В. Обручевъ. Краткій очеркъ 50-ти-лѣтней дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по изслѣдованію Азіи. . . . . 110 — 127
Объявленія.

СТАРОЕ ВРЕМЯ СИБИРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Въ 1861 г., возвратясь въ Иркутскъ послѣ долгаго отсутствія, я нашелъ географическій отдѣлъ въ полномъ бездѣйствіи. У него не было ни предсѣдателя, ни правителя дѣлъ; большая часть членовъ его разъѣхалась въ разныя стороны; на лицо оставались очень немногіе. Съ отъѣздомъ своего основателя отдѣлъ, казалось, долженъ былъ прекратить свое существованіе. Но въ такомъ положеніи онъ оставался только до зимы 1861 г. Въ началѣ зимы управленіе его сформировалось довольно оригинальнымъ и, правду сказать, довольно патріархальнымъ способомъ. Къ наличнымъ членамъ отдѣла былъ посланъ листъ, который гласилъ, приблизительно, слѣдующее: «М. С. Корсаковъ желаетъ избрать предсѣдательствующимъ въ отдѣлъ Б. К. Кукеля и правителемъ дѣлъ А. С. Сгибнева и покорнѣйше проситъ членовъ отдѣла написать на семъ-же о своемъ согласіи или несогласіи на этотъ выборъ». Всѣ члены,—человѣкъ десять,—разумѣется, изъявили согласіе, и такимъ образомъ выборъ состоялся.

Болеславъ Казиміровичъ *Кукель*, въ то время еще молодой полковникъ и начальникъ мѣстнаго штаба, получилъ спеціальное образованіе въ главномъ инженерномъ училищѣ. Это былъ человѣкъ съ блестящими способностями и въ то-же время живой и общительный; въ одномъ изъ сатирическихъ стихотвореній того времени онъ былъ названъ «живою вѣжливостью». Отчасти служебныя обязанности, а отчасти свѣтскія развлеченія, не позволяли ему посвящать много времени отдѣлу; онъ только сначала дѣятельно занялся дѣлами отдѣла, и то лишь для того, чтобы организовать распорядительный комитетъ и взвалить на него всѣ текущія заботы по управленію. Самъ онъ даже рѣдко, и то лишь въ особенныхъ случаяхъ, посѣщалъ засѣданія коми-

тета. Но это видимое безучастіе не мѣшало ему постоянно направлять дѣятельность отдѣла чрезъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ,—правителей дѣлъ, – сначала А. С. Сгибнева, а потомъ А. Ѳ. Усольцева.

Начальникъ морского отдѣленія при командующемъ войсками, капитанъ-лейтенантъ Александръ Степановичъ *Сгибневъ*, очень походилъ на Кукеля и по спеціальности своего образованія, и по живости характера, и по общительности, но далеко уступалъ ему въ способностяхъ. Онъ отличался большимъ трудолюбіемъ; во время пребыванія въ Камчаткѣ онъ собралъ множество матеріаловъ изъ тамошнихъ архивовъ и потомъ съ большимъ усердіемъ разрабатывалъ эти матеріалы Въ званіи правителя дѣлъ онъ составлялъ обширные и интересные отчеты о дѣятельности отдѣла. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ оставилъ Иркутскъ; мѣсто его занялъ А. Ѳ. Усольцевъ.

Арсеній Ѳедоровичъ *Усольцевъ*, тогда офицеръ корпуса топографовъ, уступалъ Сгибневу и въ образованіи, и въ даровитости, и въ мастерствѣ владѣть перомъ; но онъ горячо, беззавѣтно былъ преданъ интересамъ отдѣла. Человѣкъ нервный, впечатлительный, страшный хлопотунъ, онъ безпрестанно носился съ разными планами развитія дѣятельности отдѣла, придумывалъ экспедиціи, старался привлечь къ отдѣлу всѣ мѣстныя интеллигентныя силы. Заботы его объ отдѣлѣ иногда вовлекали его въ непріятныя столкновенія съ разными лицами, которыя, по его мнѣнію, чѣмъ-нибудь нарушали пользы отдѣла. Таковы были его столкновенія съ Пржевальскимъ и Лопатинымъ. Я не помню поводовъ къ его столкновенію съ первымъ; но съ г. Лопатинымъ онъ поссорился изъ-за того, что тотъ не передалъ въ отдѣлъ собранной имъ въ туруханской экспедиціи минералогической коллекціи. Такія столкновенія иногда приносили отдѣлу болѣе вреда, нежели пользы.

Нѣтъ надобности говорить, что и Кукель, и его помощники были особенно въ первое время, только орудіями воли тогдашняго генералъ-губернатора, М. С. Корсакова. Такой порядокъ былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того времени, когда основатель отдѣла, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, былъ не только руководителемъ, но и прямымъ распорядителемъ дѣятельности отдѣла, даже суммъ его, а оффиціальные распорядители отдѣла—только исполнителями его распоряженій. Близость Кукеля къ М. С. Корсакову какъ нельзя болѣе способствовала такому порядку.

235

Именно благодаря такому порядку понялъ въ правители дѣлъ А. Ѳ. Усольцевъ. Въ одномъ изъ засѣданій распорядительнаго комитета Кукель объявилъ, что Сгибневъ уѣзжаетъ въ Петербургъ и что М. С. (Корсаковъ) желаетъ, чтобы на время его отсутствія обязанности его по отдѣлу исполнялъ А. Ѳ. Усольцевъ. Всѣ молчали. Молчаніе было принято за знакъ согласія; г. Усольцевъ вступилъ въ должность, а на слѣдующихъ выборахъ, естественно, былъ выбранъ въ правители дѣлъ, какъ уже исправляющій эту должность фактически. Между тѣмъ до того времени Усольцевъ, кажется, не былъ даже членомъ комитета.

Точно также, на одномъ изъ засѣданій комитета, шла рѣчь о посылкѣ какой-то геологической экспедиціи. Предполагалось назначить въ нее одного изъ горныхъ чиновниковъ,—кажется, Богословскаго; но Сгибневъ объявилъ, что этимъ чиновникомъ недоволенъ М. С.,—и рѣчи о назначеніи его въ экспедицію болѣе не было; послали кого-то другого.

Но такой порядокъ начиналъ уже вызывать противъ себя оппозицію. Многіе начинали уже находить, что отдѣлъ лишенъ всякой самостоятельности. Эта оппозиція проявлялась иногда довольно своеобразно. Въ одномъ изъ общихъ собраній М. С. Корсаковъ высказалъ мнѣніе, что отдѣлу слѣдуетъ выработать планъ своихъ дѣйствій. Мнѣніе это было совершенно разумно и справедливо; но въ собраніи поднялся такой несочувственный ему говоръ, что Корсаковъ замолчалъ, и вопросъ о выработкѣ плана болѣе уже не возобновлялся.

Это было время критическаго отношенія къ администраціи. Всякая мѣра, всякій поступокъ ея подвергались серьезному и строгому обсужденію. Особенно чутко относилось общество ко всему, что казалось попыткой нарушить его права и вторгнуться въ область его дѣятельности. При такихъ условіяхъ, нужна была особенная ловкость для того, чтобы поддерживать равновѣсіе въ отношеніяхъ и избѣгать всего, что могло бы осложнять ихъ. Б. К. Кукель вполнѣ обладалъ такою ловкостью.

Я былъ принятъ въ члены отдѣла въ концѣ 1863 г., но дѣятельное участіе въ дѣлахъ его принялъ только съ весны слѣдующаго года, когда былъ избранъ въ члены ревизіонной коммиссіи. Это была еще первая ревизіонная коммиссія отдѣла; понятно, что она прежде всего встрѣтилась съ вопросомъ о кругѣ ея дѣйствій. Сгибневъ разрѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что коммиссія можетъ касаться всѣхъ фактовъ дѣятельности отдѣла и разсматривать всѣ его дѣла и документы. Ком-

миссія, однако-жъ, нашла излишнимъ вдаваться въ подробности дѣятельности отдѣла. Она признала за лучшее ограничиться только общимъ взглядомъ на эту дѣятельность, указать только главныя ея черты и главные недостатки. Поэтому докладъ ея былъ очень коротокъ, но тѣмъ не менѣе очень содержателенъ.

Вскорѣ затѣмъ я поступилъ въ члены распорядительнаго комитета. Я не помню теперь всего состава комитета того времени, но живо помню нѣсколько выдающихся его личностей *).

Между ними едва-ли не первое мѣсто занималъ управлявшій таможнею, *Критъ*. Это былъ человѣкъ еще молодой, съ обширнымъ образованіемъ, очень бойкій и краснорѣчивый. Комитетъ всегда оживлялся, когда Критъ начиналъ что-нибудь объяснять или доказывать. Критъ извѣстенъ нѣсколькими статистическими работами о кяхтинской торговлѣ.

Едва-ли не еще большею бойкостью, но навѣрное гораздо большею нервностью отличался молодой офицеръ генеральнаго штаба, г. *Шаняв-скій*. Онъ обо всемъ говорилъ съ большимъ жаромъ, любилъ спорить и очень горячился въ спорахъ, безпрестанно прерывая своего оппонента.

Начальникъ военнаго училища *Рейнгардтъ*, мой товарищъ по ревизіонной коммиссіи, былъ также человѣкъ очень живой и нервный; но онъ былъ старше и потому сдержаннѣе предъидущихъ. Рейнгардтъ былъ любитель химіи и постоянно производилъ химическіе опыты.

Инспекторъ врачебной управы, Николай Ивановичъ *Кашинъ*, представлялъ уже противоположность тѣмъ лицамъ, о которыхъ я говорилъ выше. Это былъ человѣкъ пожилой и очень скромный; говорилъ немного и только о дѣлѣ, тогда какъ другіе любили, при случаѣ, поболтать о разныхъ разностяхъ. Кашинъ издалъ нѣсколько научныхъ трудовъ по своей спеціальности. Онъ былъ особенно извѣстенъ своими изслѣдованіями о распространеніи зоба и вообще считался у насъ человѣкомъ ученымъ и въ то-же время знатокомъ Забайкальскаго края, гдѣ онъ долго служилъ.

Ветераномъ между нами былъ старикъ, бывшій директоръ гимназіи, Семенъ Семеновичъ *Щукинъ*. Онъ аккуратно посѣщалъ общія собранія (я не помню, былъ-ли онъ членомъ комитета), но въ дѣлахъ его не принималъ никакого активнаго участія и не имѣлъ на нихъ ника-

---

*) Считаю нужнымъ оговориться: можетъ быть эти личности были членами комитета и не въ первый годъ моего въ немъ участія и не въ одно время.

236

кого вліянія. Высокій, сутуловатый, сухощавый, онъ обыкновенно ходилъ очень скоро и постоянно мурлыкалъ про себя неизвѣстно какія аріи; говорилъ онъ такъ бормотовато, что иногда его было трудно понять. Въ свое время онъ былъ очень дѣятельнымъ и полезнымъ директоромъ гимназіи; многіе изъ учениковъ его вспоминали объ немъ съ благодарностью. Онъ съ особенною любовью занимался естественною исторіей. Самъ онъ ничего не писалъ, но сообщалъ собранныя имъ свѣдѣнія брату своему Н. С. Щукину въ Петербургъ, а коллекціи — разнымъ ученымъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ которыми онъ поддерживалъ переписку. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ это былъ еще бодрый старикъ, но къ концу ихъ онъ обратился уже въ развалину.

Не помню также, былъ-ли членомъ комитета горный ревизоръ Александръ Христіановичъ *Фитингофъ*. Это былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ личностей какія только я когда-нибудь зналъ. Человѣкъ уже очень пожилой, часто больной, онъ, тѣмъ не менѣе, все свое свободное время посвящалъ отдѣлу, опредѣляя и приводя въ порядокъ его коллекціи. Отдѣлъ много былъ обязанъ ему тѣмъ порядкомъ, въ какомъ содержался его минералогическій музей. И въ то-же время Фитингофъ былъ такъ скроменъ, что даже не подозрѣвалъ всей важности услугъ, которыя онъ оказывалъ отдѣлу.

Кукель, какъ я уже говорилъ, рѣдко присутствовалъ въ засѣданіяхъ комитета. Но вообще, и при немъ и безъ него, это были очень оживленныя и иногда довольно шумныя засѣданія. Большихъ споровъ и разногласія, впрочемъ, не было, потому что не было и серьезныхъ поводовъ къ нимъ. Только однажды, не помню по какому поводу, произошло серьезное разногласіе между мной и большинствомъ комитета. Докладывая какое-то дѣло, Усольцевъ вздумалъ подсказать и рѣшеніе дѣла и прибавилъ, что такъ желаетъ Михайло Семеновичъ (Корсаковъ). Я возразилъ противъ этого, что комитетъ долженъ постановлять собственныя рѣшенія, а не формулировать только то, что ему подскажутъ Когда большинство со мной не согласилось, я послалъ въ Комитетъ особое мнѣніе. Это мнѣніе, написанное, впрочемъ, въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ, до такой степени противорѣчило принятой до того времени въ комитетѣ практикѣ и было, вслѣдствіе этого, такъ рѣзко по своему содержанію, что Кукель испугался, оставилъ мнѣніе у себя и такимъ образомъ оно осталось неизвѣстнымъ даже членамъ комитета.

Если засѣданія комитета были оживлены, то общія собранія, напротивъ, отличались особенною чинностью. На нихъ всегда присутство-

валъ генералъ-губернаторъ и преобладалъ военный элементъ. Читались сообщенія или предлагались на разсмотрѣніе вопросы съ заготовленнымъ уже комитетомъ рѣшеніемъ, которое и утверждалось безъ преній.

Научная дѣятельность отдѣла, уже въ силу обстоятельствъ, была сосредоточена тогда, главнымъ образомъ, на Амурскомъ краѣ. Туда безпрестанно ѣздили и оттуда возвращались разныя лица, которыя и дѣлали сообщенія въ Отдѣлѣ о своихъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ. Притомъ и мода на Амурскій вопросъ еще не прошла, и онъ обращалъ на себя общее вниманіе... Тѣмъ не менѣе отдѣлъ не оставлялъ изслѣдованій и въ другихъ частяхъ края. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ предпріятій отдѣла въ этомъ отношеніи была Туруханская экспедиція Щанова и Лопатина. Къ сожалѣнію, результаты этой экспедиціи не принесли пользы наукѣ: обширный этнографическій трудъ Щанова погибъ въ пожарѣ 1879 г., а собранныя Лопатинымъ минералогическія коллекціи остались у него и до-сихъ-поръ не обнародованы.

По смерти Кукеля произошелъ поворотъ въ дѣятельности отдѣла. Уже самый выборъ предсѣдательствующаго представлялъ нѣкоторыя особенности. Въ общемъ собраніи отдѣла, назначенномъ для выборовъ, предсѣдательствовалъ К. Н. Шалашниковъ (Корсаковъ былъ тогда въ Петербургѣ). Онъ объявилъ намъ о смерти Кукеля и о томъ, что Корсаковъ желаетъ, чтобы предсѣдатель былъ выбранъ недавно пріѣхавшій въ Иркутскъ, начальникъ инженеровъ К. И. Ивановъ. Отвѣтомъ на это заявленіе было глубокое молчаніе всего отдѣла. Черезъ нѣсколько минутъ я началъ говорить, что отдѣлъ долженъ выбрать предсѣдателя самъ, а не по указанію; что въ средѣ отдѣла есть нѣсколько человѣкъ, давно уже и съ пользою служащихъ ему и вполнѣ достойныхъ руководить имъ, а Ивановъ—человѣкъ новый, котораго большинство отдѣла не знаетъ. Естественно, что такое возраженіе не понравилось Шелашникову; но особенно возмутило его мое выраженіе, что Ивановъ состоитъ членомъ отдѣла *безъ году недѣлю*. Онъ съ видимымъ раздраженіемъ принялся возражать мнѣ, особенно упирая на это злосчастное *безъ году недѣлю* и, вѣроятно, чтобы еще болѣе уязвить меня, безпрестанно называлъ меня «господиномъ Вагинымъ», хотя это и безъ того всѣ знали. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что Ивановъ былъ выбранъ; но и моя оппозиція не осталась безъ послѣдствій: нѣсколько голосовъ было подано противъ Иванова. Предсѣдательство его, какъ и слѣдовало ожидать, ничѣмъ не было замѣчательно. Онъ, впрочемъ, не

237

долго былъ предсѣдателемъ: его куда-то перевели и въ предсѣдатели выбранъ Л. П. Софьяно.

Начальникъ артиллеріи, Леонидъ Петровичъ Софьяно, тоже былъ новый человѣкъ, въ нашемъ отдѣлѣ; но онъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Иркутскъ, своею общительностью, своимъ всегда ровнымъ характеромъ и вѣжливымъ обращеніемъ, умѣлъ заслужить симпатіи мѣстнаго общества; притомъ примѣръ Иванова былъ у всѣхъ въ памяти, а потому и выборъ Софьяно въ предсѣдатели проводился съ большимъ тактомъ, чѣмъ выборъ Иванова: никакихъ внѣшнихъ признаковъ давленія не было; членамъ, по общему порядку, былъ разосланъ списокъ членовъ съ предложеніемъ отмѣтить, кого они выбираютъ.

Время предсѣдательства г. Софьяно я считаю положительно самымъ блестящимъ временемъ дѣятельности отдѣла. Софьяно не былъ связанъ Муравьевскими традиціями и потому могъ смотрѣть на дѣло свободнѣе и не такъ односторонне, какъ его предмѣстники. Первой его заботой было—придать дѣятельности отдѣла общественный характеръ. Онъ старался привлекать въ члены отдѣла лицъ изъ различныхъ слоевъ общества. Это имѣло и свою невыгодную сторону: въ члены отдѣла стали иногда попадать люди, неимѣвшіе никакого отношенія къ наукѣ; одно время былъ даже совсѣмъ неграмотный членъ. Но зато отдѣлъ пріобрѣлъ популярность, и вліяніе его на мѣстное общество сдѣлалось гораздо замѣтнѣе. Въ то-же время, мало-по-малу, ослабѣвало и преобладаніе военнаго элемента въ отдѣлѣ. Постепенно измѣнился и составъ распорядительнаго комитета. Въ комитетѣ, кромѣ меня, были уже почти все новыя лица; въ числѣ ихъ болѣе дѣятельными или, по-крайней мѣрѣ, болѣе памятными мнѣ, были: П. Ѳ. Унтербергеръ—нынѣшній приморскій губернаторъ,—А. А Шамаринъ и управлявшій контрольною палатой Бутыркинъ.

Во время предсѣдательства г. Софьяно въ общихъ собраніяхъ отдѣла впервые появились дамы: примѣръ подала супруга г. Софьяно, которая стала посѣщать эти собранія вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ короткихъ знакомыхъ,—посѣщать запросто, съ какой-нибудь дамской работой въ рукахъ. Примѣру ихъ вскорѣ послѣдовали и дамы изъ средняго круга. Дамамъ и было что послушать: Щаповъ читалъ свои статьи о женщинѣ. Вскорѣ небольшая зала отдѣла сдѣлалась положительно тѣсной, и часть публики стала помѣщаться въ боковыхъ комнатахъ: такъ много ея собиралось. Никогда отдѣлъ не достигалъ такого интереса и сочувствія въ обществѣ, какъ въ это время.

Но не одни только чтенія Щапова привлекали публику. Въ отдѣлѣ, въ разное время, дѣлались различныя сообщенія: штабный офицеръ Емельяновъ прочиталъ цѣлый рядъ популярныхъ лекцій объ астрономіи; сообщенія въ отдѣлѣ дѣлали и постоянные его дѣятели, — Чекановскій, Кропоткинъ, Миллеръ, Нейманъ, Ломоносовъ, и пріѣзжавшіе въ Иркутскъ или проѣзжавшіе черезъ него путешественники—Депрерадовичъ, Пржевальскій, П. А. Ровинскій. Предметомъ этихъ сообщеній часто былъ, какъ и прежде, Амуръ, но къ нему уже не относились съ такимъ предпочтеніемъ и пристрастіемъ, какъ прежде. Въ то-же время шли своимъ чередомъ и небольшія научныя экскурсіи, и большія и отдаленныя экспедиціи—Майделя и Неймана къ чукчамъ, и богатая результатами геологическая экспедиція Чекановскаго вокругъ Байкала. Во время предсѣдательства Софьяно отдѣлъ былъ особенно счастливъ на дѣятелей: ранѣе въ средѣ его никогда не собиралось столько научныхъ силъ, какъ въ это время, тогда-же, если не ошибаюсь, начали издаваться «Извѣстія» отдѣла. Это была случайность, но очень счастливая для отдѣла случайность.

Послѣ г. Софьяно предсѣдателемъ отдѣла былъ новый начальникъ штаба, Николай Николаевичъ *Мосоловъ*. Но это относится уже къ болѣе новому времени, описаніе котораго не входитъ въ задачу настоящей замѣтки.

В. Вагинъ.

29-го сентября 1891 г.

Сифилисъ въ Россіи и Сибири и проекты борьбы съ нимъ.

Рефератъ п. ч. В. М. Крутовскаго. *)

Уже 12 лѣтъ тому назадъ д-ръ Герценштейнъ высказалъ мысль, что по своему общественно-санитарному значенію сифилисъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ санитарныхъ золъ, терзающихъ русскій народъ.

Съ тѣхъ поръ вниманіе земскихъ врачей было особенно направлено въ эту сторону, и рядъ появившихся статистическихъ работъ, подворныхъ и поголовныхъ осмотровъ поставили внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что дѣйствительно сифилисъ въ Россіи непрерывно и широко распространяется и даетъ въ настоящее время % заболѣвшихъ, не существующій въ какой-либо другой странѣ.

Герценштейнъ въ своемъ докладѣ русскому сифилидологическому Обществу, сдѣланному 29 апрѣля 95 г., приводитъ интересную таблицу процентнаго распространенія сифилиса въ 15 губерніяхъ Россіи Вотъ она:

№	Названіе губерній.	1888.	1889.	1890.	1891.	1892.
1	Воронежская - -	1,07	1,4	1,26	1,55	1,27
2	Костромская - -	1,07	—	1,03	1,08	1,06
3	Курская - - -	1,22	1,27	1,27	1,18	1,02
4	Московская - - -	—	1,48	1,26	1,35	1,21
5	Нижегородская - -	1,18	1,16	1,22	1,23	1,16
6	Оренбургская - -	—	—	—	1,06	—
7	Пензенская - -	1,64	1,86	2,01	2,11	1,92
8	Псковская - - -	1,49	1,53	1,96	1,07	1,31
9	Рязанская - - -	—	—	1,11	1,31	1,28
10	Самарская - - -	1,70	1,86	2,68	2,20	1,88
11	Саратовская - -	1,66	2,26	2,25	2,14	1,85
12	Симбирская - -	1,80	1,70	1,53	1,86	1,79
13	Смоленская - -	1,36	—	1,19	1,60	1,42

*) О мѣрахъ борьбы съ сельскимъ сифилисомъ. Еженедѣльникъ, № 26, 95 г.

14	Тамбовская	- -	2,19	2,60	2,64	2,55	2,27
15	Тульская	- -	1,01	—	—	1,11	1,12.

Во всѣхъ остальныхъ 29 губерніяхъ на 316 уѣздовъ болѣе 1% сифилитиковъ зарегистрировано въ 92 г. въ 17 уѣздахъ.

Но особенно ужасающіе размѣры распространенія сифилиса даетъ др. Фриновскій. Командированный въ Порховскій уѣздъ, Псковской губ. въ 93 г. онъ произвелъ въ 26 деревняхъ Березовскаго прихода поголовный осмотръ населенія и получилъ на общее число жителей 2808 человѣкъ 273 сифилитика или 9,7%.

Нѣкоторыя деревни, какъ Замогилье, Веретье, Заколѣнье, Немѣлы, Поцѣлуево, Коляницы представляютъ % сифилитиковъ громадный. Въ Коляницахъ и Замогильѣ напр. 79,4%—84%. Вѣдь это почти приближеніе къ полной сифилизаціи.

Мы можемъ утверждать, говоритъ Герценштейнъ, фактъ полной сифилизаціи населенія въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ,—будемъ утѣшать себя,—пока, быть можетъ въ немногихъ мѣстностяхъ; повсюду, гдѣ рука изслѣдователя приподняла завѣсу неизвѣстности, % сифилитиковъ оказался весьма значительнымъ.

Вотъ факты для сужденія о пространственномъ распространеніи сифилиса въ Россіи и о его интенсивности въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Что касается Сибири, то для послѣдней опредѣленныхъ цифровыхъ данныхъ нѣтъ. Установилось убѣжденіе, твердо держащееся, что сифилисъ ужасно распространенъ среди якутовъ, остяковъ, и что якобы фактъ вымиранія этихъ инородцевъ необходимо связать съ распространеніемъ среди нихъ сифилиса.

Помнится, что лѣтъ 10 назадъ въ Якутскую область медицинскимъ департаментомъ былъ посланъ даже цѣлый отрядъ врачей для борьбы съ сифилисомъ. Кажется, этотъ отрядъ не опубликовалъ никакихъ матеріаловъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось найти нигдѣ свѣдѣній о томъ, нашелъ-ли посланный отрядъ въ Якутской области сифилисъ, какъ сильно распространенъ онъ тамъ и какъ велась борьба съ нимъ отрядомъ.

Подобное-же убѣжденіе въ ужасающемъ распространеніи сифилиса среди обскихъ остяковъ упорно держалось среди общества и въ административныхъ сферахъ до самаго послѣдняго времени. Это распространенное убѣжденіе о причинахъ вымиранія обскихъ остяковъ отъ сифилиса заставило въ 94 г. томскаго губернатора ходатайствовать о по-

сылкѣ санитарнаго отряда для борьбы съ сифилисомъ и Медицинскій Департаментъ Мин. Внутр. Дѣлъ, уваживъ ходатайство томскаго губернатора, командировалъ 3-хъ врачей спеціалистовъ: въ Томскую губ. было послано 3-е ординаторовъ Калинкинской больницы. Др. Степанову и Флитнеру было предложено изслѣдовать Нарымскій край, въ мѣстности по р. Оби, а на др. Чашина выпало изученіе Канскаго степного округа и для точнаго изученія санитарнаго состоянія населенія всѣ врачи остановились на поголовныхъ осмотрахъ, которые по единогласному отзыву ихъ не встрѣтили никакихъ препятствій со стороны жителей. Ясно, прибавляетъ Герценштейнъ, что тактъ врача, отсутствіе какого-бы-то ни было полицейскаго вмѣшательства, любовное отношеніе къ дѣлу и пр. и въ Сибири даютъ тѣ-же благопріятные результаты, которые получаютъ земскіе врачи въ своихъ районахъ дѣятельности. Все это такъ скажемъ и мы, и можемъ увѣрить автора, что народонаселеніе Сибири вообще развитѣе и легко понимаетъ то, что отъ него разумно требуютъ.

Въ данномъ-же случаѣ очевидно спокойствіе населенія и покорность его новымъ мѣропріятіямъ исходила не только изъ полнаго довѣрія врачу, но поддерживалась и нѣкоторымъ престижемъ власти, которымъ была щедро окружена данная сифилидологическая экспедиція.

Изъ описанія Герценштейна мы видимъ, что путешествіе Степанова и Флитнера было обставлено такъ: «въ распоряженіе обоихъ были предназначены особыя, снабженныя небольшими крытыми каютами, лодки съ гребцами, смѣнявшимися на каждомъ станкѣ. Врачей сопровождали *представители полиціи*, фельдшера, *мѣстный сельскій голова* и *курьеры*, предупреждавшіе за 1—2 дня жителей о предстоящемъ пріѣздѣ врача».

Подобное торжественное шествіе съ полиціей и курьерами можетъ глубоко импонировать не только жалкое, забитое, голодающее инородческое населеніе побережья р. Оби, а даже болѣе культурные районы. Инородцы до смерти боятся всякаго подобія начальства, и можно себѣ представить его ужасъ и трепетъ, когда это начальство пожаловало къ нимъ съ вышеописанной помпой подъ предводительствомъ полицейскихъ властей, предшествуемое курьерами и въ сопровожденіи сельского головы. Къ чему все это! Медицина, вносимая въ глухую, забитую среду инородческаго населенія съ шумомъ и трескомъ съ полицейскими, курьерами, головами и пр.,—все это излишне, а что все это стоитъ мѣстному населенію—можетъ исчислить тотъ только, кто близко

знаетъ всѣ подобныя путешествія. Они ложаться тяжелымъ бременемъ на плечи мѣстнаго населенія. Результаты-же, какъ мы увидимъ далѣе, подобныхъ экспедицій ничтожны. Всѣ тѣ данныя, которыя удалось собрать Чашину, Степанову и Флитнеру, очень скромно безъ затратъ значительныхъ средствъ, безъ обремененія мѣстнаго населенія излишними повинностями возможно было собрать мѣстными врачебными силами.

Докторъ Флитнеръ нотируетъ въ своей статьѣ «Отчетъ по командировкѣ въ Нарымскій край Томской губ., лѣтомъ 1894 года»,*) что въ нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстахъ онъ не засталъ ни одного человѣка. Это обстоятельство онъ объясняетъ тѣмъ, что остяки большую часть года находятся въ постоянномъ передвиженіи. Мы объясняемъ тотъ-же фактъ проще; боязливые остяки раньше прибытія флитнеровскихъ курьеровъ знали уже о нашествіи на нихъ какого-то новаго начальства и кто могъ скрывались въ свои лѣса. Кто знаетъ инородца, кто знаетъ какъ быстро между ними распространяются всякіе слухи и какіе невѣроятные размѣры могутъ принять они, напр. въ данномъ случаѣ о начальствѣ, всѣхъ раздѣвающемъ, ощупывающемъ и осматривающемъ, кто имѣлъ вообще дѣло съ инородцами, повторяю, тотъ повѣритъ моимъ словамъ. По всей вѣроятности, Степановъ и Флитнеръ осмотрѣли далеко не всѣхъ, даже нельзя сказать сколькихъ не осмотрѣли, такъ какъ статистика населенія въ Сибири вообще не имѣетъ болѣе или менѣе вѣрныхъ данныхъ, что касается инородческаго кочевого элемента, и такимъ образомъ несомнѣнно, что найденные Степановымъ и Флитнеромъ несчастныхъ пять сифилитиковъ не могутъ охарактеризовать распространеніе сифилиса между остяками и никоимъ образомъ нельзя на данныхъ этихъ двухъ изслѣдователей строить какія-либо обобщенія, какъ напр. выводъ общаго $^0/_0$ сифилитиковъ къ общей цифрѣ народонаселенія

Но возвратимся къ отчету. Степановъ осмотрѣлъ 2,352 чел. и изъ нихъ 1,035 остяковъ, а Флитнеръ—779 остяковъ. Изъ осмотрѣнныхъ тѣмъ и другимъ остяковъ оказалось сифилитиковъ 147. По собственно больныхъ сифилисомъ въ раннемъ періодѣ они нашли всего 5 чел., а всѣ остальные случаи относятся къ формамъ гуммознаго сифилиса или представляли даже только явленія уже вполнѣ законченнаго страданія. Итакъ, ужасающій сифилисъ среди остяковъ оказался мнѳомъ, и представленіе о степени его распространенія оказалось сильно преувеличеннымъ, а о вымираніи населенія подъ вліяніемъ этой болѣзни врядъ-ли и можетъ быть рѣчь.

*) Еженедѣльникъ № 20, 95 г.

Всѣ гуммозныя формы сифилиса и явленія сифилитическаго вырожденія, найденныя Флитнеромъ у остяковъ, такъ поражали своею особенностью, что авторъ принужденъ былъ построить для объясненія найденныхъ фактовъ особую теорію о первичномъ занесеніи сифилиса къ остякамъ въ самомъ отдаленномъ прошломъ.

«Въ общей сложности все видѣнное мною производитъ на меня такое впечатлѣніе, что зараженіе остяковъ сифилисомъ произошло въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, оставивъ въ настоящее время только слѣды своего давняго нашествія въ видѣ позднихъ проявленій наслѣдственнаго сифилиса въ формѣ гуммозныхъ пораженій, въ настоящее время законченныхъ, или мѣстами еще продолжающихъ свое разрушительное дѣйствіе, или-же, наконецъ, еще имѣющихъ обнаружиться въ будущемъ новыхъ формъ, какъ это видно на приведенныхъ выше прилагаемыхъ таблицахъ». Все это такъ туманно и необычайно, что что-то плохо вѣрится и особенно, когда примешь во вниманіе наличность пяти случаевъ свѣжаго, кондилиматознаго сифилиса, констатированнаго изслѣдователями. А разъ свѣжій сифилисъ между остяками имѣется, разъ есть возможность имъ вновь и вновь заражаться, то странно строить какую-то необыкновенную теорію отдаленнаго, повидимому завоевателями занесеннаго сифилиса къ остякамъ, когда и наличность условій, принявъ во вниманіе самый короткій срокъ 10—20 лѣтъ, вполнѣ достаточно для широкой сифилизаціи этого маленькаго племени, живущаго при условіяхъ, прекрасно способствующихъ его распространенію между ними.

Не сифилисъ главная язва остяка и не конкурренція съ русскимъ промышленникомъ и земледѣльцемъ, а та кабала, которая довела мѣстное народонаселеніе до крайне тяжелаго положенія.

Фактъ этой кабалы, въ которую попадаютъ у мѣстныхъ «благодѣтелей» инородцы Оби, Енисея и Лены констатированъ всѣми изслѣдователями сѣвера. Инородецъ всегда въ неоплатномъ долгу у мѣстнаго или временно наѣзжающаго въ тундры кулака, ведущаго свое дѣло такъ, чтобы инородецъ, обираемый имъ, только-только могъ нагой и голодный кое-какъ дышать и могъ-бы доставлять «благодѣтелю» ежегодно почти даромъ мѣха, рыбу, кость.

А. С. Еленевъ въ своемъ докладѣ обществу врачей Енисейской губ. о положеніи туруханскихъ инородцевъ прекрасно охарактеризовалъ отношеніе «благодѣтелей» къ инородцу.

Намъ памятенъ очень любопытный и характерный отвѣтъ одного коммерсанта, начавшаго торговлю съ туруханскими инородцами, на запросы своихъ московскихъ товарищей.

— Ну, какъ у васъ туруханская торговля идетъ!—спрашиваютъ коммерсанта.

— Очень хорошо!—отвѣчаетъ онъ. Инородецъ—это Божій человѣкъ. Приди и раздѣнь его!

И дѣйствительно, раздѣваютъ....

И такъ, оказалось, что остяки вымираютъ отъ кабалы, голода, а не отъ сифилиса, который у нихъ распространенъ не больше, чѣмъ у русскихъ и проявляется въ самыхъ слабыхъ формахъ.

Совсѣмъ другія данныя получились относительно мѣстнаго русскаго населенія.

Сифилисъ въ Канскомъ округѣ принялъ, по даннымъ д-ра Чанина, громадные размѣры. Изъ 1,847 осмотрѣнныхъ имъ семей сифилисъ найденъ въ 281, т. е. составляетъ 15,2%, а всѣхъ больныхъ найдено 354, что составитъ 4,52% общаго числа осмотрѣнныхъ жителей.

Конечно, это не такъ ужасно, какъ въ какомъ-нибудь Замогильѣ Псковской губерніи, но все-же % внушительный.

Что сифилисъ въ Сибири среди русскаго населенія имѣетъ широкое распространеніе, объ этомъ можно заключить à priori по нѣкоторымъ соображеніямъ.

Если въ Россіи одними изъ факторовъ распространенія сифилиса считаются отхожій промыселъ, фабрики и большіе города, такъ въ Сибири имѣется цѣлый рядъ аналогичныхъ факторовъ, неизвѣстныхъ Россіи, а именно: огромный ссыльный элементъ, золотые промысла и извозъ. Для сравнительно рѣдкаго сибирскаго населенія эти три фактора, несомнѣнно имѣющіе въ смыслѣ занесенія въ деревню сифилиса громадное значеніе, должны остановить на себѣ вниманіе и, что касается ссыльнаго элемента, то въ этомъ отношеніи имѣются уже указанія врача А. И. Макушина, который въ бытность свою завѣдующимъ томской городской лѣчебницею констатировалъ высокій процентъ сифилитиковъ среди ссыльныхъ, и это наблюденіе Макушина мы съ своей стороны можемъ только вполнѣ подтвердить.

Такъ-же вліяютъ извозъ и пріисковые рабочіе. Если прибавимъ къ этому воинскую повинность, отсутствіе земской медицины, безпомощность сельскихъ врачей и фельдшеровъ, отсутствіе спеціальныхъ боль-

ницъ и плачевную организацію, такъ называемыхъ, венерическихъ отдѣленій при губернскихъ и окружныхъ больницахъ приказа, то мы легко поймемъ, что сифилисъ въ Сибири предоставленъ вполнѣ себѣ, никакой борьбы съ нимъ нѣтъ, пути распространенія его обезпечены, и вѣроятно онъ принесъ уже свои грустные плоды.

Въ 1890 году я имѣлъ уже честь доложить обществу врачей Енисейской губерніи свои выводы о распространеніи сифилиса между прислугой въ г. Красноярскѣ, полученные мною на основаніи разработки пріемныхъ бланокъ городской амбулаторной лѣчебницы. Общій % сифилитиковъ мною получень былъ 0,7%.

Изъ отчетовъ красноярской городской лечебницы мы видимъ, что сифилитики къ общему числу больныхъ относились въ 92 г.—2,8%, въ 93 г. —2,8%, въ 94 г. —3%. И это нисколько не удивительно; скорѣе возможно-бы было, зная всѣ мѣстныя условія, ожидать больший %. Мы знаемъ нѣкоторыя деревни Красноярскаго округа, въ которыхъ % сифилитиковъ очень великъ, прямо бросается въ глаза.

Сибирь не избѣжала заразы и эта язва, разъѣдающая не только носителя ея, а заражающая все вокругъ, оставляющая неизгладимую печать на носителѣ, на его потомствѣ и ведущая къ калѣчеству, пониженію рождаемости и вырожденію населенія физическому и нравственному, широко и безпрепятственно гуляетъ по широкой русской землѣ, включая въ нее и Сибирь.

«При холерѣ, чумѣ, дифтеритѣ, говоритъ проф. Тарновскій, со смертью зараженнаго и послѣ тщательно произведенной дезинфекціи, прекращается опасность для общества со стороны даннаго лица. При сифилисѣ-же смерть больного не освобождаетъ общество отъ послѣдствій болѣзни этого субъекта Дезинфицировать оставленныя имъ сѣмена заразы въ лицѣ его потомства невозможно. Сифилисъ родителей имѣетъ громадное значеніе, какъ существенный этіологическій моментъ для появленія на свѣтѣ всевозможныхъ вырождающихся типовъ, начиная съ первично-помѣшанныхъ и постепенно восходя до кретиновъ, идіотовъ, слабоумныхъ, людей порочно развитыхъ отъ рожденія и далѣе, кончая идіотами всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, составляющимъ несчастіе семей и нерѣдко цѣлыхъ обществъ». Дѣйствительно нѣтъ тѣхъ густыхъ красокъ, которыми можно–бы было вполнѣ изобразить весь тотъ ужасъ въ будущемъ отъ возрастающей общей сифилизаціи населенія, посредствомъ новыхъ зараженій съ одной стороны и пріемственности послѣдствій подобныхъ зараженій потомками съ другой.

Вліяніе сифилиса на дѣторождаемость ужасно. Приведемъ примѣръ послѣдняго времени: д-ръ Фриновскій опросилъ 13 сифилитическихъ матерей, имѣвшихъ въ общемъ 112 беременностей; изъ нихъ осталось въ живыхъ только 17 слабыхъ, хилыхъ и болѣзненныхъ дѣтей 95 или 85% или родилось мертвыми или погибли въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. И это только одинъ частный примѣръ изъ установленнаго общаго правила.

Немудрено поэтому, что на это воніющее зло въ настоящее время обращено самое серьезное вниманіе земскихъ врачей, спеціалистовъ и самого правительства. Въ ноябрѣ или декабрѣ 1896 года предположенъ съѣздъ врачей для выработки борьбы съ сифилисомъ. Конечно, невозможно знать, каковы будутъ результаты имѣющаго организоваться съѣзда, но уже теперь отдѣльными лицами вырабатываются планы борьбы и на одномъ изъ нихъ—проектѣ д-ра Герценштейна мы остановимся. Проектъ Герценштейна уже потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что мѣра, предлагаемая имъ, съ одной стороны, рекомендуется цѣлымъ рядомъ другихъ врачей, спеціально занимавшихся этимъ вопросомъ, какъ д-ръ Фриновскій, д-ръ Флитнеръ и др., одобренъ русскимъ сифилидологическимъ обществомъ и, наконецъ, по своей идеѣ очень модный, а съ модой даже въ медицинѣ приходится очень серьезно считаться.

Герценштейнъ строитъ свой проектъ борьбы съ сифилисомъ изъ слѣдующихъ положеній:

1) Сифилисъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ санитарныхъ золъ, терзающихъ русскій народъ.

2) Борьбу съ сифилисомъ должно взять въ свои руки само государство во всеоружіи своихъ силъ и компетенціи.

3) Для непосредственной борьбы съ сифилисомъ, въ мѣстности, *сильно имъ пораженныя*, должны быть отправляемы спеціальные отряды съ врачемъ во главѣ и съ достаточнымъ низшимъ персоналомъ, съ вполнѣ обезпеченными средствами для выполненія не только лѣчебныхъ задачъ, но и для обезпеченія семей, члены которыхъ помѣщены въ больницы.

Д-ръ Фриновскій тоже пропагандируетъ посылку спеціальныхъ отрядовъ для борьбы съ сифилисомъ въ мѣстности даже такія, гдѣ % сифилитиковъ не достигаетъ до 3% по отношенію ко всему населенію. Общество русскихъ сифилидологовъ, санкціонируя проектъ Герценштейна, прибавляетъ, «чтобы такіе отряды не отвлекались отъ своей непосред-

ственной задачи разными другими порученіями.» Повидимому подъ послѣднимъ общество понимаетъ расширеніе задачъ отрядовъ подачей вообще медицинской помощи населенію, а не исключительно лишь при сифилитическихъ заболѣваніяхъ Лѣчи, значитъ, исключительно сифилисъ, а до другихъ заболѣваній тебѣ дѣла нѣтъ!

Съ легкой руки летучихъ окулистическихъ отрядовъ проф. Белярминова у насъ быстро начинаетъ развиваться мода на этого рода спасительное средство отъ всякихъ бѣдъ и золъ. Въ летучихъ отрядахъ видятъ панацею, и каждый старается явиться спасителемъ отечества столь легкимъ и доступнымъ способомъ. За окулистическими отрядами появятся сифилидологическіе, за послѣдними эпидеміологическіе: антидифтеритическіе, антитифозные, антихолерные и пр., предлагались уже ранѣе проф. Тауберомъ хирургическіе, будутъ вѣроятно предложены отіатрическіе, зубоврачебные и др. Однимъ словомъ, пока не будетъ исчерпана вся внутренняя и наружная медицина.

Земская медицина отпраздновала уже 25-лѣтіе своей постоянной и напряженной дѣятельности, достигла въ нѣкоторыхъ губерніяхъ своего цвѣтущаго развитія и все-таки не смогла побороть нашего общаго врага, а вотъ «взглядъ и нѣчто» внесенный пролетѣвшимъ по мѣстности отрядомъ, сдѣлаетъ свое дѣло и слѣпыхъ всѣхъ сдѣлаетъ зрячими, сифилисъ уничтожитъ и оздоровитъ населеніе. Герценштейнъ въ своемъ проектѣ не указываетъ продолжительности времени дѣйствія отряда въ той или иной мѣстности, а послѣдніе, т. е. мѣстности, куда должны быть посланы отряды, называетъ просто «сильно пораженныя» Однако, какъ опредѣлить эти сильно пораженныя мѣстности. Какія критеріи мы для этого имѣемъ!

Напр, среди остяковъ мѣстная администрація считала сифилисъ такъ ужасно развитымъ, что фактъ вымиранія ихъ приписывала сифилису, а дѣйствительность оказалась совершенно иной.

По свѣдѣніямъ участковаго земскаго врача въ Михайловскомъ погостѣ Псковской губ. процентъ сифилитиковъ не достигаетъ 2%, а д-ръ Фриновскій при поголовномъ осмотрѣ нашелъ тамъ-же 24,8% сифилитиковъ. Слѣдовательно, чтобъ избѣжать впередъ излишней траты денегъ и силъ, необходимо сначала точно, путемъ подвориаго изслѣдованія опредѣлить тѣ пункты и мѣстности, въ которыхъ торжество сифилиса достигло выдающихся размѣровъ. Но подобное подворное изслѣдованіе могли-бы произвести только земскіе врачи, если-бы ихъ было повсюду

достаточно. А я увѣренъ, что если-бы при увеличеніи средствъ земской медицины и общаго количества земскихъ врачей подобное подворное изслѣдованіе могло-бы осуществиться, то тогда не зачѣмъ-бы было посылать летучіе отряды, такъ какъ тѣ-же земскіе врачи не хуже справятся съ дѣломъ, чѣмъ спеціально командированные начальники отрядовъ.

Легко говорить о внимательности, какой-то особенной любви къ дѣлу (понимается подъ этимъ лѣченіе сифилиса) тѣмъ, кто имѣетъ дѣло съ единицами и несправедливо требовать отъ земскаго врача какой-то особенной любви къ сифилису, когда любому земскому врачу приходится въ одинъ мѣсяцъ принять больше втрое больныхъ того, сколько осмотрѣно Степановымъ и Чашинымъ во всю свою экспедицію

Фриновскій на опытѣ испыталъ, что продолжительность отряда для борьбы съ сифилисомъ должна быть не менѣе 3-хъ лѣтъ. Д-ръ Скаткинъ опять таки на основаніи опыта вычисляетъ, что для полной борьбы и полнаго излѣченія сифилитиковъ въ извѣстномъ пунктѣ даже 23-хълѣтній періодъ недостаточенъ.

Можно вообще впередъ предсказать, что борьба съ сифилисомъ посредствомъ летучихъ отрядовъ будетъ имѣть хотя и шумный характеръ, примѣръ подобной шумихи мы видимъ въ дѣятельности офтаимологическихъ летучихъ отрядовъ, но существенной и сколько-нибудь капитальной пользы въ борьбѣ съ сифилисомъ они принести не могутъ.

Перенесть весь центръ тяжести въ вопросѣ борьбы съ сифилисомъ только на терапію его было-бы непростительно ошибочно. Напротивъ того, скорѣе всего благихъ результатовъ возможно ожидать исключительно лишь отъ мѣръ бьющихъ зло въ корнѣ, т. е. направляя свои предупредительныя дѣйствія противъ путей зараженія и распространенія сифилиса.

На все, что способствуетъ первому и второму, необходимо обратить самое серьезное вниманіе, тщательно изучить эти пути зла и обрушиться на нихъ со всею мощью и силою общегосударственныхъ мѣропріятій.

Гдѣ-же первичные источники зараженій?

По преимуществу города съ ихъ немногочисленными явными притонами разврата, а еще болѣе многочисленными тайными. Ни для кого не составляетъ секрета, что постановка въ городахъ у насъ медико-полицейскаго надзора ниже всякой критики. Только $^1/_{10}$ доля публич-

ныхъ женщинъ, составляющихъ контингентъ публичныхъ явныхъ домовъ, подлежатъ регистраціи и медикосанитарному надзору, поверхностному, рѣдкому (одинъ разъ въ недѣлю) и недостаточному; $^{9}/_{10}$ тайной проституціи не подлежатъ надзору: пивныя, бани, постоялые дворы, прислуга гостинницъ и меблированныхъ комнатъ — вотъ источники тайнаго разврата, разсѣивающіе заразу совершенно свободно и безпрепятственно. Получая въ этихъ вертепахъ сифилисъ, ямщики, солдаты, проѣзжающіе, мастеровые, чернорабочіе, пріѣзжающіе въ городъ крестьяне разносятъ и развозятъ свою заразу по деревнямъ, вносятъ ее въ свои семьи и способствуютъ дальнѣйшему ея широкому распространенію. Съ другой стороны острогъ, выбрасывая еженедѣльно и ежегодно сотни новыхъ пришельцевъ въ Сибирь, прошедшихъ долгій этапный путь, вмѣстѣ съ новыми гражданами Сибири вноситъ въ мѣстную деревню зародыши всевозможныхъ болѣзней, начиная дифтеритомъ и оканчивая сифилисомъ.

Кто позаботился-ли когда о томъ, чтобы арестантъ былъ выпущенъ изъ острога и водворенъ въ деревню только вполнѣ здоровый? Кто когда-либо обращалъ-ли вниманіе на то, чтобы отпускные солдаты, или отпущенные временно на работы были внѣ яваго или скрытаго сифилитическаго періода! Гдѣ строгій надзоръ за артелями рабочихъ, за прислугой, за банями, гостинницами и пр.?

Ничего подобнаго нѣтъ. Возьмемъ для примѣра строющуюся теперь желѣзную дорогу, привлекшую и скучившую какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ по линіи постройки дороги тысячи работниковъ изъ разныхъ мѣстъ, начиная съ Италіи и кончая мѣстными коренными жителями Сибири. Скученность огромная, заработки ошеломляющіе и результатомъ всего этого страшный разгулъ, пьянство, развратъ, слѣдовательно массовое заболѣваніе венерическими болѣзнями. Между тѣмъ организовано-ли по линіи дороги хотя-бы что-нибудь для противодѣйствія всему этому. Ничуть нѣтъ. Медицинскій персоналъ вполнѣ недостаточенъ, больницъ мало, на ничтожное, вполнѣ недостаточное количество больныхъ, санитарно-полицейскаго надзора за проституціей никакого. Вотъ вамъ и новый факторъ—желѣзная дорога, который обязательно внесетъ и разнесетъ много новыхъ зараженій.

Вотъ куда между тѣмъ должна быть направлена раціональная борьба съ сифилисомъ.

Улучшеніе санитарныхъ условій селъ, переселеній. отхожихъ промысловъ, мѣстъ скопленія рабочихъ, строгій медико-полицейскій надзоръ за публичными домами, пивными, постоялыми дворами, гостинницами, меблированными комнатами, банями, за тайнымъ развратомъ и пр.

Однако, даже при самомъ идеально поставленномъ надзорѣ индивидуальные случаи заражеиій возможны и будутъ, и вопросъ о лѣченіи заболѣвшихъ долженъ стоять на очереди. Тщательно проведенному и своевременному лѣченію сифилиса препятствуютъ обыкновенно два фактора: Одинъ изъ нихъ —темнота массъ, небрежное отношеніе къ своему здоровью; второе —полная недостаточность агентовъ терапіи въ видѣ врачей и больницъ.

Не говоря уже о деревнѣ, гдѣ сельскій людъ предоставленъ вполнѣ своимъ собственнымъ силамъ, такъ какъ существующій строй сельской медицины въ Сибири нельзя-же назвать удовлетворительнымъ, даже въ городѣ сифилитикъ поставленъ въ большое затрудненіе при вопросѣ, гдѣ ему лѣчиться.

Отдѣльныхъ больницъ для венериковъ въ городахъ Сибири нѣтъ. Имѣются при больницахъ приказа, такъ называемыя, венерическія отдѣленія на ограниченное сравнительно число кроватей въ губернскихъ городахъ и вполнѣ недостаточное въ окружныхъ. Обставлены венерическія отдѣленія больницъ приказа крайне плохо. Возьмемъ для примѣра венерическое отдѣленіе красноярской городской больницы приказа, а, мы увѣрены, въ другихъ городахъ постановка дѣла не лучше, такъ какъ она вытекаетъ изъ средствъ больницъ, общихъ для всѣхъ, а не изъ личнаго характера служебнаго персонала. Женское отдѣленіе венерическихъ больныхъ въ красноярской больницѣ представляетъ изъ себя одну палату общаго женскаго отдѣленія на 8—10 кроватей. Никакого дѣленія на венерическихъ больныхъ и сифилитическихъ въ отдѣленіи не существуетъ; бѣлье, койки, умывальникъ, посуда—все это общее для обоихъ родовъ больныхъ. Проститутки помѣщаются здѣсь-же и конечно своимъ совмѣстнымъ присутствіемъ ужасно шокируютъ всѣхъ остальныхъ больныхъ отдѣленія. Помѣщеніе проституткъ въ палатѣ съ другими больными вполнѣ подрываетъ репутацію венерическаго отдѣленія, и другія больныя только въ крайней необходимости рѣшаются поступать въ это «неприличное» отдѣленіе больницы.

Условія пріема тоже ужасно странны: лица податного сословія въ венерическомъ отдѣленіи за лѣченіе не платятъ, поселенцы платятъ,

если они состоятельны, иначе за нихъ уплачиваетъ экспедиція о ссыльныхъ, проститутки обязательно платятъ. Такимъ образомъ, тотъ элементъ больныхъ, который всего болѣе опасенъ въ смыслѣ распространенія заразы и относительно котораго всего болѣе желательно, чтобъ онъ широко пользовался больничнымъ лѣченіемъ и не уклонялся отъ него, а между тѣмъ для этого то элемента оставлена обязательная плата за лѣченіе, которая заставляетъ проститутокъ возможно дольше избѣгать больницы, скрывая свое заболѣваніе и возможно скорѣе удаляться изъ больницы, едва формально закрыты наружныя проявленія сифилиса.

То-же самое можно сказать и относительно мужского отдѣленія больницы; тамъ тоже венерическое отдѣленіе помѣщается среди общихъ больныхъ, не изолировано и состоитъ изъ двухъ только палатъ, общихъ для венериковъ и сифилитиковъ, та-же одежда, койки, умывальникъ, посуда и пр., одни и тѣ-же для обѣихъ категорій больницъ; та-же недостаточность помѣщенія и съ одной стороны стремленіе больныхъ возможно скорѣе развязаться съ больницею, съ другой полная предупредительность въ этомъ отношеніи со стороны больничной администраціи съ цѣлью освободить мѣста, необходимыя для новыхъ поступающихъ.

При такомъ порядкѣ развѣ возможно говорить серьезно о лѣченіи сифилиса. Нѣтъ, это не лѣченіе, а штопанье! Едва только исчезаютъ наружныя проявленія болѣзни,—больной покидаетъ больницу, чтобы черезъ недѣлю, двѣ вновь имѣть возвратъ и чтобы въ этомъ самомъ опасномъ періодѣ для распространенія заразы, когда больной, убаюканный отсутствіемъ наружныхъ проявленій сифилиса, считаетъ себя здоровымъ, самъ не бережется въ сношеніяхъ съ окружающими и послѣдніе его не боятся.

Конечно, противъ воли больного мы не имѣемъ права удерживать его въ больницѣ силою. Это такъ. Но, при хорошо обставленномъ сифилитическомъ отдѣленіи, при воздѣйствіи нравственномъ на больного возможенъ другой порядокъ вещей, а что касается такого элемента больныхъ, какъ солдаты, казаки, банщики, прислуга и др., то относительно послѣднихъ всѣхъ могли-бы быть эксплуатируемы и мѣры задержанія.

Больница при существующемъ положеніи даже не приводитъ и не можетъ приводить въ сознаніе населенія здравыя понятія о болѣзни, ея опасности для окружающихъ и ея упорности въ смыслѣ излеченія и пр.

Больница сама на каждомъ шагу противорѣчитъ фактически этимъ принципамъ и у ней наглядно дѣло расходится со словомъ. Развѣ на подобной почвѣ возможна какая-либо раціональная выработка сознанія о дѣйствительной опасности сифилиса и необходимости самаго серьезнаго отношенія къ болѣзни. И вотъ, это все печальныя средства борьбы съ сифилисомъ въ городахъ, а что-же деревня?

Въ сибирской деревнѣ никакой борьбы съ сифилисомъ не предпринималось и не могло быть предпринято, въ силу отсутствія организованной сельской медицины.

Теперь, сдѣлавъ бѣглый обзоръ этіологическихъ моментовъ распространенія сифилиса и намѣтивъ пункты, на почвѣ которыхъ возможна борьба съ нимъ, зададимъ вопросъ: возможно-ли согласиться съ Герценштейномъ, Фриновскимъ и др., что они нашли вѣрную панацею отъ сифилиса въ организаціи летучихъ сифилидологическихъ отрядовъ, и нельзя-ли при существующемъ status quo будущую дѣятельность этихъ отрядовъ сравнить съ работою данаидъ, тщетно старавшихся наполнить бездонную бочку. Этимъ отрядамъ не исчерпать зла, которое разливается ведрами, а будетъ исчерпываться ложками. Ведро и ложка—двѣ несоизмѣримыя величины и было-бы смѣшно и близоруко ихъ сравнивать между собою. Но если-бы возможно было ожидать въ недалекомъ будущемъ организаціи такого количества сифилидологическихъ летучихъ отрядовъ, что ими возможно-бы было парализовать сифилитическое наводненіе, то и при этихъ условіяхъ огромную массу затраченныхъ средствъ и силъ лучше и производительнѣе будетъ обратить на корень зла и обезпечить возможное уменьшеніе зараженій сифилисомъ, организовать доступное, тщательное лѣченіе уже заболѣвшихъ, такъ какъ подобная дѣятельность содержитъ въ себѣ начало изсякновенія ядовитаго источника, а не безплодное его исчерпываніе.

Вотъ этими-то мыслями я хотѣлъ подѣлиться съ многоуважаемыми читателями и предложить вниманію и компетентной оцѣнкѣ мои взгляды.

Остается съ нетерпѣніемъ ожидать будущаго сифилидологическаго съѣзда и пожелать, чтобы на немъ интересы нашей Сибири въ компетенціи съѣзда не были игнорированы.

В. Крутовскій.

Изъ полярнаго края.

Бѣдственное положеніе инородцевъ Верхоянскаго края настолько извѣстно, что доказывать это было-бы совершенно излишне. Постоянная, хроническая голодовка большинства инородцевъ того округа—фактъ несомнѣнный, фактъ безспорно доказанный и оффиціальными данными, и частными наблюденіями.

Если-же эта хроническая голодовка нѣсколькихъ тысячъ населенія не возбуждаетъ надлежащаго вниманія, не тревожитъ общества, то это просто потому, что всѣ привыкли къ этому факту; видятъ въ немъ обычное и какъ-бы неизбѣжное явленіе. Сами инородцы, въ громадномъ большинствѣ своемъ, настолько выносливы ко всѣмъ невзгодамъ, и къ голоду, и къ холоду, настолько инертны и забиты, что нѣтъ даже мѣста какой-либо мысли о возможности перемѣны къ лучшему. Болѣе состоятельныя отдѣльныя единицы ихъ, живущія исключительно трудомъ этого большинства, весьма естественно не могутъ и желать такой перемѣны. А русское общество имѣетъ такъ много своихъ нуждъ, заботъ и страданій, что нѣтъ ни охоты, ни времени удѣлить часть вниманія и заботъ этой полярной окраинѣ.

И только поэтому можетъ до сихъ поръ держаться въ силѣ такое поверхностное объясненіе причинъ бѣдственнаго положенія этой окраины, объясненіе, усматривающее весь корень зла лишь въ суровыхъ, жестокихъ условіяхъ здѣшней полярной природы.

Между тѣмъ, неужели, при современной степени культурнаго развитія человѣчества, уже прочно занявшаго всѣ позиціи для побѣды надъ природою, при посредствѣ ея-же могущественныхъ силъ; неужели теперь, когда многое, казавшееся недостижимымъ еще такъ недавно, стало вполнѣ обычнымъ,—неужели, думаемъ мы, возможно признавать раціональнымъ такое объясненіе бѣдствій края—исключительно несчастными природными условіями?

Придавать фатальное значеніе этимъ природнымъ условіямъ,—какъ-бы они ни были суровы и неблагопріятны,—крайне опасно и вредно,

уже по одному тому, что положеніе это исключаетъ, или, по крайней мѣрѣ значительно парализируетъ всякое стремленіе борьбы съ данными экономическими бѣдствіями края.

Разъ эти бѣдствія—неизбѣжный результатъ суровыхъ условій полярной природы, а борьба съ такими непреодолимыми условіями превышаетъ силы человѣка, то остается лишь предоставить населеніе этого края всѣмъ ужасамъ дальнѣйшаго процесса, ведущаго къ вымиранію, вырожденію и вмѣстѣ съ тѣмъ попутно обречь его на жертву хищническимъ инстинктамъ разнаго рода, экономически и умственно, болѣе сильныхъ мѣстныхъ «благодѣтелей» и пришлыхъ дѣятелей.

Къ счастью, такое пассивное преклоненіе предъ силою природы не выводъ науки, а отговорка себялюбиваго квіетизма.

Наука-же, признавая безконечное разнообразіе природныхъ условій, тѣмъ самымъ не отрицаетъ и возможности суровыхъ, неблагопріятныхъ для человѣка условій; но, въ то-же время она ставитъ на первое мѣсто силу человѣка, его знаніе, энергію, а также,— все болѣе и болѣе получающее право гражданства,—нравственное чувство, которое оживотворяетъ его тяжелый трудъ и всевозможныя лишенія въ борьбѣ съ неблагопріятными явленіями.

Вотъ почему, заговоривъ о бѣдствіяхъ Верхоянскаго края, я счелъ болѣе правильнымъ причины такихъ бѣдствій видѣть не въ непреодолимыхъ, якобы природныхъ условіяхъ, а въ существующихъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что Верхоянскіе инородцы сохраняютъ до сихъ поръ ту форму быта—кочевую, которая уже устарѣла для нихъ послѣ соприкосновенія съ цивилизаціей другого, высшаго по культурѣ народа. Скотоводство и звѣриный промыселъ служатъ для нихъ и по настоящее время единственнымъ почти источникомъ существованія. Они, какъ и въ далекомъ прошломъ, берутъ отъ природы только то, что она даетъ безъ особаго вліянія на нее человѣка знаніемъ, цѣлесообразнымъ трудомъ. Но такіе дешевые дары заполярной природы, конечно, очень скудны. Эта природа можетъ быть очень щедра и здѣсь, но только тогда, когда къ ней приложится знаніе, искусство и осмысленный трудъ.

Пассивнаго-же отношенія къ природѣ было болѣе или менѣе достаточно для нашего кочевника лишь до соприкосновенія его съ высшей

цивилизаціей, когда потребности его были крайне ограничены, а всѣ продукты его промысла и скотоводства не имѣли еще сбыта, внѣ его ближайшихъ сородовичей.

Многочисленныя стада отдѣльныхъ немногихъ личностей, большой запасъ пушнины, не находившій тогда сбыта,—въ бѣдственные годы голодовокъ скота, падежей, малыхъ промысловъ,—давали возможность бѣдствующему большинству прокормиться и одѣться отъ этого избытка ихъ сородовичей-богачей. Вѣдь продукты и прилодъ большихъ стадъ далеко превышали незатѣйливыя потребности послѣднихъ и не имѣли сбыта. Поэтому они могли, безъ всякаго ущерба для себя, дѣлиться всѣмъ этимъ, безвозмездно даже со своими бѣдствующими сородовичами Почетъ, особое уваженіе, пожалуй можно сказать даже—личное, хотя неузаконенное, рабство были имъ за то наградою, вполнѣ удовлетворяющею ихъ.

Такой богачъ былъ какъ-бы отцомъ, патріархомъ среди бѣдствующихъ и покровительствуемыхъ имъ бѣдняковъ. Раздавая скотъ обезсиленнымъ сородовичамъ, онъ ставилъ ихъ снова на ноги, и бывали примѣры, что иной изъ такихъ бѣдняковъ становился даже въ ряды богачей, тогда какъ бывшій богачъ, щедро одѣлявшій своихъ собратій, нисходилъ до положенія покровительствуемаго.

Такія патріархальныя отношенія еще до сихъ поръ сохранились въ памяти верхоянскихъ инородцевъ, особенно въ болѣе или менѣе захолустныхъ мѣстахъ, а слѣды ихъ очень ясно видны въ томъ, что нищенство, въ обычномъ смыслѣ слова, за исключеніемъ городовъ и почтоваго тракта, между инородцами не существуетъ; по приговору общества содержаніе бѣдняковъ возлагается на лицъ болѣе состоятельныхъ и, можно сказать, пропорціонально степени состоянія.

Но такія патріархальныя отношенія, обезпечивающія массу населенія отъ голода и холода, могли существовать только до соприкосновенія съ цивилизаціей. Теперь потребности инородцевъ стали возрастать; чай, табакъ начали дѣлаться насущною потребностью; бѣлье и одежда изъ кожъ и шкуръ перестала удовлетворять ихъ. Появились расходы на дабу, саринку и т. п. Богачъ, щеголявшій прежде въ лисьей шубѣ съ ровдужной покрышкой, сталъ стыдиться этой ровдуги, пожелалъ имѣть сукно и притомъ разныхъ цвѣтовъ. Явилась необходимость въ мѣдной, желѣзной посудѣ; для конской сбруи понадобилось серебро. Наконецъ, спиртъ, дающій возможность забыться, быть веселымъ въ

самыя тяжелыя минуты, сталъ любимымъ напиткомъ и, какъ увеселяющее средство, вытѣснилъ освѣжающій и питательный кумысъ, который хотя и до сихъ поръ пользуется любовью инородцевъ, но уже какъ просто питательный и освѣжающій напитокъ и имѣетъ скорѣе значеніе дешевой пищи въ лѣтнее время для изголодавшагося зимою бѣдняка.

На удовлетвореніе всѣхъ этихъ новыхъ потребностей понадобились средства. Но нашъ кочевникъ могъ предложить заѣзжимъ сюда торговцамъ, взамѣнъ требуемыхъ предметовъ—только пушнину, скотъ и продукты послѣдняго. Само собою разумѣется, что скопленная пушнина отъ былого прошлаго, частью уже изгнившая, пошла за безцѣнокъ и скоро осталось о ней только одно воспоминаніе. Точно также не могли быть высоки цѣны и на продукты скотоводства, какъ невыдерживающіе далекой транспортировки. Но, съ другой стороны, предметы потребленія инородцевъ, доставляемые торговцами, въ виду трудности и дальности пути въ этотъ край, въ силу ограниченности торговыхъ оборотовъ среди инородцевъ, — предлагались имъ по дорогой цѣнѣ.

Вслѣдствіе такихъ невыгодныхъ для инородцевъ мѣновыхъ цѣнностей на предметы ихъ сбыта и потребленія, пришлось—за сравнительно небольшое количество пріобрѣтаемаго—сбывать всю добываемую пушнину и не мало питательныхъ веществъ, прежде потреблявшихся самими инородцами. Эти питательныя вещества, прежде не имѣвшія мѣновой цѣнности, теперь пріобрѣтаютъ ее къ невыгодѣ нуждающихся въ нихъ.

Богачъ понялъ, что, дѣлясь безвозмездно своимъ избыткомъ съ голодающимъ сородовичемъ,—приноситъ уже ущербъ себѣ, уменьшаетъ для себя возможность полнаго удовлетворенія вновь пріобрѣтаемыхъ потребностей. За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, богачъ перестаетъ давать безвозмездно свою корову или кобылу сородовичу, застигнутому какимъ-либо бѣдствіемъ. Теперь уже за этотъ скотъ онъ выговариваетъ себѣ или предметы промысла, или сѣно будущаго урожая; и такимъ образомъ бѣднякъ, запродавая впередъ свой трудъ, теряетъ возможность когда-либо снова подняться на ноги. И такъ какъ только въ этихъ формахъ, уже запроданныхъ кредитору, онъ можетъ проявить свой трудъ, не имѣя понятія о другихъ формахъ воздѣйствія труда на природу для увеличенія своего благосостоянія,—то достаточно еще разъ случиться какому-либо бѣдствію, чтобы онъ окончательно перешелъ въ разрядъ штемпитовъ.

Кромѣ того, весьма понятно, что новыя потребности явились не только у состоятельныхъ лицъ, но и у болѣе бѣдныхъ, хотя у послѣднихъ они развились значительно медленнѣе. Но, какъ теперь, такъ и ранѣе, пріобрѣтеніе ими этихъ завозныхъ предметовъ производилось не непосредственно, а чрезъ сородовичей болѣе состоятельныхъ, что весьма естественно въ виду огромныхъ разстояній, разбросанности жилищъ и сконцентрированія ввозныхъ предметовъ въ одномъ только пунктѣ. Такимъ образомъ, болѣе состоятельные инородцы являются посредниками между продавцами и потребителями, и фактически, если не по патенту, мелкими торговцами изъ туземцевъ, и получаютъ за то извѣстный процентъ, который, конечно, опять таки ложится тяжестью на массу бѣдствующихъ родовичей.

Я не буду входить въ исчисленіе того, какъ великъ этотъ процентъ и во сколько обходится массѣ населенія посредничество этихъ богатыхъ сородовичей. Кому неизвѣстно, какою изнуряющею тяжестью ложатся на массу трудового населенія эти разнаго рода Колупаевы, Деруновы и прочіе «благодѣтели» своихъ кровныхъ братій?

И вотъ, для ихъ-же именно блага и устанавливается новѣйшій характеръ полярной торговли.

Еще лѣтъ 10 тому назадъ преобладала и играла главную роль торговля по тракту, въ пути, производившаяся заполярными купцами, постоянно разъѣзжавшими съ своими огромными транспортами. Въ опредѣленныя мѣста ихъ остановокъ съѣзжалось обыкновенно почти все окрестное населеніе; пріѣзжали и болѣе состоятельныя лица изъ долинъ сосѣднихъ рѣкъ. Время остановокъ опредѣлялось заранѣе и служило обыкновенно предметомъ постоянныхъ разговоровъ, ожиданій и, пожалуй даже, радужныхъ надеждъ, которыми каждый бѣднякъ всегда готовъ проникаться и жить, лишь-бы былъ къ тому малѣйшій поводъ. Остановки-же купцовъ давали къ тому достаточныя основанія. Онѣ были ничто иное, какъ ярмарки, когда можно совершать ту или другую сдѣлку, или, по крайней мѣрѣ, вдосталь поговорить, послушать, набраться матеріала для долгихъ бесѣдъ у себя въ тайгѣ и, наконецъ, выпить хотя одну чарку водки.

Въ числѣ съѣзжавшихся на ярмарку бывало всегда и нѣсколько лицъ такихъ, которыя уже издавна имѣли торговыя дѣла съ купцами. Брали у нихъ товаръ на сотню, другую и сдавали пушнину. Эти люди были необходимы купцамъ. Чрезъ нихъ сбывался товаръ для дальнихъ захо-

лустій и чрезъ нихъ-же обиралась вся добыча мѣстнаго и далекаго промысла. Они, въ сущности, были приказчиками или коммиссіонерами, съ вознагражденіемъ въ видѣ скидки опредѣленнаго процента на фактурную цѣну принятаго ими товара.

Такими коммиссіонерами бывали иногда и заѣзжіе русскіе разныхъ категорій: мелкіе чины и др., а также ссыльные. Заработокъ ихъ, самъ по себѣ, былъ очень невеликъ. Едва-ли кому изъ нихъ удавалось имѣть, собственно отъ такой переторговли, болѣе 100 р. въ годъ. Но умѣлые изъ нихъ не гнались за этимъ заработкомъ, они умѣли извлекать самыя существенныя выгоды изъ своего коммиссіонерства другимъ путемъ, а именно эксплуатаціею якутскаго обычая «гостьбы». Только при посредствѣ такихъ коммиссіонеровъ предметы ввоза могли достигать самыхъ отдаленныхъ или глухихъ инородческихъ стойбищъ; а съ развитіемъ потребностей, эти предметы стали предметами необходимости, для пріобрѣтенія которыхъ не щадилось ничего. Притомъ, для одичалаго таежника, нетолько необходимые продукты, но и всякая ввозимая туда новинка имѣла свою неотразимую прелесть. Рѣдкій изъ таежниковъ могъ устоять предъ соблазномъ пріобрѣтенія невиданныхъ предметовъ. Все это всецѣло отдавало его въ руки бывалаго коммиссіонера, особенно если у послѣдняго бывала чарующая «арчы».

Обмѣна, какъ формы мѣновой торговли, собственно говоря, не было; производилась гостьба, т. е. преподнесеніе необходимаго или соблазнительнаго подарка съ обязательною за него отплатою въ нѣсколько разъ большей цѣнности. Размѣръ отплаты зависѣлъ частью отъ степени нужды, или соблазнительности подарка въ глазахъ таежника, частью отъ количества выпитой водки и еще; можетъ быть, болѣе всего отъ искусства, или вѣрнѣе, нахальства со стороны разбитного коммиссіонера.

О сдѣлкахъ такого рода разсказываютъ цѣлыя легенды.

Неизбѣжныя послѣдствія такой формы обмѣна должны были сказаться. Онѣ исключали возможность дальнѣйшаго ея существованія.

Неисчислимыя стада оленей, огромные табуны коней, богатыя хозяйства рогатаго скота, груды мамонтовой кости и амбары, полные всякой дорогой пушнины — быстро перешли въ руки нелѣпивыхъ и болѣе умныхъ коммиссіонеровъ. Вѣковые запасы сбереженнаго труда, оживлявшіе торговые обороты полярныхъ купцовъ, отошли въ область преданій. Большинство инородцевъ оказалось затѣмъ экономически безсильнымъ окупать даже расходы по поѣздкѣ коммиссіонеровъ въ глушь тайги и

отдаленныя окраины. А въ ряду послѣднихъ опять таки большинство, не находя достаточной оплаты за ихъ хлопоты и трудъ въ причитающейся прибыли отъ переторговли,—волею-неволею уступили свое мѣсто тѣмъ болѣе умнымъ и талантливымъ изъ ихъ среды, которые съумѣли или которымъ удалось извлечь изъ многолѣтней «гостьбы» наиболѣе солидную выгоду.

Въ настоящее время вмѣсто прежнихъ, многихъ мелкихъ коммиссіонеровъ, посредниками между купцами и населеніемъ остались только отдѣльныя единицы, по большей части болѣе состоятельныя, чѣмъ сами купцы.

Такая диференціація, выдѣлившая на каждый наслегъ одного, или двухъ разбогатѣвшихъ «тойеновъ», ставшихъ на недосягаемую высоту надъ массою остальнаго крайне обѣдиѣвшаго населенія, произошла, конечно, не сразу.

Упадокъ пушного промысла за послѣдніе годы, естественно, содѣйствовалъ ускоренію процесса диференціаціи.

Подъ совокупнымъ давленіемъ этихъ обоихъ факторовъ, покупательныя силы инородческой массы ослабли еще болѣе; онѣ, хотя постепенно, но очень быстро дошли до возможнаго минимума. Отсюда неизбѣжная шаткость купеческихъ операцій Нѣкоторыя торговыя фирмы вынуждены были прекратить дѣла, а другія, въ виду ненадежности кредита мелкаго и средняго, ограничили свои операціи или наличною продажею, или крупнымъ кредитомъ, причемъ то и другое требовало значительнаго пониженія цѣнъ. Но для массы населенія такое паденіе цѣнъ не имѣетъ никакого значенія. Разница въ цѣнѣ не остается у потребителя, а идетъ отъ него, какъ и прежде, но только уже не въ руки купца — не на покрытіе его, порою чрезмѣрныхъ, расходовъ по безпрерывной ярмарочно-кочевой торговлѣ былого времени—но непосредственно въ карманъ крупныхъ монополистовъ—переторговцевъ. Эта концентрація торговаго дѣла въ рукахъ немногихъ лицъ—купцовъ и этихъ туземныхъ монополистовъ, замѣнившихъ собою многочисленныхъ бывшихъ комиссіонеровъ, опять таки, еще болѣе ускоритъ, или вѣрнѣе, довершитъ отмѣчаемый нами процессъ диференціаціи.

Въ настоящее время торжество его замѣтно для каждаго. Каждый наслегъ, или отдѣльный родъ его, имѣетъ своего «тойена». Онъ владѣетъ лучшими сѣнокосными угодіями, границы которыхъ опредѣляются его желаніемъ; выгоны его безграничны; нерѣдко въ его исключительномъ

пользованіи находятся цѣлыя долины боковыхъ рѣчекъ, гдѣ на разстояніи другъ отъ друга въ 10—20 верстъ, раскинуты, въ довольно живописныхъ мѣстахъ, многочисленныя его заимки. Скотъ его охраняетъ все населеніе, частью по обычаю, частью изъ страха. Каждый сородовичъ знаетъ, гдѣ и когда бродитъ та или другая изъ его кобылъ. И горе тому, кто не избавитъ ее изъ опаснаго положенія, если та какимъ-нибудь образомъ очутилась въ немъ. Тойенъ владѣетъ, собственно говоря, не тѣмъ только скотомъ, который числится за нимъ, но и большею частью всего, что имѣется въ его раіонѣ. Только двѣ, три семьи внѣ кабальной зависимости отъ него. Владѣніе скотомъ остальныхъ сородовичей совершенно номинально. Кабала каждаго изъ нихъ настолько крѣпка, что распоряжаться своимъ скотомъ они могутъ по большей части лишь съ вѣдома и согласія своего патрона «тойена». Кромѣ необходимаго для предупрежденія отъ голодной смерти—молока и «тары», все остальное количество продуктовъ скотоводства должники не имѣютъ права отчуждать помимо своего тойена. Каждая убоина, каждый приплодъ или безменъ масла долженъ идти ему въ погашеніе долга. Оцѣнка минимальная, и причина тому совершенно резонная и убѣдительная для бѣдняка—«нѣтъ сбыта, никто не купитъ!» небрежно говоритъ тойенъ.

Но вотъ наступила вторая половина зимы; коровы перестали давать молоко; тара вышла. Ужь нѣтъ даже отвратительной каши изъ прогорклой тары съ гнилою рыбою и сушеными листьями молодой полыни или чертополоха. Изгрызены и кости. Голодъ вступаетъ въ свои права, и бѣднякъ «со страхомъ и трепетомъ», чувствуя свое безсиліе и ничтожество, молитъ своего патрона о разрѣшеніи съѣсть свою-же осеннюю убоину или часть *палаго* коня, сложившаго свои кости послѣ непосильной работы на утучненіе «тойена». Послѣ долгихъ резонныхъ отговорокъ, дается милостивое согласіе и, конечно, по безобразно высокой цѣнѣ. Петля кабалы затянулась еще сильнѣе. Но бѣднякъ въ восторгѣ спѣшитъ домой. Невозможное рубище едва прикрываетъ тѣло и не предохраняетъ отъ лютаго мороза; но онъ выносливъ и, не смотря на изможденность не чувствуетъ ни холода, ни усталости; 20—40 верстъ разстоянія до его убогой юрты онъ пробѣгаетъ очень скоро и послѣ обычныхъ, необходимыхъ, но томительныхъ для голодной семьи привѣтствій и обмѣна новостями, съ сіяющей физіономіею, сообщаетъ о милости сострадательнаго тойена. Семья сыта хотя на 2 дня...

То, что сказано о продуктахъ скотоводства, должно быть отнесено и къ другимъ промысламъ, и къ пользованію сѣномъ.

При отживающей формѣ сбора продуктовъ промысла—при разъѣздахъ подвижныхъ коммиссіонеровъ, каждый якутъ или тунгусъ могъ сбыть свою добычу на мѣстѣ своего жительства, или вблизи отъ него. Здѣсь онъ дома, хозяинъ; онъ чувствуетъ нѣкоторымъ образомъ свою силу; онъ знаетъ, что скупщикъ пушнины заинтересованъ собрать ее какъ можно болѣе; онъ долго и крѣпко держится, съ азіатскою хитростью, своего добра. Онъ требуетъ угощенія, безъ котораго даже не покажетъ достоинства своей пушнины. Онъ преувеличиваетъ свое благосостояніе, скрываетъ свою нужду.

Теперь не то; въ глушь и захолустья уже мало кто проникаетъ изъ посторонихъ людей. Единственный пунктъ сбыта—мѣстный тойонъ. Но тотъ не заинтересованъ въ пушнинѣ; онъ съ одинаковою, а можетъ быть еще большею пользою, сдѣлаетъ оборотъ, «заработаетъ» и на продуктахъ скота, на коняхъ и оленяхъ. Онъ не принимаетъ на себя труда ѣхать за сборомъ продуктовъ промысла. Онъ, какъ мизгирь-паукъ, сидитъ скромно въ своей засадѣ. Жертвы сами стремятся къ нему. И въ жертвахъ недостатка нѣтъ. Ихъ жметъ къ нему и тяжесть повинностей, на уплату которыхъ нѣтъ средствъ, и вновь развившіяся потребности въ чаѣ и табакѣ, и болѣе всего неумолимый голодъ.

Прошло уже то время, когда нуждающійся кочевникъ-якутъ могъ безвозмездно или хотя безпроцентно получить нѣсколько возовъ сѣна, или корову на убой въ лѣто. Теперь, при недостачѣ сѣна, за каждые 5 возовъ, заимообразно взятыхъ, онъ долженъ заплатить своему сосѣду-сородовичу $7^1/_2$ возовъ, а за удой коровы $^1/_3$ часть ея стоимости.

Нѣтъ болѣе отечески-патріархальныхъ отношеній, спасающихъ кочевника отъ вымиранія; отъ нихъ остались только легендарныя преданія и нѣкоторые обычаи, пережившіе новыя вѣянія. На смѣну ихъ установились, конечно не сразу, а въ нѣсколько ступеней, эксплоатаціонныя отношенія; причемъ каждый свой личный интересъ считаетъ выше всѣхъ родовыхъ преданій. И надо замѣтить, эта эксплоатація присуща не однимъ только болѣе состоятельнымъ лицамъ, а наоборотъ, какъ-бы распылилась по всей массѣ якутовъ. Каждый изъ нихъ, будь даже самый бѣднѣйшій рабочій, старается получить (или, по мѣстному выраженію, «заработать») на кирпичъ чаю, взятый имъ въ счетъ жалованья, хотя одну заячью шкуру, сверхъ его стоимости, а за листъ табаку или за чарку водки возьметъ съ жаждущаго десятерную цѣну ихъ стоимости, или-же за «одну иголку», доставшуюся ему чуть не даромъ, беретъ заячью шкуру, которую сбываетъ за 5 коп.

Таковы результаты соприкосновенія кочевниковъ якутовъ съ высшей культурой, не давшей ему, однако-жъ, ни силы, ни умѣнья утилизировать ея богатства и тѣмъ оставляющей его до сихъ поръ въ положеніи дикаго кочевника.

Что это соприкосновеніе съ высшей культурой нисколько не увеличило производительности якутскаго труда, ясно до очевидности.

Якуты, какъ и въ древности, видятъ единственный источникъ своего существованія въ скотоводствѣ и промыслѣ, но посмотримъ сколько труда и выносливости все это требуетъ и что отъ него они получаютъ.

Для того, чтобы прокормить зимой около 20 шт. рогатаго скота (наполовину мелкаго) нуженъ, по крайней мѣрѣ трудъ въ сѣнокосное время 2 раб. муж. пола и 2 раб. женск. пола. Взгляните на этихъ полуголыхъ, притупленныхъ нуждою дикарей, работающихъ въ знойную пору въ болотахъ выше колѣна въ холодной водѣ, обливающихся потомъ, поѣдаемыхъ комарами такъ, что голыя спины ихъ покрыты кроваво-черными полосами. Сколько приложено тутъ труда! Но вотъ выпадаетъ дождь гдѣ-то на вершинахъ отдаленныхъ горъ; въ 2 - 3 часа времени пришла вода рѣчная или горная, залила луга, и все скошенное сѣно унесло, замело глиной. Сколько еще труда потребуется для спасенія этого, хотя почернѣвшаго сѣна! Жалость беретъ, глядя на этихъ неустанныхъ тружениковъ, неувѣренныхъ въ пользѣ своего труда и питающихся лишь чаемъ съ молокомъ да кумысомъ, если таковой имѣется.

Удивительно-ли, что эта якутская семья, рѣдко имѣющая 4 рабочія силы, едва можетъ содержать эти 20 шт. рогатаго скота. О подкормкѣ скота сѣномъ въ теченіе лѣта въ Верхоянскомъ округѣ не имѣютъ и понятія.

Нельзя сказать, чтобъ въ этомъ была виновата неуспѣшность косьбы и уборки сѣна. Нѣтъ, благодаря тому, что якутъ пользуется отведеннымъ ему надѣломъ въ томъ видѣ, по качеству и свойству угодій, какъ онѣ даны природой, не измѣняя и не улучшая ихъ, онъ большею частью нуждается въ выгонѣ, а потому сѣно растетъ только какой-нибудь мѣсяцъ И если рачительный хозяинъ станетъ медлить, давая подрости недоросшему сѣну, то онъ рискуетъ, въ большинствѣ случаевъ, потерять еще больше.

Теперь посмотримъ, насколько можетъ быть удовлетворителенъ самый благопріятный результатъ этой тяжелой 2-хъ-мѣсячной работы. Поло-

жимъ, что сѣна получено maximum ожидаемаго количества, т. е. 6 уонбуласовъ, что по разсчетамъ якутовъ достаточно для прокормленія 20 головъ скота, въ томъ числѣ 1 быка рабочаго или 1 лошади. Но вѣдь изъ этого уонбуласа выходитъ не болѣе 10—12 двадцатипудовыхъ возовъ сѣна. Возможно-ли, чтобы при заполярныхъ холодахъ двухсотсуточной зимы и при отсутствіи другого корма, этого количества сѣна было-бы достаточно, чтобы скотъ могъ существовать, а тѣмъ болѣе давать достаточно продуктовъ? И вотъ якутъ старается дополнить этотъ кормъ косьбой кадымалъ, т. е поблекшаго сѣна по льду. Но вѣдь самъ якутъ разсчитываетъ означенный запасъ сѣна только на 200 сутокъ зимы, т. е. до 23 апрѣля. А далѣе? Скотъ пускаютъ на подножную отаву, т е онъ бродитъ по замершимъ еще болотамъ, пощипывая съ кочекъ клочки блеклаго сѣна. Но вотъ въ маѣ—и даже въ концѣ этого мѣсяца—выпадаетъ снова снѣгъ дня на 2 — 3... Естественно, что скотъ доходитъ до такого состоянія, что онъ безъ помощи не можетъ передвигаться: его поднимаютъ, поддерживаютъ, переводя съ мѣста на мѣсто, чтобы онъ могъ хоть сколько-нибудь пощипать корму. Понятно, что истощенный до такой степени скотъ не успѣваетъ откормиться, какъ слѣдуетъ даже до октября мѣсяца, а молочныя коровы даютъ молока очень недостаточное количество, тѣмъ болѣе, что, съ появленіемъ свѣжей травы, комары не даютъ покоя во все лѣто.

Но насколько эти 20 шт скота обезпечиваютъ пропитаніе семьи? Полагая, что изъ этого скота, кромѣ быка или лошади, имѣется половина мелкаго скота, какъ это обыкновенно бываетъ,—то остается годнаго для утилизированія не болѣе 9 шт.

Исключая 2—3 шт. на убой для пищи въ зиму, имѣется въ лѣто молочныхъ коровъ 6—7 шт., изъ коихъ около половины стародоекъ, какъ это бываетъ зачастую. На прокормъ-же 4-хъ человѣкъ рабочихъ во время сѣнокоса нужно по крайней мѣрѣ 4—5 коровъ, такъ что на прокормъ всѣхъ остальныхъ членовъ семьи имѣется лишь двѣ коровы. Очевидно, что при отсутствіи какой-либо другой пищи, молочныхъ продуктовъ отъ этихъ коровъ далеко недостаточно для насыщенія всѣхъ членовъ семьи. А потому приходится пополнять недостачу изъ другихъ источниковъ: берутъ въ цѣну на удой корову или кобылу для кумыса; ранней весной копаютъ сарданy, осенью воруютъ у мышей ихъ запасъ разныхъ съѣдобныхъ корней, и счастливы тѣ, близъ жилищъ которыхъ есть какія-либо озера, дающія хоть иногда какую-нибудь мелкую рыбу.

Мы видимъ, что на зимнее продовольствіе отчислено только 2—3 шт. скота. Но что значатъ эти 14—20 пуд мяса на 7 зимнихъ мѣсяцевъ, на семью въ 6—8 человѣкъ, при отсутствіи хлѣба! Вѣдь безъ хлѣба якуту нужно ежедневно не менѣе 4 ф. мяса. Поэтому недостатокъ мяса пополняется тарой, которая въ этомъ хозяйствѣ накоплена лѣтомъ быть не можетъ; приходится покупать ее у болѣе состоятельныхъ сородовичей по 60 коп.—1 руб. за пудъ. При недостаткѣ тары питаются «бясью»—заболонь лиственницы.

Промыселъ лѣсной для такой семьи можетъ быть лишь небольшимъ подспорьемъ, такъ какъ изъ двухъ мужскихъ рабочихъ силъ, одинъ мужчина долженъ быть обязательно дома для подвоза дровъ, сѣна, очистки проруби и т. п. тяжелыхъ работъ. Одинъ-же промышленникъ, неотрывающійся отъ семьи по мѣсяцамъ, а слѣдовательно промышляющій лишь въ тайгѣ, ближайшей къ улусу, едва-ли добудетъ во всю зиму болѣе 200—300 зайцевъ; но вѣдь это по $1—1^1/_2$ зайца въ день на всю семью!

Изъ этихъ разсчетовъ видно, что домохозяинъ, имѣющій 20 шт. скота, обязанъ для пропитанія и содержанія семьи закупать на удой въ лѣто корову или кобылу, на зиму тару, на весь годъ чай, табакъ, а также дабу, сарпинку, ситецъ и т. п. На все это нужно по крайней мѣрѣ 120 р., полагая, что взрослые имѣютъ ежегодно только *одну* пару бѣлья и кое-какую верхнюю одежду, а подростки и старики довольствуются тряпками, сгнившими еще на плечахъ рабочихъ силъ. Откуда-же взять эти деньги? Какія-нибудь 200—300 заячьихъ шкуръ, если даже положить, что изъ нихъ ничего не будетъ употреблено на свою одежду, дадутъ не болѣе 15—20 руб., при самой хорошей цѣнѣ. Чѣмъ-же покрывается остальной дефицитъ? Обыкновенно продается 1—2 шт. скота, крохи молочнаго скота—отчего еще болѣе приходится голодать, продается 1 или хоть $^1/_2$ уонбуласа сѣна, въ надеждѣ на теплую зиму, на раннюю весну, и въ результатѣ скотъ еще болѣе изпуренъ. Наконецъ, необходимо входить въ долги, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ якутъ средняго состоянія. Долги эти еще болѣе спутываютъ средняго якута; ради погашенія ихъ и возможности новаго кредита приходится очень рано запродавать сѣно, будущій промыселъ, скотъ, конечно по значительно удешевленной цѣнѣ. Случается очень часто, что въ уплату за сдѣланный прежде долгъ, согласно сдѣланному условію, сдается скотъ, какъ сказано—по дешевой цѣнѣ, а черезъ

очень короткое время мясо того-же скота снова покупается то-же въ долгъ, но уже по болѣе дорогой, чуть не двойной оцѣнкѣ. Продать-же этотъ скотъ, для уплаты долга, на сторону, по дорогой, настоящей оцѣнкѣ должникъ не смѣетъ: онъ боится своего кредитора —сосѣда, который обыкновенно очень зорко слѣдитъ, чтобы все, сбываемое должникомъ, шло въ его руки.

Такимъ отношеніямъ благопріятствуетъ отчасти и то, что верхоянскіе торговцы не ссужаютъ, не продаютъ и не могутъ продавать своимъ покупателямъ такіе предметы, въ которыхъ болѣе всего нуждаются потребители, т. е. мясо, сѣно, скотъ и продукты онаго. За всѣмъ этимъ нуждающійся долженъ идти къ своему болѣе состоятельному сосѣду, и горе, если тотъ, узнавъ, что нуждающійся сдалъ что-либо изъ своего промысла на сторону,—не дастъ необходимо нужной ссуды .. Конечно бываютъ, но какъ исключеніе такіе случаи, что выгода превышаетъ страхъ предъ сосѣдомъ-патрономъ и нуждающійся сбываетъ свой промыселъ на сторону; но опять-таки тайно, съ убѣдительнѣйшею просьбой скрыть эту сдѣлку отъ всѣхъ.

Я взялъ для примѣра семью, обладающую 20 шт. скота. Это потому, что въ Верхоянскомъ улусѣ обыкновенно принимаютъ 20 - 30 шт. скота за признакъ «средней состоятельности» семьи. Я дѣлалъ разсчетъ именно на 20 шт., руководствуясь тѣмъ, что

1) по характеру данныхъ природою и до сихъ поръ неизмѣненныхъ человѣкомъ сѣнокосныхъ и другихъ угодій, 1 работникъ съ работницей можетъ поставить сѣна среднимъ числомъ въ средній годъ не болѣе 3 уонбуласовъ.

2) въ составъ средней семьи 8--10 душъ обоего пола (съ птемишами) входятъ не болѣе 2 муж. и 2 жен. рабочихъ силъ. И такимъ образомъ трудомъ ихъ можетъ быть добыто только 6 уонбуласовъ сѣна, т. е. количество, едва-едва достаточное для прокормленія 20 шт. скота.

Но разсчеты мало измѣнятся, если такая-же семья имѣетъ не 20, а 30 шт. скота. Избытокъ скота требуетъ соотвѣтственно излишняго запаса сѣна для прокормленія зимою этого избытка. Но собственныхъ рабочихъ силъ уже на это не хватаетъ, приходится пользоваться наемными рабочими, которые и поглотятъ половину доходности отъ излишнихъ 10 штукъ скота (изъ копхъ, по вышеприведенному разсчету, не болѣе 3—4 молочныхъ коровъ). Конечно, при этомъ можно допустить, что для такой семьи не нужно уже будетъ брать ко-

рову и кобылу на удой и что на зиму можетъ быть сдѣланъ большій запасъ тары, чѣмъ въ семьѣ съ 20 шт. скота. Такимъ образомъ дефицитъ будетъ менѣе, но изъ этого-же разсчета ясно, что дефицитъ все-таки неизбѣженъ, хотя можетъ быть онъ, при той-же степени воздержанія отъ пищи—выразится уже меньшею цифрой, рублей въ 50—70.

Въ подтвержденіе моихъ выводовъ я могу сослаться на общепринятое мнѣніе между якутами Верхоянскаго улуса, что только тѣ семьи могутъ быть сыты отъ своего скота и промысла, которыя имѣютъ отъ 50 до 80 шт. скота, и что только про семьи съ 80—100 шт. и выше говорится, какъ о состоятельныхъ. Только въ такихъ семьяхъ почетный гость можетъ найти лѣтомъ мясо.

По разсчету якутовъ нашего улуса, для покрытія всѣхъ расходовъ семьи, быть сытымъ круглый годъ и потреблять мясо зимою, имѣть достаточно одежды, содержать птемнитовъ и притомъ не дѣлать долговъ,— нужно израсходовать, при нѣкоторой добычѣ отъ промысла, не менѣе 20 шт. скота; но что такой расходъ скота доступенъ лишь тѣмъ, кто имѣетъ по крайней мѣрѣ 100 шт.; что только при такомъ количествѣ головъ скотоводство не будетъ идти къ упадку. Вѣрность такого разсчета можно было-бы доказать цифрами, выводами изъ прежденриведенныхъ данныхъ. Но, конечно, при этомъ пришлось-бы принять во вниманіе, что болѣе состоятельныя семьи имѣютъ и болѣе развитыя потребности: для нихъ уже совѣстно держать дѣтей голыми; взрослымъ также нужно больше бѣлья и одежды и т. д.

Необходимо замѣтить, что въ Верхоянскомъ улусѣ число семей, имѣющихъ болѣе 100 шт. скота считается единицами, а число семей отъ 50 до 100 шт. десятками. Изъ остального населенія большинство не настолько счастливо, чтобы владѣть даже 20 - 30 шт.

Къ сожалѣнію, не имѣется имущественной статистики Верхоянскаго улуса, хотя данныя для этого легко могла-бы представить инородная управа, которой не можетъ не быть извѣстно раздѣленіе по классамъ всѣхъ жителей каждаго наслега, сообразно степенямъ состоятельности каждой семьи, причемъ принимается во вниманіе главнымъ образомъ количество скота, владѣемаго той или другой семьей. При такой классификаціи, устанавливаемой ежегодно на наслежныхъ собраніяхъ самимъ обществомъ—для опредѣленія количества сбора, слѣдуемаго съ каждой семьи на общественные расходы,—къ 1-му и 2-му высшимъ классамъ относятся наиболѣе состоятельныя семьи, облагаемыя боль-

шимъ налогомъ, а къ 4-му и иногда къ 5-му классамъ причисляются наиболѣе бѣдные; причемъ самый низшій классъ освобождается совсѣмъ отъ такихъ сборовъ. Цифры семей, отнесенныхъ къ тому или другому классу, очень краснорѣчиво указали-бы на имущественное состояніе инородцевъ. Изъ нихъ мы увидѣли-бы, какъ я и сказалъ выше, что къ высшимъ классамъ отнесены единицы и десятки семей, а къ низшимъ громадное большинство.

Мы уже видѣли, какъ незавидно положеніе даже средней семьи. Ежегодное наростаніе дефицита въ этихъ семьяхъ неизбѣжно приводитъ очень скоро къ еще большему обѣдненію. Но тутъ являются на помощь тѣ повально-эксплоататорскія отношенія, которыя вытѣснили прежнія патріархальныя. Тѣ изъ семей, которыя съумѣли приспособиться къ новому теченію, успѣли найти добавочныя средства въ барышахъ, получаемыхъ ими съ еще болѣе бѣдныхъ сородичей за оказываемыя имъ разныя ссуды, и которыхъ они успѣли поставить въ кабальную зависимость, хотя въ свою очередь сами состоятъ въ такой-же зависимости отъ болѣе состоятельныхъ сородичей.

Тѣ-же изъ среднихъ семей, которыя не могли стать на эту новую почву, конечно, мало-по-малу, переходятъ въ низшіе классы и постепенно доходятъ до положенія втемнитовъ.

Что-же сказать о большинствѣ населенія? Постоянный голодъ, особенно въ зимнее время, недостатокъ одежды мѣшаетъ идти на промыселъ. Иной костюмъ просто поражаетъ васъ; вы не скоро можете сообразить, изъ чего онъ состоитъ. Вглядѣвшись внимательнѣе, увидите, что на этомъ несчастномъ надѣты одна на другую нѣсколько самыхъ разнообразныхъ рубахъ, пальто, изорванныхъ въ клочья, истрепанныхъ настолько, что 5—6 слоевъ одежды даютъ видѣть мѣстами голое тѣло. Въ такой одеждѣ вы можете видѣть въ Россіи только самаго убогаго нищаго. Но, какъ извѣстно, нищенства здѣсь нѣтъ, а потому такая нищета не показывается здѣсь на свѣтъ Божій; ее едва-ли когда видитъ заѣзжій торговецъ, а тѣмъ болѣе чиновникъ. Юрты, или вѣрнѣе конуры, бѣдняковъ прячутся отъ дороги въ сторону; къ нимъ не подвезетъ васъ ни одинъ ямщикъ; «дурной (что по-якутски равносильно — бѣдный) житель», скажетъ онъ; онъ знаетъ, что его здѣсь ничѣмъ не накормятъ, а вы не найдете мало-мальски сноснаго орона и посуды для чаю. А вѣдь такихъ убогихъ жилищъ не мало; на каждую придорожную болѣе чистую юрту вы могли-бы ихъ насчитать нѣсколько, - конечно тамъ, гдѣ селеніе болѣе скучено.

Кому неизвѣстно, что многіе якуты съ жадностью вырываютъ кость изъ пасти собаки и, отнявъ, догрызаютъ сами... Это не легенда, а несомнѣнный, часто повторяющійся фактъ. Облизываніе тарелокъ, котловъ, сковородъ—еще можно, пожалуй, объяснить привычкой, обычаемъ, хотя нельзя не замѣтить, что *сытые* якуты этого не дѣлаютъ. Но неужели борьбу съ собакою изъ-за обглоданной кости можно тоже объяснить привычкой или даже жадностью? Не говоритъ-ли все это скорѣе о хроническомъ голодѣ?..

Конечно, можно замѣтить, что у якутовъ есть особая любовь къ костямъ, и указать, какъ богатые люди разбиваютъ кости свѣже-убитыхъ животныхъ и, высосавъ ихъ, съ удовольствіемъ смакуютъ содержащійся внутри костный мозгъ. Но вѣдь это такое лакомое блюдо, по мнѣнію якутовъ, что свѣжія нѣжныя кости—особенно жирныхъ животныхъ—дѣйствительно считаются лакомствомъ и такія кости средними якутами преподносятся богачамъ, какъ пріятный подарокъ. И совершенно другое дѣло обглоданныя кости изъ пасти собакъ или, напримѣръ, вывариваніе всякаго костянаго отброса, практикуемое даже средними якутами. Обыкновенно во всю зиму собираются всевозможныя кости, не только въ собственномъ хозяйствѣ, но и въ окружности—за извѣстныя услуги; кости эти конечно уже ранѣе высосаны и выварены. Но къ веснѣ ихъ снова вывариваютъ очень продолжительное время, измельчивъ предварительно въ величину мелкихъ орѣховъ. Послѣ выварки, верхній, болѣе жировой слой съ жадностью съѣдается, какъ лакомство, или сохраняется для смазки при вымяніи шкуръ. А оставшуюся черную, вонючую, противную жидкость хлебаютъ, какъ-бы обыкновенный питательный супъ. Поналивъ желудки этою отвратительной жидкостью, остатки замораживаютъ до утра, чтобы на завтра, разогрѣвъ, снова питаться ими. Поразительна выносливость якутскаго желудка въ воздержаніи отъ пищи или, вѣрнѣе, приспособленность къ хроническому голоду. Мнѣ приходилось прожить въ якутской семьѣ нѣсколько мѣсяцевъ во второй половинѣ зимы. О запасѣ мяса не было уже и помину. Изъ всего скота около 15 шт. было только двѣ коровы-стародойки, дающія миніатюрное количество молока (Стельныя коровы, какъ извѣстно, здѣсь перестаютъ доиться очень рано, чуть не съ осени. И вотъ эта семья въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ питается только чаемъ и тарой съ небольшимъ количествомъ молока. Такая пища мнѣ казалась крайне недостаточною, но я всегда видѣлъ ихъ довольныя физіономіи, никогда не слыхалъ отъ нихъ жалобъ на голодъ и это меня поражало. Впослѣдствіи же, я пере-

сталъ этому удивляться; мнѣ случалось наталкиваться на такіе факты, когда человѣкъ трое сутокъ ничего не ѣлъ и молча переносилъ это. Что-же страннаго, когда при рубкѣ на куски мяса, присутствующіе, отгоняя собакъ, съ жадностью подбираютъ съ полу и тутъ-же съѣдаютъ мелкія, отлетающія въ сторону, крохи сырого мяса и костей. Присмотрѣвшись ко всему этому, перестаешь удивляться и облизыванію остатковъ масла со сковородъ, тарелокъ и т. п. Многіе относятся ко всему этому съ насмѣшкой; но едва-ли они въ этомъ правы, и если правы, то развѣ только по пословицѣ: «сытый голоднаго не разумѣетъ».

Удивительно-ли, что хронически голодающее населеніе при первой эпидеміи начинаетъ вымирать. Если смертность отъ оспы незначительна среди болѣе состоятельныхъ, то тутъ она почти всегда неизбѣжна. Можно-ли отъ нихъ требовать сожженія одежды и др. предохранительныхъ мѣръ, когда они такъ дорожатъ каждымъ грязнымъ, рваньмъ лоскуткомъ.

Если мы видимъ, что скотоводство въ соединеніи съ промысломъ, какъ подспорьемъ, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно теперь существуетъ, не можетъ обезпечить якутовъ, то тѣмъ болѣе не обезпечиваетъ ихъ чисто промысловая жизнь, которая однако требуетъ не мало упорнаго труда и выносливости.

Промышленникъ, спеціально занятый промысломъ, сооружаетъ себѣ конуру въ глуши лѣса, живетъ тамъ среди своихъ петель и стрѣлъ и только по праздникамъ выходитъ въ долину къ ближайшимъ жителямъ, чтобы поболтать, узнать новости и, если удастся, поѣсть послаще. Каждый его визитъ, конечно, сопровождается какимъ-либо гостинцемъ изъ его промысла, за что онъ въ свою очередь получаетъ кружокъ молока и т. п. Вся его жизнь въ тайгѣ проходитъ въ томъ, что онъ бродитъ съ утра до вечера, часто по глубокому снѣгу, осматривая свои орудія и устанавливая ихъ. Обходъ его въ сутки бываетъ до 30—40 верстъ. Онъ какъ-бы не знаетъ усталости, не боится холодовъ, хотя въ жестокіе морозы лицо его всегда обморожено и покрыто струпьями. И въ результатѣ такого труда онъ напромышляетъ во всю зиму, какъ тахітит, около 600 зайцевъ, съ сотню бѣлокъ, да нѣсколько лисицъ.

Въ періодъ промысла, т. е. около 200 сутокъ, ему самому нужно, чтобы быть сытымъ, все мясо этихъ зайцевъ; но онъ не можетъ позволить себѣ этой роскоши и съѣдаетъ только половину, другая-же по-

ловина пли идетъ въ гостинецъ болѣе состоятельнымъ сородовичамъ, или-же употребляется на угощеніе болѣе бѣдныхъ сосѣдей. По исконному якутскому обычаю, каждое посѣщеніе имъ своей юрты съ добычею вызываетъ наплывъ сосѣдей, болѣе бѣдныхъ, чѣмъ онъ. Не накормить, и не надѣлить тѣхъ, кто самъ не могъ почему-либо придти, — невозможно. Отъ шкуръ, за исключеніемъ сотни, нужной ему самому на одежду, онъ получитъ рублей 25, да бѣлки и лисицы дадутъ ему тоже около 25 руб., т. е. весь доходъ за зиму равенъ 50 руб.

Такой лѣсникъ-промышленникъ настолько обвыкается на холоду, что лѣтомъ въ зной сѣнокоса онъ плохой работникъ; его если и возьмутъ въ работу, то только изъ-за пищи. По большей части онъ и не принимается, а все лѣто бродитъ изъ дома въ домъ, по-пути ловитъ немного рыбы и дичи, которую и презентуетъ тѣмъ, у кого пристаетъ на ночь. Поэтому зимній его заработокъ долженъ покрыть всѣ годовые расходы на одежду, бѣлье, чай, табакъ, молоко и жировыя вещества, безъ которыхъ онъ не можетъ существовать, такъ какъ заячье мясо почти не имѣетъ жировъ, а на холоду жиръ безусловно необходимъ Едва-ли весь его зимній заработокъ можетъ покрыть эти расходы. Не понятна-ли будетъ отсюда извѣстная здѣсь склонность промышленниковъ-лѣсниковъ къ потребленію овражекъ, что считается особеннымъ стыдомъ даже грѣхомъ между инородцами? Овражки очень жирны, хотя жиръ ихъ имѣетъ отвратительный запахъ. Но заячье мясо, какъ уже сказано, требуетъ прибавки большого количества жира или масла; на масло-же не хватаетъ средствъ и вотъ промышленникъ забываетъ стыдъ и грѣхъ питанія овражками, не обращаетъ вниманія на отвратительный запахъ и ѣстъ ихъ съ удовольствіемъ, а въ концѣ концовъ такъ привыкаетъ къ нимъ, что даже лѣтомъ, стараясь скрыться отъ сосѣдей, тайно ѣстъ звѣрьковъ, а избытокъ сберегаетъ въ особыхъ тайникахъ до зимы.

Я взялъ для примѣра типъ безсемейнаго промышленника, но вѣдь почти у каждаго есть семья, дѣти. Я принялъ самыя большія цифры доходности, не сдѣлалъ скидки ни на какія неблагопріятные случаи. Таковыхъ-же бываетъ очень много: болѣзнь, безснѣжье, мѣшающее ставить стрѣлы, и, главное, малый набѣгъ зайцевъ,—какъ это имѣло мѣсто за послѣднія 4—5 лѣтъ, и др. звѣря. Тогда естественно промыселъ значительно уменьшается, и можетъ-ли обезпечить его, а тѣмъ болѣе съ семьей, вся его изнурительная, тяжелая зимняя работа?

Я не привожу особаго примѣра, гдѣ промышленникъ имѣлъ-бы скотоводство, какъ поднорье. Скотоводство въ тайгѣ невозможно. Содержаніе-

же скота въ долинѣ безъ ущерба для промысла возможно лишь при особомъ рабочемъ; слѣдовательно соединеніе скотоводства съ промысломъ возможно лишь при 2-хъ мужскихъ рабочихъ силахъ, а такая комбинація разобрана уже въ примѣрѣ средняго скотоводческаго хозяйства

Такимъ образомъ мы видимъ, что эти два исконныя занятія инородцевъ-кочевниковъ перестали обезпечивать безбѣдное ихъ существованіе и именно потому, что, какъ и въ былое время, трудъ продолжаетъ прилагаться здѣсь все въ тѣхъ-же неразвитыхъ формахъ: данное природою, извѣстное неблагопріятное сочетаніе угодій, болота, перелѣски, горные потоки, сливающіеся на самые сѣнокосы,—такъ и остается неизмѣненнымъ до сихъ поръ. И въ результатѣ, силошь и рядомъ, упорный трудъ пропадаетъ даромъ. Измѣнить хотя нѣсколько характеръ угодій,—и тотъ-же трудъ дастъ вдвое болѣе настоящаго maximum'a. Знай якутъ другія формы труда, болѣе производительныя—онъ не сталъ-бы, при маломъ набѣгѣ звѣря, понапрасну мерзнуть и голодать въ глухой тайгѣ.

Якутъ не лѣнивъ по природѣ, какъ многіе ошибочно думаютъ Дѣйствительно, онъ часто очень малосиленъ, инертенъ, апатиченъ; но не есть-ли это результаты хронической голодовки? Зато онъ очень выносливъ, и эта выносливость замѣняетъ ему силу. Онъ самъ понимаетъ, что у него и теперь скотоводство и промыселъ оставляютъ очень много свободнаго времени, особенно зимою. Онъ ищетъ другихъ занятій, но не находитъ ихъ. Наемъ въ рабочіе для лицъ, имѣющихъ свои хозяйства, невозможенъ.

Это-же незнаніе якутомъ-кочевникомъ другихъ приложеній труда, это неумѣнье придать своему труду болѣе производительныя, болѣе цѣлесообразныя формы, это косное отношеніе къ окружающей его природѣ и ея силамъ,—ясно бросается въ глаза во всемъ.

Якутъ покупаетъ по дорогой цѣнѣ дабу, сарпинку, хотя здѣсь отлично растетъ ленъ и конопля, даже въ дикомъ видѣ.

Якутъ дорого платитъ за привозную каменную, стеклянную посуду, хотя глины кругомъ сколько хочешь. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ около Верхоянска, глина негодна даже для выдѣлки обожженаго кирпича, но во многихъ мѣстахъ есть превосходная глина, почти каолинъ. И если невыгодно перевозить кирпичи за сотню верстъ, то этого нельзя сказать о выдѣланной посудѣ.

Якуты имѣютъ въ рукахъ массу коровьихъ шкуръ, а живутъ, можно сказать, среди нвоваго кустарника, дающаго хорошее корье для дубленія кожъ. Но они не знаютъ этого искусства и коровьи шкуры мѣстной выдѣлки даютъ никуда негодную обувь.

Якутъ дешево сбываетъ заячью шкуру, тогда какъ обращай онъ пухъ этихъ шкуръ въ шерсть и ткань,—та-же самая шкурка давала-бы ему большой доходъ.

Коровій волосъ, сжигаемый или гніющій безъ пользы, могъ-бы легко быть обращаемъ въ войлока или даже въ шерстяную, хотя и грубую ткань, по примѣру сѣверныхъ губерній Европейской Россіи; а по окрашиваніи, какъ и тамъ, эти ткани могли-бы замѣнить собою дорогія, тоже грубыя, но нерѣдко гнилыя, шерстяныя матеріи, ввозимыя сюда для потребленія инородцевъ.

Якуты, голодая весной, съ жадностью пожираютъ сладкій, мучнистый корень сарданы въ сыромъ и вареномъ видѣ, а часть его высушиваютъ для позднѣйшаго употребленія, какъ лакомство. Онъ настолько любимъ туземцами, что разсылается въ качествѣ пріятныхъ подарковъ. Корень этотъ очень питателенъ и содержитъ много сахару. Кромѣ сарданы, якуты осенью воруютъ у мышей запасы другого сладкаго круглаго корня и, высушивая, тоже употребляютъ въ пищу. Но ни тотъ, ни другой корень до сихъ поръ не культивируются, чтобы имѣть въ нихъ не случайное подспорье или лакомство, а основательное пищевое вещество.

Можно было-бы указать еще на нѣсколько возможныхъ здѣсь формъ труда для извлеченія изъ природы полезнаго для туземцевъ, но, полагаю, что сказаннаго достаточно, чтобы подтвердить мою мысль о косности въ нашей трудовой сферѣ.

Не могу обойти молчаніемъ о вполнѣ вѣроятномъ громадномъ минеральномъ богатствѣ нашего улуса. Всѣ четыре главныя рѣки, имѣющія почти параллельное теченіе къ сѣверу и образующія затѣмъ одну широкую Яну, отдѣлены другъ отъ друга и отъ долинъ рѣчекъ системы р. Лены горными хребтами, гольцами, потухшими сопками. Каждая изъ нихъ имѣетъ массу притоковъ, стекающихъ съ этихъ гольцовъ и хребтовъ, образуя разнообразныя по своему характеру пади и распадки. Но кто-же когда-нибудь изслѣдовалъ эту огромную горную страну? Ни одна ученая экспедиція не имѣла такой спеціальной цѣли ознакомленія съ богатствами этого края. Да и исполненіе этой задачи потребовало-бы

много времени и средствъ, если такое изслѣдованіе было-бы возложено не на мѣстныя силы, а на заѣзжую экспедицію. Поэтому и члены послѣднихъ экспедицій, изслѣдуя главнымъ образомъ данныя для разрѣшенія поставленныхъ ей геологическихъ вопросовъ, могли ограничиться лишь весьма мимолетнымъ обзоромъ этихъ четырехъ рѣкъ, не имѣя, конечно, ни времени, ни задачи заглянуть въ нѣдры этихъ кряжей или въ ихъ боковыя пади и распадки, а тѣмъ болѣе достигнуть до водораздѣла отъ системы р. Лены. Впрочемъ, не только изъ людей науки, но даже изъ простыхъ смертныхъ едва-ли кто посѣщалъ иныя дикія мѣста этой горной страны, кромѣ бродячихъ ламутовъ, питающихся дичью гольцовъ и рыбой, которою такъ богаты всѣ озера тѣхъ падей, при верховьяхъ, стекающихъ съ горъ рѣчекъ. Отсюда ясно, что свѣдѣнія наши о богатствахъ этихъ глухихъ мѣстъ очень ограничены и смутны, тѣмъ болѣе, что ламуты, опасаясь вторженія русскихъ въ ихъ «камни», въ эти ихъ вѣковѣчныя владѣнія, гдѣ живется имъ болѣе легко,—хитро скрываютъ все, что можетъ привлечь вниманіе русскихъ. Однакожъ, нѣкоторымъ якутамъ волей-неволей приходится иногда забираться въ далекія пади, а именно тогда, когда въ нашихъ долинахъ зимою дурной подножный кормъ. Тѣ, у кого много коннаго скота, кормить который зимою сѣномъ крайне убыточно, поневолѣ отгоняютъ свои табуны въ эти «камни», гдѣ, по общему отзыву, зимою значительно теплѣе, чѣмъ въ долинахъ рр. Яны и Долголаха, и гдѣ въ широкихъ распадкахъ горныхъ рѣчекъ, образующихъ много острововъ, растетъ мелкая, питательная, на зиму остающаяся зеленою, особая трава, называемая здѣсь «чубука-отъ» (и мѣстности тѣ поэтому зовутся «чубука-сирь») Питательность этого подножнаго корма такова, что если только лошадь смогла дойти туда, то, какъ-бы ни была тоща и изнурена, она скоро настолько поправляется и жирѣетъ, что въ состояніи пройти обратно нѣсколько сотъ верстъ, питаясь очень плохимъ подножнымъ кормомъ и быть послѣ того весной годною къ работѣ. Насколько это ни кажется невѣроятнымъ каждому жителю Россіи, вновь заѣзжающему сюда, но этотъ способъ содержанія и откармливанія коней зимой такъ обыченъ здѣсь (Кинюрахъ), что онъ перестаетъ уже казаться страннымъ. Для бѣдняковъ малолошадныхъ якутовъ отгонъ лошадей въ эти далекія мѣста невозможенъ, —для этого имъ пришлось-бы бросить свои хозяйства. Но для лицъ, владѣющихъ табунами, такой отгонъ обязателенъ, въ немъ одно ихъ спасеніе; это «чубука-сирь» —убѣжище, гдѣ они спасаютъ свое богатство отъ падежей. Отсюда нельзя не согласиться,

что то-же и не въ ихъ интересахъ преувеличивать богатства и удобства этихъ далекихъ горныхъ долинъ, падей и распадковъ.

Но изъ того, что они сообщаютъ порой, изъ тѣхъ образчиковъ породъ, которые они иногда вывозятъ по усиленной просьбѣ пріятелей, можно думать, что тамъ хранятся втунѣ многія минеральныя богатства. Мнѣ случалось видѣть образцы рудъ, рѣдкостно богатыхъ содержаніемъ желѣза, мѣди и какихъ-то другихъ, кристаллически накученныхъ металловъ, для анализа которыхъ я не имѣлъ подъ рукой нужныхъ реактивовъ Тамъ есть каменный уголь; горнаго-же хрусталя, по словамъ разсказчиковъ, цѣлыя скалы; а о богатствѣ свинцово-серебряныхъ рудъ извѣстно уже очень многимъ.

Мнѣ кажется, я не впаду въ оптимизмъ, сказавши, что если-бы изъ всѣхъ разсказовъ о богатствѣ этого горнаго края оказалось вѣрнымъ только $^1/_{100}$, и если-бы изъ дѣйствительно оказавшагося была утилизирована тоже только $^1/_{100}$ часть, то и тогда едва-ли должно оставлять эту горную мѣстность Верхоянскаго улуса безъ возможнаго изслѣдованія и разработки въ интересахъ туземцевъ.

Теперь я перехожу къ самому существенному, но до сихъ поръ втунѣ лежащему источнику пищевыхъ веществъ. Я знаю, какъ упорно залегло убѣжденіе о полной невозможности какого-либо земледѣльческаго труда въ заполярномъ краѣ и даже въ Якутскомъ округѣ. Въ основаніи этого убѣжденія лежатъ данныя о суровости здѣшнихъ заполярныхъ холодовъ, о низкой средней температурѣ года вообще и лѣтомъ въ частности; о позднихъ весеннихъ и раннихъ осеннихъ морозахъ; о рѣзкихъ переходахъ отъ тепла къ холоду и наоборотъ, и о мелкомъ слоѣ оттаивающей почвы.

Не отрицая вѣрности этихъ данныхъ, я, однако-жъ, позволяю себѣ настойчиво отрицать пессимистическое мнѣніе о невозможности какого-либо земледѣльческаго труда въ этомъ краѣ.

Въ увлеченіи такимъ пессимистическимъ взглядомъ на суровость полярной природы, противники земледѣлія доходятъ даже до утвержденія, что и въ Якутскомъ округѣ земледѣліе не можетъ быть основнымъ занятіемъ бѣднаго класса, а что оно въ якутскомъ хозяйствѣ можетъ играть роль полезнаго подспорья, что основную роль должно играть скотоводство.

Къ удивленію нашему, говорятъ это не объякутѣвшіеся обыватели или люди рутины, а интеллигенція, которой должно-бы быть извѣстно, что

для поддержанія и развитія раціональнаго скотоводческаго хозяйства требуется несравненно болѣе капитала, возможность затрачивать оный на болѣе продолжительный срокъ и что дѣйствительно раціональное скотоводство немыслимо безъ раціонально организованной культуры кормовыхъ растеній.

Но развѣ культура кормовыхъ растеній не есть уже земледѣльческій трудъ? Мы полагаемъ, что подъ земледѣліемъ въ общемъ смыслѣ этого слова должна быть понимаема культура полезныхъ растеній вообще, а не однихъ только злачныхъ. И въ этомъ смыслѣ земледѣліе можетъ существовать вездѣ, гдѣ только возможна и выгодна культура какого-либо растенія для потребленія производителя или для сбыта въ обмѣнъ на предметы ввоза.

И съ правильной, научной точки зрѣнія какъ можно говорить о невозможности земледѣлія даже въ Верхоянскомъ округѣ, если тамъ прекрасно развиваются и могутъ быть культивированы конопля, ленъ, картофель, бобовыя и др. растенія, которыя могли-бы обезпечить болѣе или менѣе сытое существованіе тамошнихъ инородцевъ.

Точно также лишь, при предвзятомъ убѣжденіи противъ возможности полярнаго земледѣлія, можно говорить о большей доступности голодающимъ якутамъ раціональнаго скотоводства, чѣмъ раціональнаго земледѣлія.

Хронически голодающій якутъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь свой трудъ, нѣсколько штукъ истощеннаго скота, топоръ, ножъ и рѣдко заступъ. Вотъ все, съ чѣмъ онъ долженъ добывать для себя и семьи средства къ существованію.

Если скота у него такъ мало, что продуктовъ отъ него недостаточно хотя-бы для жизни въ проголодь, а другихъ источниковъ, обезпечивающихъ существованіе, нѣтъ, то едва-ли можно даже говорить объ улучшеніи породы или размноженіи этого скота... Прежде всего, животный голодъ побѣдитъ всякое благое разсужденіе и скотъ этотъ пойдетъ на пищу въ той или другой формѣ, а хозяинъ его перейдетъ рано или поздно въ разрядъ штемпитовъ или городскихъ пролетаріевъ.

Если-же скота у него и достаточно, чтобы питаться продуктами онаго, то опять таки едва-ли найдется у него достаточно энергіи, силы воли и предусмотрительности, чтобы нѣсколько лѣтъ сряду безъ очевидной выгоды въ настоящемъ онъ вложилъ достаточное, необходимое количество труда на такія радикальныя нововведенія, какъ дренажъ, орошеніе, травосѣяніе, или улучшеніе хотоновъ

Польза такого труда въ глазахъ якута слишкомъ гадательна, чтобъ большинство охотно отдалось ему. Кромѣ того, кто гарантируетъ ихъ, что какая-либо эпизоотія не поглотитъ задаромъ всю массу ихъ труда за нѣсколько лѣтъ? Кто гарантируетъ ихъ отъ другихъ чрезвычайныхъ бѣдствій, наводненія и т д., которыя, при скотоводческомъ хозяйствѣ наносятъ несравненно большій ущербъ, чѣмъ при земледѣльческомъ? Откуда, наконецъ, якутъ возьметъ хотя небольшія средства, безусловно необходимыя на орудія, улучшеніе построекъ и посуды. Вѣдь каждый рубль, взятый на эти предметы, уменьшаетъ количество потребляемыхъ веществъ. Кто знаетъ съ какимъ трудомъ якутъ добываетъ одинъ, два рубля на уплату повинностей и какую тяжелую кабалу онъ порою беретъ на себя, ради такой мизерной суммы, тотъ не скажетъ, что постановка послѣдняго вопроса—есть только полемическій пріемъ

И какъ вообще можно говорить,—съ убѣжденіемъ въ жизненности рекомендуемаго пути,—объ улучшеніи скотоводства, какъ средства къ увеличенію благосостоянія, когда оно можетъ быть результатомъ такого лаго состоянія?

Не слѣдуетъ-ли прежде всего подумать почему это оно оказалось малодоступнымъ даже многимъ изъ культурныхъ хозяевъ въ Россіи и почти не вошло въ жизнь среди русскихъ крестьянъ, на бытъ которыхъ окружающая культурная атмосфера давно уже оказываетъ свое воздѣйствіе?

Не слѣдуетъ еще игнорировать и того, что раціональное травосѣяніе неизбѣжно войдетъ въ разрѣзъ съ существующимъ обычаемъ ежегоднаго уравненія покосовъ «по урожаю». Чтобы искоренить такой вѣковой обычай, нужно имѣть слишкомъ много вѣры въ цѣлесообразность и пользу для каждаго члена общества новой формы труда и раздѣла луговъ.

Мы полагаемъ, что всѣ проекты и упованія, разсчитанные на возбужденіе въ якутахъ такой вѣры, слишкомъ поверхностны и гадательны.

Что-же касается до развитія земледѣлія, до постановки этой формы труда въ основу якутскаго благосостоянія, то тутъ дѣло стоитъ совершенно иначе.

Правда, въ унисонъ съ теоретическимъ пессимизмомъ по этому вопросу, раздаются постоянно голоса и нѣкоторыхъ вліятельныхъ якутовъ, утверждающихъ, что здѣсь земледѣліе «дѣло невыгодное», что морозы и проч. неблагопріятныя условія отнимаютъ возможность упроченія здѣсь

этой формы труда. Такіе отзывы считаются настолько авторитетными, что съ ними приходится считаться.

Но что значитъ «невыгода дѣла?» Если смотрѣть на земледѣліе съ точки зрѣнія личной выгоды этихъ авторитетовъ, то такой отзывъ совершенно вѣренъ. Для нихъ лично, земледѣліе, какъ спекуляція, дѣйствительно представляетъ менѣе выгоды, чѣмъ другія проектируемыя здѣсь формы эксплуатаціи инородческаго труда. Въ первое время своего увлеченія земледѣліемъ они желали поставить дѣло на болѣе широкую, скорѣе плантаторскую ногу. Страшно высокія цѣны на хлѣбъ того времени, —до 4—5 р. за пудъ въ Якутскѣ, — разжигали ихъ аппетитъ. Но вотъ неурожай одного, двухъ лѣтъ, а затѣмъ подвозъ дешеваго хлѣба сверху—дали почувствовать возможность такихъ убытковъ, которые имъ непривычны при другихъ формахъ эксплоатаціи.

Чистая прибыль отъ земледѣлія,—при существующемъ хищническомъ, болѣе доступномъ и не требующемъ большихъ затратъ и знаній хозяйствѣ,—здѣсь (конечно, какъ и вездѣ) въ результатѣ не можетъ быть безконечно велика. Разсчетъ ихъ доходности на земляхъ среднихъ безъ унавоженія и приложенія другихъ какихъ-либо раціональныхъ пріемовъ можетъ быть приблизительно исчисленъ такъ: обработка земли подъ одинъ пудъ высѣваемаго зерна и посѣвъ его съ прикрытіемъ—обходится въ 2 р., жатва 1 р., стоимость сѣмени 1 р. 50 к., остальные расходы по уборкѣ 1 р., а всего затрата на посѣвъ одного пуда 5 р. 50 к. Средній урожай на такихъ земляхъ, уже достаточно выпаханныхъ, самъ 10, т е. на сумму 15 р. Казалось-бы чистой прибыли 9 р. 50 к на затраченный капиталъ въ 5 р. 50 к. за періодъ неболѣе какъ въ 6 мѣсяцевъ очень и очень достаточно. Можетъ быть она и дѣйствительно достаточна для другихъ мѣстностей и другихъ людей; но нашимъ авторитетнымъ инородцамъ этого мало. Тутъ вѣдь есть рискъ: 2—3 года изъ 10 можно не получить ничего, или очень мало.

Между тѣмъ затрачивая тѣ-же 5 р. 50 к. на другую спекуляцію, можно получить, безъ всякаго риска, столько-же и даже больше. Напр., вмѣсто хлопотъ и затратъ на посѣвъ, можно тою-же весною купить въ городѣ 6 п. зерна; отдать его по 1 р. 60 к., или даже по 2 р. за пудъ бѣднымъ людямъ подъ масло, цѣня послѣднее по 6 р. за пудъ. А получивъ это масло къ Петрову дню, продать его въ городѣ, хотябы по 10 р., т. е выручить опять-таки не позже какъ чрезъ 6 мѣсяцевъ тѣ-же 15 р., если не болѣе. Риску-же никакого.

Или вотъ: задалъ эти 6 пуд. зерна или муки подъ 9 возовъ сѣна, а осенью продалъ это сѣно за 18 или 27 руб.

Или еще проще можно «заработать» тѣ 100 р., которые средній якутъ получаетъ отъ посѣва 10 пуд. А именно, можно сдѣлать это вовсе не затрачивая ни одного рубля, и безъ всякаго риска, пользуясь лишь своимъ добрымъ именемъ. Слѣдуетъ поступить по слѣдующему обычному рецепту.

Возьми казенный подрядъ на перевозку клади, ну хотя-бы на сѣверъ области, получи обычныхъ $^2/_3$ задатку наличными деньгами, которыя здѣсь — великая сила. Купи на нихъ по дешевой цѣнѣ чаю и др. ходкаго» товара. Задай товаръ этотъ бѣднякамъ съ накидкой процентовъ 20; обяжи ихъ отвести казенную кладь по назначенію, расцѣнивъ провозную плату на 20—25% дешевле казенной цѣны и вотъ гешефтъ блистательно оконченъ. При существующихъ за послѣднее десятилѣтіе цѣнахъ за провозъ казенной клади, самая небольшая пропорція въ 50—60 пуд. даетъ такого чистаго «заработка» не менѣе тѣхъ-же 100 р.

Не ясно-ли, что въ виду такого «заработка», безъ всякаго риска (какой-же бѣднякъ посмѣетъ не исполнить обязательство предъ своимъ «городовичемъ — вліятельнымъ контрагентомъ?!), носители «добраго имени» совершенно искренне говорятъ на совѣщательныхъ бесѣдахъ, высказывая свое «авторитетное» мнѣніе, что земледѣліе здѣсь невыгодное дѣло?

Но не ясно-ли также, что на подобныхъ «авторитетныхъ мнѣніяхъ» слишкомъ опрометчиво строить какіе-либо выводы о возможности и пользѣ земледѣлія для массы трудового населенія, служащаго жертвою эксплоатаціи этихъ самыхъ носителей «добраго имени»?

Не ясно-ли, что интересы этой полуголодной массы и тѣхъ сытыхъ авторитетныхъ лицъ діаметрально противоположны, и что развитіе земледѣлія въ массѣ до размѣровъ, достаточныхъ для пропитанія собственнымъ хлѣбомъ, принесетъ существенный ущербъ какъ этимъ носителямъ «добраго имени», такъ и не менѣе авторитетнымъ скопцамъ, этимъ якобы «проводникамъ земледѣльческой культуры» и, наконецъ, всѣмъ лицамъ, заинтересованнымъ въ привозѣ сюда муки и вывоза отсюда скота и продуктовъ онаго.

Надѣяться выслушать отъ кого-либо изъ нихъ когда-нибудь мнѣніе о возможности земледѣлія -было-бы слишкомъ наивно.

Никто изъ нихъ не врагъ себѣ. Не естественно-ли каждому изъ нихъ такое простое соображеніе, что съ прекращеніемъ спроса на рыночный

хлѣбъ со стороны массы населенія, потеряютъ смыслъ и собственныя ихъ хозяйства и всѣ коммерческія операціи по ввозу и вывозу помянутыхъ продуктовъ. Не прямой-ли интересъ ихъ, чтобы инородецъ отчуждалъ взамѣнъ необходимаго ему хлѣба свой скотъ и продукты его, хотя-бы этимъ самымъ лишалъ себя съ семьею необходимой пищи.

Не присуще-же инородцу, въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ нѣкоторые интеллигенты, какое-то оригинальное стремленіе къ отчужденію своего скота, чтобы продавать его даже и тогда, когда для этого нѣтъ никакой нужды?

Нынѣ, якутъ, обезпеленный уплатою повинностей и расходами на муку, ведетъ свою скотину въ городъ для пополненія своего дефицита, продажею ея хотя-бы по крайне дешевой цѣнѣ. Выдерживать цѣну, конечно, всѣ скупщики скота на пріиски умѣютъ безукоризненно

Тогда-же, не тратясь на покупку муки, тотъ-же самый якутъ не будетъ вынужденъ къ продажѣ скота, но или съѣстъ его самъ, или-же оставитъ на приплодъ и, въ послѣднемъ случаѣ, конечно, наилучшій экземпляръ, чѣмъ, замѣтимъ кстати, достигается косвенно и то улучшеніе породы скота, о которомъ мечтаютъ пессимисты въ земледѣльческомъ вопросѣ.

Не ясно-ли, что тенденція въ этомъ направленіи, къ увеличенію собственнаго хлѣба у массы населенія, не можетъ быть пріятна, или выгодна ни лицамъ, спеціально занятымъ производствомъ хлѣба въ большихъ размѣрахъ, ни посредникамъ по доставкѣ и сбыту пищевыхъ продуктовъ первой необходимости.

Нельзя увлекаться величиною цифръ, говорящихъ о количествѣ вывоза отсюда таковыхъ продуктовъ. Цифры эти, вѣдь, легко могутъ говорить, и, въ настоящее время, дѣйствительно говорятъ не объ избыткѣ этихъ пищевыхъ продуктовъ сверхъ собственнаго потребленія ихъ мѣстнымъ населеніемъ, но о той степени нужды, которая заставила массу инородцевъ отчуждать эти продукты въ ущербъ собственному желудку и здоровью.

Эта-то самая нужда, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какія-либо внушенія, и побуждаетъ инородцевъ, расширить земледѣліе, хотя и медленнымъ, но упорнымъ путемъ. Имъ невѣдомы пессимистическія отрицанія выгоды земледѣлія. Они ведутъ свое дѣло толково, насколько они въ силахъ; осязательно чувствуютъ всѣмъ существомъ своимъ, что въ земледѣліи ихъ спасеніе. Оффиціальныя статистическія данныя гово-

рять довольно краснорѣчиво объ ихъ стремленіи къ расширенію площади посѣвовъ. Но еще болѣе убѣждаешься въ ихъ сознательной приверженности къ такому труду тогда, когда имѣешь возможность близко наблюдать ихъ земледѣліе въ какомъ-либо, болѣе или менѣе бѣдномъ околодкѣ.

Здѣсь въ глухой тайгѣ, гдѣ иные заработки почти не доступны, земледѣліе стало насущною потребностью. Едва прошло 50 лѣтъ съ того времени, какъ администрація снабдила якутовъ хлѣбными сѣменами, а теперь существуетъ уже болѣе или менѣе достаточный сводъ правилъ и пріемовъ относительно выбора почвы, обработки ея, времени посѣвовъ, сообразно метеорологическимъ явленіямъ даннаго года.

Конечно, все это далеко еще не раціонально, порою ошибочно, а многое, какъ напр. искусственное удобреніе и совершенно неизвѣстно. Такъ они знаютъ различіе въ степени урожайности старой и новой земли; знаютъ, что на мѣстахъ стараго жилья и стойбищъ хлѣбъ родится значительно лучше; но все-таки и теперь еще сила вынахиваемыхъ земель нисколько не возстановляется тѣмъ удобрительнымъ матеріаломъ, которымъ они располагаютъ болѣе, чѣмъ любой земледѣлецъ въ какой-либо другой мѣстности. Навозъ сжигается, а зола и груды костей выкидываются попусту.

У нихъ нѣтъ и не было учителей; все дается имъ тяжелымъ опытомъ. Всякая попытка къ новшеству можетъ отозваться голодовкою. Нужда заставляетъ ихъ быть очень осторожными, недовѣрчиво относиться къ случайному совѣту. Развѣ, напр., они не видятъ порою, что на навозныхъ участкахъ хлѣбъ долго нѣжится и побивается даже поздними августовскими морозами, что на вынаханной почвѣ онъ уходитъ и отъ раннихъ іюльскихъ заморозковъ? Раціональное удобреніе, въ какой-бы то ни было формѣ имъ негдѣ было и видѣть. Русскіе не практикуютъ его здѣсь; хищническій способъ истощенія земли они считаютъ наиболѣе выгоднымъ; да и, дѣйствительно, для нихъ, ведущихъ спекуляторское хозяйство, при дешевизнѣ якутскаго труда, такой способъ наиболѣе выгоденъ.

Между тѣмъ, тамъ, гдѣ якутъ видитъ несомнѣнную пользу, онъ не можетъ быть обвиняемъ въ упорномъ рутинерствѣ: онъ далеко не прочь отъ заимствованій новаго дѣла, новыхъ пріемовъ. Но онъ не исключеніе; для него, какъ и для другихъ, прочное убѣжденіе въ пользѣ новаго дѣла и доступность его по средствамъ, составляютъ необходимое условіе, чтобъ оно вошло въ жизнь.

Преимущества сохи, плуга надъ заступомъ и бороны надъ граблями оцѣнены имъ и орудія эти имѣются уже у тѣхъ, кто имѣетъ къ тому средства. Ими пользуются на расхватъ всѣ тѣ, кто умѣютъ и имѣютъ хотя слабаго быка, или могутъ позаимствовать такового. Якутъ видѣлъ и оцѣнилъ укатываніе посѣва каткомъ, и вотъ онъ, въ нужныхъ случаяхъ, замѣняетъ катокъ лыжами. Какъ ни кропотлива такая работа—пройти осторожно на лыжахъ всю площадь посѣва, но онъ дѣлаетъ такъ; онъ вѣритъ въ пользу этого.

Такая-же вѣра побуждаетъ его упорно расширять площадь его посѣвовъ. Но мы не замѣчаемъ, чтобъ большинство дѣлало это торопливо, съ жадностью. Такое горячечное увлеченіе у якута-земледѣльца не можетъ имѣть мѣста. Оно неизбѣжно парализируется его физическимъ и экономическимъ малосиліемъ. У него нѣтъ средствъ на пріобрѣтеніе орудій. Одна соха служитъ на нѣсколько хозяйствъ. Кромѣ сошника, всѣ части ея деревянныя; она расшатана, установлена дурно. Но извѣстно, что никакой инструментъ не бываетъ хорошъ, переходя изъ рукъ въ руки. Заступъ еще худшее орудіе для подготовки почвы.

Кромѣ того, сѣнокосъ отнимаетъ, и необходимо долженъ отнимать, полныхъ 2 мѣсяца, т. е. большую часть краткаго лѣта. За эту якутскую страдную пору якутъ страшно изнуряется. Случается видѣть, какъ хозяинъ, возвращаясь съ работы, долгое время лежитъ утомленный до изнеможенія. По окончаніи сѣнокоса (1 сентября) зима уже близко. Для людей и рабочаго скота требуется отдыхъ; земля слишкомъ задеревенѣла; а зимники, хотонъ необходимо исправить. О подчисткѣ нови или даже вскашкѣ старой земли остается лишь помечтать. Вскорѣ выпадающій снѣгъ (9—20 сентября) прекращаетъ и эти мечты, обращая вниманіе на зимнія нужды и работы.

Краткая весна, этотъ наиболѣе голодный періодъ года (май мѣсяцъ) особенно тяжела для земледѣльца-якута. Зимніе запасы давно исчезли; чтобы существовать хотя впроголодь, необходимо промышлять; скотъ требуетъ особенно внимательнаго ухода; новый подножный кормъ едва годенъ къ концу мѣсяца, хотя коровы выпускаются уже съ десятыхъ чиселъ; не рѣдко приходится поднимать обезсиленную кобылу или стельную корову: легко заваливаются въ кочкахъ и «пропадаютъ», т. е. околѣваютъ. Поэтому надо смотрѣть за ними зорко и тратить не мало времени. Между тѣмъ, каждый день промедленія въ спашкѣ и посѣвѣ поля отражается на степени урожая. Истощенный человѣкъ

и его быкъ едва-- едва осиливаютъ ничтожный клочекъ пашни--200, а то и 100 квадр. сажень пахоты—результатъ ихъ суточной работы!

Какъ ни мизерна эта цифра, но она не поражаетъ насъ. Скорѣе надо удивляться той выносливости, какую проявляютъ эти измученныя существа. Такая, порою невѣроятная, выносливость ихъ только и можетъ быть объяснена чарующимъ оживотворяющимъ вѣяніемъ здѣшней весны, послѣ продолжительной мертвящей зимы, и, какъ кажется, вообще особенно здоровымъ, ободряющимъ воздухомъ полярной природы.

Но вотъ наступилъ іюнь; посѣвъ задѣланъ. Необходимо загородить и вообще предохранить его и, не менѣе того, обширные сѣнокосы отъ потравы скотомъ. Ремонтировка безконечныхъ загородей отнимаетъ не мало времени. Медлить нельзя; вѣдь на ростъ травы до начала косьбы—полагается только одинъ мѣсяцъ (до 29 іюня). По окончаніи этой работы надо позаботиться объ исправленіи горбушъ (косъ). Какъ ни странно сказать, но на самомъ дѣлѣ это такъ,—эти заботы поглощаютъ 5—7 дней, что составляетъ, какъ видимъ, значительную долю этого, повидимому, между-дѣльнаго мѣсяца. Вѣдь надо не одну, а 2—3 штуки. Кузнецовъ-же въ тайгѣ очень и очень мало. Надо идти къ нему, а это не близко. Если онъ и обходитъ въ это время свой раіонъ, избирая для временныхъ пунктовъ своей работы то одну, то другую юрту, такъ это мало сберегаетъ время; надо поджидать его, не пропустить случая; кузнецъ такъ заваленъ работою, что дорожитъ каждымъ часомъ и запоздавшаго заказчика ждать не будетъ; надо подготовить ему угли и помогать въ работѣ; наконецъ, надо такъ или иначе припасти ему плату; (кредита въ данномъ случаѣ не допускается). А это не такъ легко. Денегъ, конечно нѣтъ; кузнецъ предпочитаетъ масло. Приходится гдѣ-либо добывать его, хотя-бы съ большимъ трудомъ и на тяжелыхъ условіяхъ. О своемъ запасѣ и думать нельзя. Коровы только-что стали хорошо доиться; скоту мало, да и предстоитъ усиленная страдная, сѣнокосная работа, когда и для себя масло считается безусловно необходимымъ въ виду отсутствія мучной и мясной пищи: на одномъ снятомъ молокѣ да чаѣ ничего не поработаешь Постоянный голодъ и упорная работа въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ—едва-ли совмѣстимы и возможны даже для выносливости якута. Но масло нужно не только кузнецу и для себя; оно, при отсутствіи другихъ источниковъ и заработковъ, единственная цѣнность, годная на уплату повинностей, подгоняемыхъ почему-то къ этому-же мѣсяцу, и на погашеніе неизбѣжной кабалы своему ближайшему патрону.

Эти мѣстные наукоподобные тойены, опутавшіе своею паутиною всѣ хозяйства ихъ раіона, при обиліи досуга и посредствѣ разнаго рода мошекъ и другой мелкоты, уловленной нитями той паутины, прекрасно знаютъ содержимое каждаго подполья, каждаго амбара въ своемъ околодкѣ. Они тщательно высасываютъ это содержимое, чтобы «заработать» на немъ возможно болѣе въ предстоящую городскую ярмарку.

А такъ-какъ почти ни одинъ якутъ-земледѣлецъ не свободенъ отъ нитей этой,—невидимой и ускользающей отъ поверхностнаго наблюденія, но тѣмъ болѣе прочной и мертвящей всю жизненность края,—паутинной сѣти, то ловкость и алчность ея владѣльца, сытаго и сильнаго кровью всей этой мелкоты,—беретъ верхъ надъ требованіями другихъ перечисленныхъ нуждъ.

И вотъ, ничтожные скопы мелкихъ якутскихъ хозяйствъ, при посредствѣ такихъ-же опутанныхъ мошекъ—капраловъ, или десятскихъ,—скопляются, по всѣмъ нитямъ паутины, въ темные склады мѣстнаго тойена-мизгиря, чтобы оттуда, уже солиднымъ кушемъ, выйти на торговый рынокъ г. Якутска. Отсюда, конечно, не замедлитъ это масло явиться предметомъ сбыта области, выраженіемъ ея достатка и безспорнымъ доказательствомъ избытка пищевыхъ продуктовъ у ея «богатыхъ» инородцевъ!

И какъ-же не порадоваться такому достатку и даже избытку? Откуда намъ знать, и слѣдуетъ-ли даже знать, что этотъ путь, пройденный масломъ подъ вліяніемъ всемогущей силы мизгиря-паука, оставилъ нашего земледѣльца якута въ самомъ безотрадномъ положеніи?

На уплату повинностей необходимо было закабалиться снова и, можетъ быть, на условіяхъ еще болѣе худшихъ.

Горбуши пришлось исправить кое-какъ, и тѣмъ, конечно, значительно ослабить производительность его главнѣйшаго труда.

И наконецъ, что важнѣе всего, оказался еще больший недостатокъ въ той пищѣ, которая такъ необходима при усиленной сѣнокосной работѣ.

Не мудрено, что подъ вліяніемъ такихъ подавляющихъ условій не всякій земледѣлецъ - якутъ способенъ посвятить труду каждый день, свободный отъ обязательныхъ работъ, и что удивительнаго, что самъ онъ не всегда способенъ отдать ретиво каждый досужій часъ расчисткѣ новаго клочка земли.

Не смотря, однако-жъ, на это, все-таки можно констатировать, что хотя урывками, то въ іюнѣ, то въ сентябрѣ, ежегодно увеличивается площадь якутскихъ чистокъ. Такія чистки въ тайгѣ очень трудны. Я знаю примѣръ, какъ одинъ довольно рачительный и привязанный къ земледѣлію хозяинъ расчищалъ всю осень прошлаго года уголокъ своего поля и расчистилъ только около 100 кв. саженъ.

Но такая малопроизводительность и кропотливость труда не смущаютъ якута. Онъ прекрасно знаетъ, что каждый излишне посѣянный фунтъ зерна дастъ ему около пуда, а слѣдовательно приведенная работа прошлой осени дала около 15 – 20 р. А такая сумма для якута очень и очень значительна. Вообще посѣвъ таежнаго бѣднаго якута, безъ участія наемныхъ рабочихъ не превышаетъ 4 или рѣдко 5 пудовъ сѣмени. Болѣе этого, одинъ человѣкъ, при упомянутыхъ несовершенныхъ орудіяхъ и малосильномъ скотѣ, засѣять не можетъ. Періодъ засѣва не превышаетъ 15 дней (8—23 мая); мизерность суточной пахоты мы уже указали (100—200 кв саж.), а затѣмъ бороньба производится особенно тщательно: что не беретъ борона, то додѣлываютъ граблями или руками. Якутъ прекрасно знаетъ значеніе хорошей обработки и прекрасная задѣлка посѣва у таежнаго дикаря можетъ вызвать зависть даже у цивилизованнаго россіянина.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ-ли условій, сдерживающихъ увеличеніе площади посѣвовъ въ ширь, или подъ давленіемъ горькаго опыта, заставляющаго дорожить каждымъ зерномъ, каждою крохою пищи, якутъ земледѣлецъ доводитъ обработку его маленькаго полевого участка до *возможнаго ему* совершенства. И потому неудивительно, что у этихъ таежныхъ полудикарей урожай хлѣба считается обычнымъ не ниже самъ 20 – 25; хорошимъ—самъ 40 и это не рѣдкость, а самъ 10—«дрянь», «худо» говорятъ якуты.

Такихъ урожаевъ почти не знаютъ въ широкихъ хозяйствахъ; и это вполнѣ понятно. Тамъ ведется хозяйство уже наемнымъ, а не личнымъ трудомъ; тамъ при обиліи сѣмянъ и средствъ не дѣлаютъ такого тщательнаго выбора земли, какъ бѣдняки. А плохой, ниже средняго, урожай на нѣкоторыхъ мѣстахъ, естественно понижаетъ общую среднюю цифру, хотя на лучшихъ, новыхъ участкахъ и у нихъ бываетъ очень хорошій урожай. Тамъ введеніе лишняго, хотя и плохаго участка не ослабляетъ производительности лучшаго участка. При обиліи средствъ, земли и рабочихъ предприниматель можетъ расширять

свои поля до безконечности. И ущерба отъ того не будетъ. Часть капиталовъ, при обиліи его,—не находящая себѣ приложенія на болѣе выгодныхъ условіяхъ даетъ здѣсь хотя-бы одинъ процентъ; а это все-таки лучше, чѣмъ ничего, скажетъ оборотливый предприниматель

Для хозяйствъ-же, ведущихся личнымъ трудомъ, такое расширеніе немыслимо. Приложеніе труда на худшіе участки, вмѣсто тщательной обработки лучшихъ, неизбѣжно ослабляетъ степень урожая на этихъ послѣднихъ. При томъ-же для бѣдняка много значитъ и излишняя трата сѣмени.

Кромѣ того, въ періодъ уборки хлѣба, размѣръ хлѣбной площади мало смущаетъ предпринимателя-земледѣльца. На деньги онъ найдетъ рабочихъ, хотя, конечно, жатва ихъ не можетъ быть такъ тщательна, какъ въ личио трудовомъ хозяйствѣ. Въ послѣднемъ, наоборотъ, нѣтъ средствъ на наемъ рабочихъ, а время жатвы совпадаетъ, между тѣмъ, со временемъ горячаго сѣнокоса. При отсутствіи средствъ даже на покупку серпа, а съ другой стороны, при крайней тщательности въ работѣ, уборка хлѣба производится чрезвычайно медленно. Иногда одинъ пудъ посѣва снимается 6—8 дней; но за то подбирается каждый колосокъ и, буквально, каждое зернышко.

Нельзя обойти молчаніемъ, что въ числѣ причинъ, обусловливающихъ невыгодность земледѣлія въ Якутскомъ округѣ, между прочимъ, указываютъ и на недостатокъ рабочихъ рукъ во время жатвы.

Но очевидно, что это обстоятельство рѣшительно не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о земледѣліи по существу, т. е. къ вопросу о произрастаніи полезныхъ или хотя-бы злачныхъ растеній и о выгодахъ культивированія ихъ трудящеюся массою инородческаго населенія. Правда, недостатокъ въ рабочихъ рукахъ всегда бываетъ не по вкусу предпринимателямъ всякаго рода производительныхъ спекуляцій. Но за то, можетъ быть, въ такой невозможности сконцетрировать большое количество наемныхъ рукъ въ одну мѣстность,—невозможность, обусловленная крайнею разбросанностью жилищъ, и заключается будущее счастье этой окраины. Такое неудобство для спекуляторовъ долго еще можетъ парализировать успѣшное развитіе крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и дастъ время окрѣпнуть нынѣ существующимъ мелкимъ личио трудовымъ хозяйствамъ. Хозяйства эти несомнѣнно имѣютъ прочную будущность, если, конечно, не явится какое-либо непрошенное вмѣшательство на пользу имѣющихъ «доброе имя» и совѣты которыхъ, поэтому,

считаются достаточно авторитетными, чтобы по реценту ихъ регулировать основныя начала жизни полудикаго, молчаливаго и запуганнаго таежника.

Говоря, что въ средѣ якутовъ, не смотря на самыя неблагопріятныя условія, уже вполнѣ окрѣпла тенденція къ расширенію посѣвовъ, въ предѣлахъ лично трудового земледѣлія, необходимо, однако-жъ, замѣтить, что нерѣдко можно встрѣтить, какъ иное хозяйство, лѣтъ 15—20 назадъ доведшее площадь посѣва до 5—10 пудовъ, теперь засѣваетъ только не болѣе 1—4 пудовъ.

При поверхностномъ отношеніи къ дѣлу, это объясняется недостаткомъ энергіи якутовъ въ этой формѣ труда и особенно паденіемъ ихъ вѣры въ его цѣлесообразность, послѣ неурожайныхъ годовъ.

Непосредственное-же изслѣдованіе нѣсколькихъ такихъ хозяйствъ даетъ полное основаніе думать, что главнѣйшею причиною такого уменьшенія площади посѣвовъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, было уменьшеніе или ослабленіе трудовой силы.

Въ хозяйствахъ съ 2—3 работниками, т. е. при условіи, безъ котораго не могло быть хозяйствъ съ посѣвомъ болѣе 4—5 пудовъ, смерть одного изъ нихъ, или удаленіе рабочей силы въ сферу спекуляціи, влекли за собою уменьшеніе посѣвовъ, какъ и вообще при раздробленіи семьи, до размѣра, соотвѣтствующаго указываемому нами количеству на одного работника.

Въ хозяйствахъ-же съ однимъ работникомъ, смерть или ослабленіе рабочей силы естественно ведетъ къ экономической маломощности семьи. Оспенная эпидемія, какая-либо несчастная случайность, или чаще всего болѣзнь, даже временная, особенно сифилисъ, золотуха, ревматизмъ,— въ большинствѣ случаевъ, сводятъ даже среднюю семью въ разрядъ бѣдствующихъ. Одинъ, два года уменьшенія посѣвовъ совершенно достаточно, чтобъ семья не могла оправиться уже на долгое время. При мизерномъ бюджетѣ рабочей семьи (помимо хлѣба, основной источникъ существованія составляетъ лишь удой 2—3 коровъ и не всегда одна скотина на убой), урожай хлѣба имѣетъ такое громадное значеніе, что уменьшеніе его въ теченіи 1—2 лѣтъ, неизбѣжно вызываетъ голодовку и неизбѣжную кабалу, подъ давленіемъ которой нищета надвигается все болѣе и болѣе. Прежняя пашня заростаетъ, обращается въ залогъ; быкъ и орудія, если таковыя были, сбываются по нуждѣ за безцѣнокъ. И

вотъ, когда возстановляется или подростаетъ рабочая сила, то приходится снова медленнымъ, кропотливымъ путемъ возстановлять запущенные посѣвы.

Такое, обычное здѣсь, возвращеніе къ земледѣлію при первой къ тому возможности, послѣ вызваннаго случайностью прекращенія его, а, затѣмъ выше констатированное упорное стремленіе якутовъ къ расширенію ихъ посѣвовъ—не служитъ-ли неопровержимымъ доказательствомъ того, что полная возможность и полезность земледѣльческой культуры безусловно признана рабочею массою якутовъ, что-бы тамъ ни говорили ихъ главари и фельетонные наблюдатели якутской жизни, дающіе свои выводы со словъ «авторитетныхъ» инородцевъ и «скончиковъ».

Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, пріемы ихъ въ этой сферѣ крайне примитивны; малопроизводительность ихъ труда вызываетъ удивленіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться и тому поверхностному отношенію къ такому серьезному дѣлу со стороны лицъ, мнящихъ себя «компетентными», когда выражается имъ сомнѣніе въ стремленіи якутовъ къ расширенію земледѣлія. И въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, спасеніе этихъ изголодавшихся таежниковъ, какъ не въ этой формѣ труда, уже не разъ выведшей такъ много племенъ на путь цивилизаціи и прогресса?

Звѣриный, пушной и рыбный промыслы,—едва-ли кто станетъ спорить,—по своей неустойчивости, малопроизводительности и зависимости отъ далекихъ рынковъ могутъ дать невѣжественному человѣку, въ лучшемъ случаѣ, лишь столько, чтобы поддержать его отъ вымиранія.

Для постановки скотоводства на раціональную почву необходимо, прежде всего, имѣть извѣстный достатокъ, нѣкоторую обезпеченность существованія на болѣе или менѣе продолжительное время, а затѣмъ, не менѣе того, подъемъ умственнаго и нравственнаго развитія, дающаго силу ждать благотворныхъ послѣдствій довольно долгое время.

Но всего этого у якутовъ теперь нѣтъ и взять пока не откуда. Ему нужна, прежде всего, пища, чтобы быть сытымъ, возможно здоровымъ и сильнымъ для воздѣйствія на суровую природу. И эту-то пищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и залогъ дальнѣйшаго развитія и прогресса, можетъ дать, и отчасти уже даетъ, только одно земледѣліе.

Якутъ понялъ, и если не обосновалъ, то инстинктивно усвоилъ истину этого положенія и всецѣло отдался земледѣльческому труду.

Неурожаи не смущаютъ и не могутъ смущать его. Бѣдствія, посылаемыя природою, ему не въ диковинку. Полная неудача рыболовнаго промысла; отбѣгъ звѣря; недородъ сѣна, или даже совершенная безкормица, при недостаткѣ сѣна и негодной подножной отавѣ,—все это ему хорошо знакомо. И въ то-же время, бѣдствія эти не отбили у него энергіи и упорство даже въ этихъ формахъ труда.

Но простое ощущеніе желудка, наибольшая сытость въ теченіе опредѣленнаго и иногда продолжительнаго періода, очевидная болѣе тѣсная связь результатовъ съ суммою собственнаго труда и, въ то-же время, меньшая, по времени и силѣ,—зависимость отъ загадочныхъ еще природныхъ явленій; и, наконецъ, непорванная еще въ этой сферѣ, цѣлостность естественно-экономическаго звѣна: «производитель—онъ-же потребитель», цѣлостность, не нарушенная еще вмѣшательствомъ паукоподобныхъ посредниковъ,—все это неминуемо приводитъ якута къ признанію въ земледѣліи болѣе выгодной, болѣе обезпечивающей формы труда.

Притомъ, земледѣліе не требуетъ даже такого упорнаго труда и такой поразительной выносливости, какіе обусловливаютъ хотя нѣкоторый успѣхъ въ промыслахъ и уборкѣ сѣна. Безграничная тайга, обильныя воды и даже обширные сѣнокосы оказались менѣе производительными при большей затратѣ труда и выносливости, чѣмъ небольшой клочекъ пахатной земли, хотя-бы при настоящихъ несовершенныхъ пріемахъ и орудіяхъ

Конечно, якутъ не можетъ болѣе или менѣе ясно формулировать всѣ эти преимущества земледѣлія. Онъ не изощренъ еще въ области отвлеченныхъ разсужденій. Но преимущества эти онъ воспринялъ своимъ организмомъ и самый естественный, животный инстинктъ самосохраненія влечетъ его, именно, къ этой формѣ труда.

И вотъ, напр., мы видимъ, какъ убогая наймитка, чуждая всякаго человѣческаго достоинства, руководимая лишь чисто животными побудами, и съ голоду закабалившая себя своему тойону на лѣто за 10 р., и проданная уже этимъ тойономъ другому лицу—за 20 р.,—урываетъ часъ досуга, чтобы взмотыжить въ загороженномъ сосѣднемъ полѣ хотя-бы 15—20 кв. саж. и посѣять на нихъ 1—2 ф. съ грѣхомъ пополамъ добытаго сѣмени.

Наскоро заборонивъ граблями свой посѣвъ, она очень довольна, что этотъ клочекъ земли дастъ ей съ осени хотя полмѣсяца свободной

жизни, когда она вдоволь поболтаетъ и погоститъ въ сосѣднемъ околодкѣ; не будетъ обязана молоть на ручныхъ жерновахъ чужое сѣмя и если не наѣстся досыта, то выспится до отвалу и не будетъ понуждаема несносными замѣчаніями хозяйки дома. Развѣ это не счастье?

Другая женщина, хозяйка дома, тщательно сберегши горсть гималайскаго голаго ячменя, гдѣ-то добытаго за 40—50 верстъ, съ любовною заботливостью разводитъ его ужь 3-й годъ. Это ея личное дѣло, независимо отъ мужа. Ея собственный интересъ побуждаетъ ввести въ хозяйство этотъ видъ хлѣба, чтобы избавить себя отъ утомительной очистки зеренъ обыкновеннаго ячменя.

Еще одна хозяйка дома, мужъ которой живетъ далеко на станкѣ и которая ведетъ самостоятельно общее ихъ хозяйство наемнымъ трудомъ, а сама скорѣе шитница, бѣлоручка, и, по слабости здоровья, уклоняющаяся отъ всякаго тяжелаго труда, тѣмъ не менѣе, лично для себя, ради увеличенія разныхъ женскихъ цѣнностей ея собственнаго «ящика»,— собственноручно скапываетъ на своемъ полѣ мизерный клочекъ нови, чтобы посѣять 5—6 ф. зерна. Клочекъ этотъ обработанъ, какъ пухъ, съ такою тщательностью, что не остается желать лучшаго.

Мы уже видѣли, какъ якутъ кропотливо работаетъ всю осень, чтобы посѣять лишнихъ 10 ф. зерна. И нерѣдко мы видимъ какъ раннею весною нуждающіеся въ сѣмени инородцы отправляются за 70—100 верстъ, чтобы привезти 10—20 ф. зерна, оплативъ его по страшно дорогой цѣнѣ, 2 р.—2 р. 50 к.

Такихъ и подобныхъ фактовъ можно-бы было привести не мало. Правда, факты эти, по миніатюрности ихъ, не бросаются въ глаза; можетъ быть они, какъ проявленіе чисто животныхъ побудовъ полудикой таежной массы заслуживаютъ меньшаго вниманія, чѣмъ широкія хозяйства интеллигентныхъ инородцевъ, исконныхъ земледѣльцевъ-скотовъ и умѣло организованныя заимки другихъ всякаго рода культуртрегеровъ. Но мы полагаемъ, что факты эти, какъ-бы мизерны они ни были, несравненно болѣе характерны при разрѣшеніи вопроса о земледѣльческой культурѣ въ полярномъ краѣ, чѣмъ неоправдавшіяся надежды на чудовищные барыши піонеровъ крупной земледѣльческой спекуляціи.

Что касается до общераспространенныхъ разсужденій о косности якутовъ, то мы не станемъ говорить объ этой чертѣ, поскольку проявилась она вообще въ былой ихъ жизни, во всемъ укладѣ ихъ общественныхъ отношеній и поскольку составляетъ она ихъ племенную особенность.

Думаемъ, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ есть дѣло будущаго, когда будетъ для того достаточно этнографическихъ и историческихъ матеріаловъ. Только тогда можно будетъ рѣшить, что именно въ проявленіяхъ косности якута должно быть признано какъ особенное племенное свойство, и что, наоборотъ, должно быть отнесено къ тѣмъ общечеловѣческимъ чертамъ, безъ различія племени, рода и времени, которыя свойственны вообще всѣмъ запуганнымъ, невѣжественнымъ, истощеннымъ и полуголоднымъ людямъ.

Относительно-же косности якутовъ собственно въ сферѣ земледѣлія еще болѣе преждевременно что-либо рѣшать по этому поводу. Эта форма труда такъ еще недавно стала прививаться среди этихъ инородцевъ, что было-бы совершенно неосновательно требовать отъ нихъ болѣе того, что они проявили въ этой сферѣ. Мы уже упомянули о болѣе или менѣе сознательномъ ихъ отношеніи къ воспринятымъ ими пріемамъ и правиламъ по выбору и обработкѣ почвы. Могли-ли они при современной степени ихъ развитія и экономическомъ малосиліи дать болѣе того, что они сдѣлали въ этомъ отношеніи? Тѣмъ болѣе, могли-ли они, хотя-бы ужь по краткости періода, дать своеобразный, свойственный полярной природѣ, характеръ своему земледѣлію, когда этого не сдѣлали другіе, болѣе развитые и экономически сильные проводники земледѣльческой культуры въ этомъ краѣ?

Правда, мы видимъ, что въ этой новой формѣ экономической дѣятельности якутъ затрачиваетъ массу малопроизводительнаго труда и энергіи; что онъ получаетъ, можетъ быть, только сотую долю того, что онъ могъ-бы получить при томъ-же трудѣ. Но развѣ онъ избалованъ природою и не привыкъ уже къ малопроизводительности своего труда въ былыхъ его формахъ?

Правда, онъ очень мало цѣнитъ свой трудъ. Но эта черта свойственна-ли только ему, какъ якуту, или, наоборотъ, не проявляется-ли она въ народной массѣ вездѣ тамъ, гдѣ высшая культура коснулась лишь своею отрицательною стороною, обезсилила массу, и, въ то-же время, не дала еще ни знаній, ни средствъ?

Якутъ, если не видѣлъ, то слышалъ и знаетъ о разныхъ усовершенствованныхъ орудіяхъ, о хорошо установленныхъ плугахъ, о жатвенной машинѣ, вѣялкахъ и даже о паровой мельницѣ; онъ знаетъ что у скопцовъ рабочіе даютъ своимъ хозяевамъ очень и очень много труда, но за то и получаютъ обильную пищу; онъ видѣлъ жирныхъ

скоческихъ коней и здоровыхъ быковъ у своихъ тойеновъ, такихъ быковъ, что работаютъ за 3-хъ; онъ знаетъ также, что при усиленной работѣ, кузнецъ, или хорошій плотникъ, изъ его-же сородовичей, ставятъ необходимымъ условіемъ, при договорѣ на ихъ работу, усиленную и улучшенную для нихъ пищу, по цѣнѣ на 30, 50 коп. въ сутки дороже пищи обыкновеннаго рабочаго якута.

Онъ хорошо знаетъ все это, вполнѣ понимаетъ своего мастера сородовича и признаетъ естественную законность его требованій. Но онъ видитъ въ немъ, такъ-же какъ и во владѣльцахъ лучшихъ орудій и рабочаго скота, ту силу и мощь, которыхъ у него нѣтъ Онъ смотритъ на всѣхъ ихъ снизу вверхъ и, можно сказать, преклоняется предъ ними. Возможное и необходимое для нихъ—ему недоступно и излишне.

Онъ признаетъ свое безсиліе. Умственное, нравственное и физическое убожество свое—какъ это ни страшно сказать — онъ признаетъ за нѣчто неизбѣжное и роковое. «Кусачанъ-Киси», т. е дурной человѣкъ,—называетъ онъ самъ себя.

Такое понятіе о себѣ, о своемъ ничтожествѣ и безсиліи,—составляющее какъ-бы основу его этики,—естественнымъ образомъ, отражается на всемъ его міровоззрѣніи и поведеніи. Онъ какъ-бы потерялъ даже имущьсъ къ улучшенію своего быта и ушелъ дальше тѣхъ животныхъ, которыя, повинуясь исключительно инстинкту, собираютъ на зиму запасъ необходимой имъ пищи. И нерѣдко можно видѣть, какъ онъ отказывается отъ завиднаго заработка, посильнаго среднему рабочему.

Если онъ сытъ, то наслажденіе отдыха и животной нѣги—заслоняетъ всякія заботы о завтрашнемъ днѣ. И это даетъ печальное право всякаго рода хищникамъ, шперамъ легкой наживы, презрительно называть его «звѣремъ», «ытъ–курдукъ» (какъ собака).

Если-же онъ голоденъ и истощенъ, то естественно, что усталость, недомоганіе, и вообще разслабленіе организма, притупляютъ какъ животные побуды и порывы, такъ и душевныя стремленія къ чему-то лучшему. И такая подавленность, переживаемая въ ряду нѣсколькихъ поколѣній, неизбѣжно развиваетъ апатичное и безучастное отношеніе какъ къ своей, такъ и къ чужой нуждѣ. Развѣ мы не видимъ, какъ тотъ-же самый якутъ, который горячится, волнуется и ругается (но не дерется) изъ-за самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, въ то-же время совершенно хладнокровно, спокойно и какъ-бы апатично относится къ

самымъ тяжелымъ утратамъ въ семьѣ и хозяйствѣ «Буллунь» (пусть будетъ такъ), говоритъ онъ съ какою-то нечеловѣческою покорностью судьбѣ, при такихъ событіяхъ въ своей жизни, которыя могли-бы вызвать проявленіе жестокихъ страданій у болѣе культурнаго человѣка.

Такая пассивная покорность судьбѣ, признаніе своего безсилія и даже гибели за нѣчто нормальное—такъ и слышится въ словахъ придавленнаго нуждою якута. Не разъ, въ бесѣдѣ съ рачительнымъ хозяиномъ, на вопросъ о причинѣ его необычнаго будничнаго отдыха, вы услышите, какъ нѣчто естественное и заурядное: «Кюсь сокъ» (нѣтъ силы)!

Мы, якутчане, не только мѣстные, но и заѣзжіе обыватели, настолько свыклись съ этой фразою, съ этимъ лаконическимъ выраженіемъ окружающаго насъ безсилія, что видимъ въ послѣднемъ нормальное, неизбѣжное явленіе.

Между тѣмъ, какой жестокій и страшный смыслъ найдемъ въ этой обычной фразѣ физически и нравственно придавленнаго таежника, когда вспомнимъ, что выражаемое ею безсиліе составляетъ коренную основу всего жизненнаго уклада здѣшняго населенія!

И вотъ это-то безсиліе,—экономическое, умственное и нравственное убожество,—дѣлаетъ недоступными какъ трехсильнаго быка, и цѣнную работу мастеровъ сородовичей, такъ и улучшенныя, необходимыя орудія. То-же безсиліе обрекаетъ его на тѣ формы слабаго, а иногда и тяжелаго, но все-таки малопроизводительнаго труда, которыя не могутъ не поражать культурнаго человѣка.

Такъ и въ земледѣліи, при 4-хъ пудовомъ посѣвѣ. якутъ тратитъ на пахоту, бороньбу, посѣвъ и жатву, при сохѣ, боронѣ и доморощенномъ загнутомъ ножѣ, отъ 30 до 50 дней. Кромѣ того, нужно еще вымолотить, очистить и смолоть зерно, а на это опять-таки тратится 50, или даже 100 дней! [1]).

---

[1]) Подъ посѣвъ одного пуда ячменя занимается здѣсь отъ 300—500 кв. саж. Средній рабочій якутъ, при работѣ на себя и сосѣда, при существующихъ у нихъ орудіяхъ, въ теченіе дня вспашетъ отъ 100—400 кв. с., смотря по чистотѣ почвы отъ корней, качеству орудія и силѣ быка. Почти столько-же тратится на посѣвъ и тщательную задѣлку сѣмени.

На жатву урожая отъ одного пуда, уходитъ 6—8 дней, причемъ снопы вяжутся маленькіе, раза въ 4 менѣе обычныхъ россійскихъ, такъ что съ пуда посѣва навязывается отъ 200—500 сноповъ.

Вмѣсто молотьбы, колосья ощипываются руками и затѣмъ, по просушкѣ ихъ передъ комелькомъ, зерна выбиваютъ обухомъ топора или особою колотушкою. Для очистки оно

Какая именно доля такой слабости и малопроизводительности якутскаго труда является непосредственнымъ слѣдствіемъ экономическаго безсилія вообще и въ частности хроническаго голода, и съ другой стороны, насколько тутъ играютъ роль вялость, апатія, косность, лѣность, невѣжество и др. отрицательныя качества умственнаго и нравственнаго порядка мы рѣшать не беремся. Но едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что факторы перваго экономическаго порядка въ современномъ якутскомъ земледѣліи имѣютъ весьма важное значеніе какъ тормазъ для его развитія А затѣмъ никакъ нельзя игнорировать, что и помянутыя отрицательнаго качества второго порядка имѣютъ, конечно, своимъ источникомъ не только какую-либо племенную особенность здѣшнихъ инородцевъ, но, можетъ быть, болѣе всего ту приниженность и подавленность, которыя присущи, вездѣ, каждому первобытному племени въ отношеніяхъ массы къ родовымъ главарямъ, но которыя здѣсь, по соприкосновеніи съ новой культурою, не только не ослабли, но еще болѣе окрѣпли и выразились въ жесточайшей формѣ кабальныхъ отношеній, подорвавшихъ окончательно экономическую самостоятельность и подточившихъ въ корнѣ всякое проявленіе энергіи, иниціативы, личнаго достоинства и даже желанія выйти изъ современнаго состоянія полнаго безсилія и убожества.

Вотъ почему, мы думаемъ, что отмѣченное нами современное состояніе и упроченіе земледѣлія въ инородческой массѣ, не смотря на всю очевидную малопроизводительность прилагаемаго въ этой сферѣ труда, служитъ неотразимымъ доказательствомъ, что эта форма экономической дѣятельности нашла себѣ мѣсто въ жизни этихъ инородцевъ не временно, или случайно, но какъ форма труда необходимо потребная и удовлетворяющая ихъ животному инстинкту самосохраненія, а слѣд. имѣющая за собою полную жизненность и прочное будущее

Вотъ почему,—далѣе, мы полагаемъ, что прежде и главнѣе всего инородцамъ этимъ нужна немедленная помощь. Внесите въ ихъ среду доброе, честное, разумное слово, а не праздныя, или прямо вредныя измышленія объ ихъ косности, невосприимчивости и т. д. Дайте имъ не рутинныя соображенія о суровости полярной природы, не поддонки уголовной ссылки, не антисоціальную, хищническую скотическую культу-

---

встряхивается на рѣшетѣ, или просто въ какой-либо плоской посудинѣ.

За день женщина якутка обмолачиваетъ и подвѣваетъ по такой системѣ не болѣе 30—40 сноповъ.

Зерно перемалывается на ручныхъ жерновахъ. За якутскій рабочій день перемалываютъ около одного пуда, а при подрядной работѣ (20 к. съ пуда), около 2-хъ пудовъ.

ру, а истинно интеллигентныхъ, независимыхъ и честныхъ проводниковъ разумно организованнаго земледѣльческаго и кустарнаго труда; дайте имъ не подкрѣпленные научною болтовнею іезуитскіе проекты и совѣты торжествующихъ нынѣ хищниковъ о путяхъ къ благоденствію края, но прежде и главнѣе всего хотя малѣйшую возможность борьбы съ этими хищниками.

Мы не скажемъ, дайте якуту все желанное безъ всякаго труда и борьбы съ его стороны Но говоримъ,--безсиліе и убожество пустило такіе глубокіе корни, а жестокая кабала наполнили всю атмосферу такою всемертвящею паутинною сѣтью, что задушенный ею инородецъ уже не въ силахъ бороться съ нею далѣе, безъ серьезнаго содѣйствія со стороны интеллигентнаго общества.

Снимите съ инородца эту кабалу, облегчите для него тяжесть общественныхъ отношеній, дайте возможность ему окрѣпнуть физически и морально, чтобы новое слово и дѣло могло быть воспринято, тогда онъ съумѣетъ побѣдить полярную природу, какъ-бы она ни была сурова, добудетъ все необходимое и желаемое и воспользуется тѣми благами, которыя теперь ему недоступны.

Изъ предыдущихъ страницъ мы уже видѣли, насколько преувеличены мрачныя легенды объ ужасахъ полярной природы, якобы препятствующихъ развитію здѣсь земледѣльческой культуры.

Мы слышимъ сѣтованія такого рода со всѣхъ сторонъ и въ то-же время видимъ, что «дѣльцы» всякаго рода, особы чиновнаго и купеческаго ранга, могутные казаки и «хорошіе» инородцы – всѣ почти безъ исключенія стремятся имѣть свои заимки, лѣтники и чащи, чтобы кое-что «заработать» на этомъ самомъ земледѣліи.

Мы видимъ, что признанные и непризнанные эксперты по этому вопросу совершенно игнорируютъ весьма важный фактъ, что *временные* неурожаи въ полярномъ краѣ никакъ не могутъ быть обусловлены такими *постоянными* изъ года въ годъ факторами, какъ краткость періода произрастанія растеній или-же краткость періода свободнаго отъ морозовъ и инеевъ, или близость вѣчнаго мерзляка къ поверхности почвы, а также рѣзкіе переходы отъ холода къ теплу и обратно Указывая обыкновенно на эти, якобы убивающіе здѣшнее земледѣліе неблагопріятные факторы, теоретики-эксперты забываютъ, что эти факторы *сами по себѣ* очевидно не имѣютъ такого губительнаго вліянія, если, не смотря на ихъ *постоянное* воздѣйствіе, ежегодно прекраснѣйшимъ

образомъ въ теченіе не болѣе 4—5 недѣль луговыя травы становятся годными для косьбы на сѣно, а въ мѣстностяхъ съ періодомъ 9—10 недѣль, свободныхъ отъ заморозковъ растутъ въ дикомъ видѣ ленъ и конопля, т. е. такія растенія, для успѣшнаго произрастанія которыхъ требуется въ Европейской Россіи отъ 12 до 15 недѣль, а въ мѣстностяхъ съ таковымъ періодомъ не болѣе 12 недѣль, съ успѣхомъ культивируется корнеплодъ, стручковыя растенія и не рѣдко наблюдаются вполнѣ удовлетворительные урожаи падалки конопли, ярицы, гречихи и овса, т. е. вообще такихъ растеній, для которыхъ требуется въ Европейской Россіи отъ 12—22 недѣль [1]).

Очевидно, что въ метеорологическихъ условіяхъ полярнаго края имѣются такіе благопріятные для развитія растеній факторы, которые парализируютъ вышеперечисленные губительные факторы и сокращаютъ періодъ развитія, безъ ущерба въ величинѣ роста и обилія плодовъ. Понятно, что только приложеніе научнаго метода къ изученію здѣшняго земледѣлія можетъ разъяснить въ чемъ именно заключаются эти благопріятные факторы, въ большей-ли лишь суммѣ тепловыхъ лучей за короткій лѣтній періодъ, или-же, сверхъ того и въ сравнительно большемъ количествѣ кислорода таежнаго воздуха; въ большемъ-ли количествѣ атмосферныхъ осадковъ въ видѣ тумана и росы, которые, какъ извѣстно, содержатъ несравненно болѣе необходимой для роста растеній азотной кислоты, или-же можетъ быть въ болѣе соотвѣтственномъ жизни растеній напряженіи атмосфернаго электричества, или еще въ чемъ другомъ, хотя-бы, напр., даже въ томъ самомъ вѣчномъ мерзлякѣ, который не можетъ не вліять на степень и распредѣленіе влажности въ подпочвѣ и почвѣ. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію существованіе не только губительныхъ, но и благопріятныхъ развитію растеній особенностей полярной атмосферы и, конечно, нѣтъ никакого основанія игнорировать первыя, а выставлять на видъ лишь вторыя, руководствуясь не сущностью, а большей или меньшею наглядностью и степенью доступности пониманія ихъ малообразованнымъ обывателемъ.

---

[1]) См. календарь Баталина, таблицу, показывающую продолжительность произрастанія сельско-хозяйственныхъ растеній.

Я имѣю теперь сѣмяна конопли, овса и гречихи, вызрѣвшихъ подъ 63° с. ш. въ этомъ году изъ сѣмянъ, собранныхъ осенью 1894 г. здѣсь-же отъ падалки этихъ растеній, послѣ посѣва моего въ 1892 году.

Затѣмъ нельзя игнорировать и тѣми основными данными сельскохозяйственной науки, что, кромѣ метеорологическихъ явленій, для произрастанія растеній имѣетъ громадное значеніе характеръ почвы и топографическихъ условій. И вотъ невѣжественный полудикарь якутъ, подчиняясь слѣпо первымъ, не дерзаетъ даже подумать о возможности измѣнить или направить ихъ въ свою пользу, а обращаетъ свое вниманіе преимущественно, или даже исключительно только на вторыя.

Онъ горькимъ опытомъ узналъ громадное значеніе мѣста и времени для посѣва; понимаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ почти ничѣмъ не стѣсненъ; и вотъ у него на первомъ планѣ стоятъ, не праздныя измышленія о раннихъ или позднихъ морозахъ, о рѣзкихъ переходахъ отъ тепла къ холоду и т. п. вполнѣ неизбѣжныхъ и привычныхъ ему явленіяхъ, а соображенія объ отношеніи мѣста и времени посѣва къ атмосфереческимъ осадкамъ, господствующимъ вѣтрамъ и уровнѣ поверхности поля надъ ближайшимъ водоемомъ. Поэтому, у него уже и теперь существуютъ, какъ выше отмѣчено, болѣе или менѣе выработанныя правила по этимъ вопросамъ. Такъ, напр., въ тайгѣ, по долинѣ р. Алдана, въ сѣверной части округа, правила эти можно формулировать такъ: наиболѣе шансовъ на лучшій урожай, могущій избѣжать осеннихъ морозовъ, будетъ на тѣсномъ по возможности вообще и обязательно съ сѣвера и запада закрытомъ лѣсномъ участкѣ, причемъ участокъ этотъ, находясь вблизи водоема, долженъ быть, въ то-же время, на довольно возвышенномъ мѣстѣ.

Съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ на всѣ случаи неурожаевъ по своей тайгѣ, но признаетъ, что могутъ быть необходимы и другія условія, какъ для прилежащихъ аласовъ, такъ и для широкой долины р Лены, которая, кстати сказать, болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей, но которая, между тѣмъ, по своей почвѣ и топографическимъ условіямъ никакъ не можетъ дать основательныхъ данныхъ для какихъ-либо общихъ выводовъ по одному хотя-бы округу; понятно, что подобныя правила, для выработки ихъ, требовали много времени, ряда неудачъ и въ настоящее еще время не представляютъ законченности. Каждый годъ вноситъ необходимыя поправки и увеличиваетъ шансы на лучшіе урожаи въ будущемъ. Такой процессъ все болѣе и болѣе сознательнаго и цѣлесообразнаго отношенія къ выбору почвы легче и вѣрнѣе объясняетъ намъ причину сравнительнаго уменьшенія неурожайныхъ годовъ за послѣднее время, чѣмъ какія-либо другія предположенія.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія, что руководящій тонъ якутскому хозяйству относительно системъ полеводства, сѣвооборота и выбора рода культивируемыхъ растеній даютъ и до сихъ поръ только тѣ хозяйства, интересъ которыхъ далеко не тожественъ съ интересами массы населенія.

Такъ въ интересѣ первыхъ земледѣльческихъ попытокъ было произзводство исключительно зерновыхъ хлѣбовъ, какъ того требовало начальство въ цѣляхъ уменьшенія ввоза сюда казеннаго провіанта для служилыхъ людей. Впослѣдствіи тотъ-же интересъ разведенія собственно зерновыхъ-же хозяйствъ руководилъ и инородческими властями, когда при посредствѣ ихъ администрація края стала стремиться къ упроченію въ области земледѣльческаго труда. Иного выбора въ ряду полезныхъ растеній нельзя было тогда и ожидать, и требовать какъ отъ администраціи, такъ и вообще отъ первыхъ піонеровъ землед. культуры.

Точно также нельзя ожидать, чтобы и новѣйшіе піонеры ея, упомянутые «дѣльцы» внесли что-либо новое, не вызываемое ихъ личнымъ интересомъ. Общій-же и главный ихъ интересъ «удачная спекуляція». Возможно большая прибыль на ихъ капиталъ отъ сбыта продуктовъ чужого труда, купленнаго этимъ капиталомъ и, конечно, такихъ продуктовъ, на которые всегда имѣется достаточное требованіе на мѣстномъ или ближайшемъ рынкѣ,—ихъ естественное и законное желаніе. О сбытѣ продуктовъ земледѣлія на рынкѣ внѣ Якут. области, конечно, не можетъ быть и рѣчи. На рынокъ-же Якутска и сѣверныхъ округовъ возможно пока требованіе изъ всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ только на ячмень, ярицу и пшеницу. Слѣдовательно о разведеніи другихъ полезныхъ растеній для нихъ нѣтъ никакого интереса, да едва-ли и будетъ въ теченіе еще довольно продолжительнаго времени. Возможные-же здѣсь неурожаи этихъ хлѣбовъ не имѣютъ для нихъ такого жизненнаго значенія, чтобы искать другихъ полезныхъ растеній для введенія ихъ въ сѣвооборотъ. Для дѣльцовъ, спекулирующихъ хлѣбными продуктами своего хозяйства, рынокъ съ своими законами колебанія цѣнъ, спроса и предложенія, становится всесильнымъ руководителемъ системы ихъ хозяйствъ. И сообразительный дѣлецъ, подчиняющійся этому руководителю, никогда не будетъ въ накладѣ. Такъ, при неурожаѣ, или недородѣ,—когда цѣны на хлѣбъ поднимаются —убытокъ отъ неурожая въ собственномъ хозяйствѣ онъ всегда

съумѣетъ пополнить или продажею запасовъ отъ прежнихъ урожайныхъ лѣтъ, или-же спекуляціею на привозный. Выгоды послѣдней въ неурожайные годы иногда могутъ быть несравненно выше, чѣмъ прибыль отъ собственнаго производства въ урожайные годы, когда расходъ по уборкѣ хлѣба, уродившагося въ излишкѣ противъ требованій рынка, можетъ быть выше выручки за самый этотъ хлѣбъ.

Эта-то тѣсная связь хозяйствъ дѣльцовъ съ колебаніями рынка и опредѣлила тотъ фактъ, что кромѣ означенныхъ 3-хъ видовъ зернового хлѣба, никакое другое растеніе не занимаетъ въ якутскомъ полеводствѣ болѣе или менѣе виднаго мѣста и что вообще на культуру другихъ хозяйственныхъ растеній здѣсь не обращается почти никакого вниманія. Полярная-же природа тутъ рѣшительно не причемъ.

Наоборотъ, она открываетъ полную возможность хозяйственной культуры какъ нѣсколькихъ видовъ зерновыхъ, такъ и стручковыхъ, маслянчныхъ, прядильныхъ, кормовыхъ и корнеплодныхъ растеній на полевыхъ участкахъ, а также различныхъ, обычныхъ для средней Россіи, овощей въ огородахъ.

Высказывая это съ увѣренностью, на основаніи близкаго знакомства съ жизнью этого края въ теченіе болѣе чѣмъ 10, и личныхъ опытныхъ посѣвовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ въ Верхоленскомъ, такъ и въ Якутскомъ окр., я не могу, конечно, въ этихъ письмахъ, представить спеціальныя и детальныя доказательства своего положенія, но имѣя представить сообщенія такого рода вниманію спеціалистовъ, ограничусь здѣсь указаніемъ на важность помянутыхъ уже фактовъ успѣшной культуры здѣсь зерновыхъ хлѣбовъ, изъ которыхъ въ болѣе сѣверную часть округа проникли не только ячмень и ярица, какъ первенствующіе хлѣба, но и пшеница. Такъ въ послѣдніе годы она съ успѣхомъ и большою урожайностью засѣвалась мѣстными инородцами въ нѣсколькихъ наслегахъ Дюсенскаго улуса, т. е. въ той части тайги по долинѣ р. Алдана, которая открыта холоднымъ вѣтрамъ съ С. З. по долинѣ рр. Лены и Алдана, а прямо съ сѣвера по долинѣ р. Тукулана, съ знаменитаго Верхоянскаго хребта, гдѣ пролегаетъ Колымскій трактъ.

Что касается до посѣвовъ овса, то таковой производится съ успѣхомъ въ каждомъ почти широкомъ хозяйствѣ «дѣльца», въ размѣрѣ достаточномъ для собственнаго потребленія. Въ продажу-же онъ дѣйствительно идетъ очень мало и для этой цѣли не культивируется. Но

это, конечно, лишь результатъ отсутствія требованія на него со стороны инородцевъ, которые на покупку его не имѣютъ средствъ, а на производство достаточныхъ побужденій. Прежде чѣмъ заботиться объ улучшенномъ зерновомъ кормѣ для коней, весьма естественно расширять площадь посѣвовъ для культуры хлѣбовъ необходимыхъ для личнаго потребленія своей семьи. Кони, по нуждѣ, могутъ просуществовать исключительно на подножномъ корму.

Только тоже отсутствіе требованія на рынкѣ на гречиху и стручковыя растенія обусловливаетъ и отсутствіе ихъ въ полевомъ хозяйствѣ. Потребность въ горохѣ удовлетворяется вполнѣ огородами, гдѣ онъ растетъ прекрасно. Такъ, напр., посѣвъ даже въ іюнѣ — уходитъ отъ мороза. Особенно-же удаются нѣкоторые виды фасоли и сахарнаго гороха, которые, напр, у меня въ помянутой части Дюнсинскаго улуса дали хорошія сѣмена даже въ самый неблагопріятный 1892 годъ, когда поздніе заморозки и сухая погода весною, а затѣмъ избытокъ дождей во второй половинѣ лѣта такъ замедлили развитіе зерновыхъ хлѣбовъ, что сравнительно поздній осенній морозъ того года (12 августа) побилъ даже ячмень, который, большею частью, здѣсь уже готовъ къ уборкѣ 15—20 іюля [1]).

---

[1]) Въ настоящемъ 1895 г., свой ячмень начали рѣзать уже съ 10-го іюля. Имѣя въ виду, что посѣвы были въ обычное время 9—21 мая, а всходы обозначились 20—28, нельзя не видѣть въ отмѣчаемомъ фактѣ блестящаго доказательства тому, что пресловутыя, яко-бы губительныя условія полярной природы (краткость періода, свободнаго отъ морозовъ, рѣзкія колебанія температуры и вѣчный мерзлякъ) сами по себѣ, не имѣютъ вреднаго значенія, если только имѣются на лицо благопріятное распредѣленіе атмосферныхъ осадковъ въ періодъ развитія растеній и удачный выборъ почвы. Оказывается, что при наличности двухъ послѣднихъ факторовъ періодъ развитія ячменя можетъ сокращаться здѣсь съ 12 недѣль, принятыхъ въ Россіи до 8—9. Не лишнее отмѣтить также, что и горохъ простой, высѣянный въ глинистую почву 1—2 іюня, началъ давать зрѣлыя сѣмена въ первыхъ числахъ августа, т. е. при тѣхъ-же условіяхъ періодъ его развитія можетъ здѣсь сокращаться съ 18 недѣль—до 9—10.

Второстепенное значеніе раннихъ морозовъ осенью, въ неурожайные годы. вопреки общераспространенному мнѣнію объ ихъ губительномъ вліяніи, опять таки прекрасно видно по урожаю прошлаго 1894 года, когда холодная, сырая весна задержала первоначальный ростъ хлѣбовъ (горы ледяныхъ глыбъ лежали не растаявши на берегахъ р. Алданы еще 1 іюня). Но тѣмъ не менѣе слѣдующая затѣмъ ясная погода съ перемежающимися дождями такъ ускорила развитіе ихъ, что необычно ранній морозъ $^{20}/_{21}$ іюля, вредно повліявшій на качество сѣна, отразился на урожаѣ ячменя лишь въ самой незначительной степени. Правда, хлѣба, какъ и травы пожелтѣли въ одну ночь, но зерно ячменя, при нѣсколько лишь меньшей полнотѣ его, оказалось вполнѣ годнымъ, какъ на пищу, такъ и на сѣмена. Сѣно-же, по общему мнѣнію якутовъ было на $^1/_3$—$^1/_4$ менѣе питательно чѣмъ обыкновенно, и якуты при разсчетѣ количества сѣна необходимаго на прокормъ, напр., одной коровы въ теченіе прошлой зимы считали 4 воза, вмѣсто обычныхъ 3 возовъ.

Что касается гречихи, то ничтожный запросъ на нее со стороны русскихъ, едва-ли не исключительно заѣзжихъ людей, вполнѣ удовлетворяется привозомъ сверху. На крупу эту торговцы такъ мало обращаютъ вниманія, что иногда ея совершенно не бываетъ въ привозѣ и городская цѣна доходитъ вмѣсто обычной 1 р 80—2 р. до 4—6 руб. Правда, разсчетливые хозяева, не отрицая возможности успѣшнаго произрастанія здѣсь гречихи, свою инертность въ разведеніи ея объясняютъ боязнью морозовъ и большею надежностью ячменя, вѣрный урожай котораго всегда-де даетъ возможность, на вырученныя по его продажѣ деньги, купить такой не особенно-то необходимый продуктъ, какъ крупу. Но соображенія эти говорятъ не болѣе, какъ только объ ихъ разсчетливости, объ ихъ привычкѣ къ хорошимъ барышамъ, безъ всякаго риску. Дѣйствительно, барышъ отъ ячменя всегда будетъ больше, такъ какъ всегда найдется полуголодный якутъ, который за этотъ хлѣбъ даетъ если не деньги, то какой-либо продуктъ или свой трудъ, что будетъ еще выгоднѣе, чѣмъ деньги. Гречиха-же, если-бы она родилась въ избыткѣ, не найдетъ себѣ и сбыта.

Такой взглядъ совершенно правиленъ для земледѣльца спекулятора. Но земледѣлецъ-потребитель не можетъ такъ смотрѣть на свое хозяйство. Соображенія о сбытѣ ему чужды; ему нужно получить, прежде всего, возможно болѣе пищевыхъ продуктовъ, а слѣдовательно не только съ лучшей, но и съ худшей, уже переработанной почвы. Рискъ неурожая отъ неблагопріятныхъ атмосферныхъ явленій, конечно, всегда есть. Но онъ есть вездѣ и для всѣхъ хлѣбовъ; а при умѣломъ веденіи дѣла онъ можетъ быть доведенъ до такого минимума, который никогда не является и не будетъ тормозомъ для земледѣльца-рабочаго. А такъ какъ гречиха не требовательна на богатую почву, то всегда можетъ быть высѣваема именно на томъ участкѣ, на которомъ зерновой хлѣбъ далъ-бы уже весьма плохой урожай, и который, можетъ быть, потому именно гарантируетъ вызрѣваніе ея ранѣе обычныхъ морозовъ. При этомъ, правда, урожай не будетъ великъ и можетъ быть онъ по незначительности своей не окупилъ-бы расходовъ на наемныя руки. Но для земледѣльца-рабочаго это не важно. Оставляя этотъ худшій участокъ безъ обработки и не имѣя притомъ возможности оторваться отъ своего хозяйства для какого-либо другого заработка, —онъ и вовсе не получилъ-бы ничего.

Въ сѣверной части округа гречиха введена была въ полевое хозяйство около 20 лѣтъ тому назадъ. По примѣру интеллигентныхъ ссыль-

ныхъ, она привилась было у мѣстныхъ состоятельныхъ инородцевъ. Когда-же оказалось, что круподранка требуетъ заботъ и расходовъ, а требованія рынка на крупу очень слабы, и вообще когда тѣ преувеличенныя надежды на земледѣльческую спекуляцію, о которыхъ я говорилъ выше, не осуществились, то, конечно, дальнѣйшее распространеніе площади ея посѣвовъ не могло имѣть мѣста [1]).

О возможности и пользѣ разведенія здѣсь картофеля въ болѣе широкомъ размѣрѣ едва-ли кто станетъ спорить. И мы полагаемъ, что нынѣ существующая здѣсь переложная, или вѣрнѣе, двупольная система хозяйства вполнѣ можетъ и должна быть вытѣснена такою, гдѣ въ сѣвооборотъ поля войдутъ кромѣ злачныхъ растеній, гречиха, картофель и стручковыя растенія.

На введеніе такой системы хлѣбопашества самими хотя-бы и интеллигентными дѣльцами нельзя, конечно, и разсчитывать. Количество «свободныхъ отъ собственнаго хозяйства» рабочихъ рукъ, къ несчастью для нихъ, но можетъ быть къ счастью для края, еще слишкомъ не-

---

[1]) Изъ мѣстныхъ сѣмянъ я сдѣлалъ посѣвъ въ 1892 г. на почвѣ уже много лѣтъ выпаханной, но въ предыдущемъ году запущенной. Вспашка произведена была 15-го мая и посѣвъ 16-го. Годъ тотъ, какъ выше упоминалось, былъ крайне неблагопріятный для зерновыхъ хлѣбовъ. Но гречиха эта развилась прекрасно, къ удивленію сосѣдей, и 1-го августа уже 1/3 часть уродившагося въ обиліи зерна достигла зрѣлости.

Съ осени того года до лѣта 1894 г. я не былъ въ этомъ хозяйствѣ, и участокъ этотъ былъ занятъ другими лицами въ 1893 г.—подъ овесъ и 1894 г.—подъ горохъ и картофель. Около 1-го августа (т. е. уже послѣ мороза 20-го іюля) на заросшемъ сорными травами межникѣ я нашелъ 3 стебля овса и 2 плети гречихи—то и другое, очевидно, падалка предыдущихъ лѣтъ. (Отъ сколькихъ корней то и другое—мнѣ изслѣдовать не удалось). Съ этой падалки взято мною: овса около 90 зрѣлыхъ и 80 недошедшихъ зеренъ, а гречихи 14 вполнѣ зрѣлыхъ и нѣсколько слабыхъ. Зерна эти, съ добавленіемъ нѣсколькихъ зеренъ гречихи, найденныхъ въ покупной крупѣ неразбитыми, высѣяны весною настоящаго года на двухъ различныхъ участкахъ: 7-го мая на тучной, черной почвѣ, при защитѣ съ запада и сѣвера постройками, изъ подъ которыхъ всю весну просачивалась влага тающей земли. Здѣсь овесъ, при всходѣ 20-го мая, далъ обильную растительность, но запоздалъ въ созрѣваніи, такъ что во избѣжаніе полной потравы бурундуками и мышами былъ снятъ 3-го августа съ 1/4 или 1/5 частью вполнѣ спѣлыхъ зеренъ при обильномъ общемъ ихъ количествѣ. Гречиха, при всходѣ 23-го мая, тоже обильная растительностью дала первыя спѣлыя зерна лишь 29-го іюля. На второмъ участкѣ, при тяжелой глинистой почвѣ, на сухой релкѣ, поверхность ея въ теченіе лѣта совершенно окаменѣла. Здѣсь сѣмена овса были высѣяны значительно проросшими 15-го мая и дали обильный ростъ и сборъ вполнѣ зрѣлаго зерна 20-го іюля. Гречиха высѣянная сухою 12-го мая, при всходѣ 28-го мая, слабая затѣмъ, по развитію плетей и листьевъ, дала первый сборъ зрѣлыхъ зеренъ 15-го и почти полный сборъ—29-го іюля, причемъ въ общемъ самъ 9, а отъ отдѣльныхъ экземпляровъ болѣе чѣмъ самъ 20. Необходимо замѣтить, что оба участка одинаково не пользовались рѣшительно никакимъ особымъ уходомъ, и вообще при своихъ опытныхъ посѣвахъ я строго держусь правила—исключать всякія особенно благопріятныя условія.

достаточно, чтобы ради увеличенія общаго количества продуктовъ, хотябы и навѣрняка, но менѣе доходныхъ и не имѣющихъ столько шансовъ на сбытъ, какъ зерновой хлѣбъ.

Для земледѣльца-же потребителя, выгоды такой системы будутъ осязательны и всегда доступны. При увеличенной суммѣ производимыхъ продуктовъ для собств. потребленія, добавочный трудъ и излишняя площадь годового посѣва могутъ быть, безъ разстройства настоящаго хозяйства, взяты изъ запасовъ, остающихся нынѣ совершенно непроизводительными. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, при возможно большемъ разнообразіи воздѣлываемыхъ растеній въ данномъ хозяйствѣ всегда есть болѣе шансовъ, что то или другое дастъ хотя нѣкоторый урожай при общихъ неблагопріятныхъ условіяхъ даннаго года.

Переходя къ прядильнымъ и масляничнымъ растеніямъ, нельзя не выразить удивленія той косности, которую проявили русскіе колонизаторы этого края, совершенно игнорировавъ ту пользу, которую можно извлекать изъ растеній этого рода.

Если якутъ до сихъ поръ употребляетъ на веревки тальниковую лозу и волосы конской гривы; на рыболовныя снасти покупныя, дорогія нитки и волокна конопли, или-же хвостовый конскій волосъ; на одежду—покупные-же дорогіе холсты и бумажныя матеріи, а о растительномъ маслѣ совершенно не знаетъ, то все это еще можно объяснить его невѣжествомъ.

Но какъ объяснить, что культивирующіе его русскіе поступаютъ совершенно также, но уже не по невѣжеству, а прекрасно зная и объ дико растущемъ вокругъ нихъ льнѣ и о легкой доступности здѣсь культурѣ прекрасной конопли, и объ обработкѣ которыхъ имъ хорошо извѣстно.

Неужели виною этому опятъ таки суровость полярнаго климата? или можетъ быть косность того якута, который научилъ этихъ піонеровъ цивилизаціи употребленію тальниковыхъ веревокъ и конскаго волоса?

И дѣйствительно якутъ тугъ на пониманіе; онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ—если дѣйствительно изъ этихъ растеній, такъ свойственныхъ этому краю, можно извлечь много пользы,—то почему попечительная администрація не приметъ мѣръ къ тому вмѣсто ввоза въ сѣвер. окраины по дорогой цѣнѣ необходимыхъ тамъ волоса и конопли? И почему это сами русскіе, знающіе какою дорогою цѣною опла-

чиваютъ туземцы нитки, волокно и холстъ не займутся обработкою этихъ полезныхъ и хорошо растущихъ растеній?

Но якутъ, конечно, звѣрь; онъ долго еще не осмыслитъ того, что «*блага жизни*» достаются здѣсь пришлымъ россіянамъ очень и очень легко, что эксплуатація инородческаго труда, хотя-бы и малопроизводительнаго, несравненно выгоднѣе и покойнѣе, чѣмъ болѣе разумная эксплоатація мѣстной, хотя и суровой природы, но всегда готовой богато отдарить каждаго, кто не полѣнится и съумѣетъ разумно почерпнуть ея силы на благо человѣка. Якутъ можетъ быть еще дольше не пойметъ, что всегда найдутся интеллигентные люди, которые, «вѣдая или не вѣдая что творятъ», готовы будутъ въ руку дѣльцамъ всякаго рода всѣ бѣдствія этого края сваливать на суровость природы и косность его, прокармливающаго ихъ, туземца.

Доказывая полную возможность и необходимость введенія здѣсь плодосмѣнной системы хозяйства, нельзя, конечно, упускать изъ виду неизбѣжное истощеніе почвы при такой усиленной ежегодной эксплоатаціи ея.

Но, къ счастью для этого края, около половины инородческаго населенія (собственно якутовъ) еще имѣютъ хотя-бы по 6—10 шт. скота. Мы видѣли насколько этого количества, при существующихъ формахъ труда, недостаточно для самаго убогаго прозябанія. Но этого количества, при достаточномъ количествѣ луговъ, въ особыхъ угодіяхъ, будетъ еще надолго вполнѣ достаточно, чтобы поддерживать интенсивное хозяйство въ размѣрахъ, доступныхъ одной рабочей семьѣ. Удобреніе отъ этого скота, равно какъ зола и кости, имѣющіяся всегда въ обиліи, при болѣе или менѣе раціональномъ ихъ употребленіи, дадутъ возможность предупредить хозяйственный кризисъ отъ истощенія почвы.

Переходъ къ такой интенсивной, многопольной системѣ хозяйства удовлетворивъ потребностямъ первой необходимости, и поставивъ требованіе на лучшій рабочій скотъ, неизбѣжно повліяетъ на естественный подборъ въ смыслѣ улучшенія породы скота. Тогда не будетъ надобности сбывать лучшій скотъ за безцѣнокъ и оставлять на прилодъ дойную корову, какъ-бы ни была плоха ея удойность. Наоборотъ, въ хозяйствѣ останутся лишь болѣе молочныя коровы и болѣе сильные быки, а скотъ низшаго качества пойдетъ или въ ѣду, и на сторону, когда будетъ въ этомъ необходимость. Но смѣемъ думать, что при свое-

временномъ вниманіи къ инородческому вопросу вообще, и въ частности къ земледѣльческому въ полярномъ краѣ, такая необходимость станетъ все менѣе и менѣе. Развитіе промышленности перерабатывающей прядильныя и масляничныя растенія, явится естественнымъ и неизбѣжнымъ дополненіемъ указываемой нами реформы въ сельскомъ инородческомъ хозяйствѣ.

А отсюда долженъ будетъ измѣниться и самый характеръ нашей внутренней и внѣшней торговли.

Кабала,—почему-то считающаяся не преступною, хотя и составляетъ самую жесточайшую форму ростовщичества,—потеряетъ главные корни въ хронической голодовкѣ населенія, а возможность борьбы съ нею будетъ значительно облегчена.

Предметами вывоза перестанутъ быть продукты скотоводства, необходимые самому населенію, а предметами ввоза уже не будутъ такіе дорогіе и недоброкачественные предметы, которые удобно могутъ быть тогда замѣнены продуктами мѣстнаго земледѣлія и связанной съ нимъ промышленности.

Взамѣнъ пушнины и др. продуктовъ мѣстнаго промысла къ намъ явятся уже не пищевые предметы первой необходимости, но продукты культурной высшей жизни, которые не замедлятъ поднять и общій тонъ нашей настоящей жизни.

Такова картина недалекаго будущаго полярнаго края, если только, вмѣсто рутиннаго и обиднаго для *«человѣка»* преклоненія предъ ужасами сѣверной природы, вмѣсто позорнаго умолчанія о страшной язвѣ, разъѣдающей весь укладъ инородческой жизни, интеллигентное общество смѣло взглянетъ въ глаза уродливымъ общественнымъ отношеніямъ въ полярномъ краѣ и вступитъ въ борьбу съ нимъ.

Цѣлесообразный-же толчокъ въ смыслѣ реформы здѣшней земледѣльческой культурѣ будетъ одно изъ необходимыхъ средствъ этой борьбы.

Всего высказаннаго мною относительно полной несостоятельности теоретическаго преклоненія предъ ужасами суровой природы Якутскаго округа, преклоненія, доводящаго до поразительнаго игнорированія существующихъ фактовъ и отрицанія бьющихъ въ глаза явленій, болѣе существенныхъ и важныхъ,—я полагаю вполнѣ достаточно, чтобы отнестись съ полнѣйшимъ недовѣріемъ и къ пресловутымъ разсказамъ объ еще большихъ непредолимо-жестокихъ природныхъ условіяхъ Верхоленскаго края. Казалось-бы, что чѣмъ гуще краски этой непреодо-

лимости, тѣмъ болѣе нужно-бы было требовать и доказательствъ. Но въ данномъ случаѣ, интеллигентное общество поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Поэтическихъ расказовъ объ ужасахъ того края оказалось вполнѣ достаточно для признанія безплодности всякой разумной борьбы съ тамошнею природою. Всякія попытки и изслѣдованія какъ-бы признаны излишними, праздными затѣями ребяческаго оптимизма.

Между тѣмъ исключительно бѣдственное положеніе Верхоянск. края, роковая изолированность его не только отъ европейскихъ или сибирскихъ, но и прилепскихъ рынковъ, вызываютъ безусловную необходимость изысканія такой формы труда, которая-бы при независимости ея отъ рынка, дала мѣстному населенію хотя-бы предметы первой необходимости. А такъ какъ земледѣліе является наиболѣе подходящею и чуть-ли не единственною такою формою труда, то оно неизбѣжно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе.

Поэтому считаемъ необходимымъ представить слѣд соображенія:

1) Судьба заставила меня прожить 7—8 лѣтъ при почти совершенно такихъ-же условіяхъ въ самыхъ сѣверныхъ окраинахъ Европейской Россіи, гдѣ также сравнительно недавно свилъ себѣ гнѣздо земледѣльческій трудъ. Тамъ точно также въ недалекомъ прошломъ всѣ, въ виду тѣхъ-же суровыхъ климатическихъ условій, признавали невозможнымъ земледѣліе. Но, вопреки этимъ теоретическимъ выводамъ, практика показала, что мѣстное населеніе можетъ питаться хлѣбомъ собственнаго воздѣлыванія. Конечно и тамъ бываютъ годы неурожая отъ необычныхъ морозовъ; но эти годы исключительные и населеніе принимаетъ ихъ, какъ неизбѣжную дань, которая нисколько не умаляетъ ихъ рвенія къ воздѣлыванію земли.

Тамъ рѣки, въ долинахъ которыхъ идутъ посѣвы, вскрываются не ранѣе 20, а иногда 30 мая; морозы бываютъ весною до 10 іюня, а осенью отъ 19—27 іюля. Развѣ что худшее мы имѣемъ въ Верхоянскомъ улусѣ.

Почему-же невозможно у насъ то, что возможно въ Европейско-Россійскихъ сѣверныхъ окраинахъ? Тамъ тоже населеніе раскинуто мелкими, въ 1—2 дома, «починками», тянущимися по берегамъ большихъ рѣкъ и нѣкоторыхъ ихъ притоковъ. Отойдите отъ починка саженъ 50 въ сторону и вы будете тоже, какъ и здѣсь,—въ глухой, непроходимой, болотистой тайгѣ. Земледѣлію повидимому нѣтъ мѣста, ибо въ долинахъ вода заливаетъ сѣнокосныя мѣста. Но русскій крестьянинъ ухи-

трился обратить въ пашни склоны гористыхъ и холмистыхъ береговъ такимъ образомъ, что пашни представляютъ собою лѣстницеобразныя террассы, нижнія ступени которыхъ спускаются до уровня высокаго разлива воды, а верхнія ступени доходятъ до вершины холмовъ. Большей частью террассы эти разработаны на такихъ склонахъ, чтобы были защищены отъ сѣверныхъ и другихъ—въ каждой мѣстности особыхъ—неблагопріятныхъ вѣтровъ. Ступени этихъ террасъ иногда такъ узки, что пашутъ всегда вдоль въ одномъ направленіи и это, впрочемъ, помогаетъ тому, что влага задерживается между бороздами. Если земледѣлецъ видитъ, что морозъ грозитъ повредить не совсѣмъ еще окрѣпшее зерно, то спѣшитъ сжать или скосить свой хлѣбъ и, связавъ въ снопы, развѣшиваетъ ихъ для окончательнаго вызрѣванія на прясламъ колосьями внизъ, такъ чтобы дождь, если таковой выпадетъ, скатывался, не портя хлѣба. Въ этихъ прясламъ зерно доходитъ.

Посѣвы бываютъ, конечно, очень ранніе, большею частью еще по слою мелкаго, уже разрыхленнаго снѣга. Характеръ почвы и подпочвы едва-ли представляетъ какія-либо особо-благопріятныя данныя въ пользу Архангельской губерніи. Тамъ также подпочвенный камень оставляетъ очень тонкій слой обрабатываемой земли и это требуетъ сильнаго, частаго удобренія, которое обыкновенно практикуется такъ: съ осени свозятъ въ хлѣвъ верхній слой болотистой черной земли, которая и служитъ зимою какъ-бы подстилкою для скота. И вотъ очень ранней весной эту землю, перемѣшанную съ другой подстилкой и навозомъ, вывозятъ на поля, гдѣ тотчасъ-же ее разравниваютъ мелкимъ слоемъ.

Полагаю, что, примѣняя всѣ эти пріемы и можетъ быть другіе, уже извѣстные въ Якутской области, или такіе, какіе могли-бы выработаться практикой здѣсь,—земледѣлецъ Верхоянскаго улуса точно также имѣлъ-бы свой хлѣбъ. При томъ Якутскій округъ даетъ еще и другія полезныя указанія, какъ напр., вспашка поля не съ осени, а съ весны предыдущаго посѣву года. Отъ такого пріема почва, конечно, еще лучше подготовляется для посѣва, точно такъ-же, какъ и отъ употребленія здѣсь сохи-плуга; тогда какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи пашутъ простой самой неусовершенствованной сохой.

2) Тѣ опыты, которые производились въ Верхоянскомъ улусѣ относительно посѣва злачныхъ растеній,—какъ мною, такъ и ранѣе другими,—скорѣе указываютъ на возможность земледѣлія тутъ, чѣмъ об-

ратно, хотя опыты эти еще не дали до сихъ поръ такихъ желаемыхъ результатовъ, какъ-бы слѣдовало [1]). Они не дали еще смѣлости завести земледѣліе въ болѣе или менѣе крупномъ размѣрѣ на чисто коммерческомъ основаніи.

Крупнымъ опытамъ въ этомъ направленіи препятствуетъ до сихъ поръ отсутствіе соотвѣтствующихъ малосильному скоту земледѣльческихъ орудій, недостатокъ вполнѣ надежныхъ сѣмянъ, привычныхъ рабочихъ и еще можетъ быть болѣе всего недостатокъ средствъ, чтобы завести посѣвы одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; а съ другой стороны — соображеніе, что при посѣвѣ въ одномъ только мѣстѣ слишкомъ много риска на неудачу, которая еще болѣе укрѣпитъ недовѣріе къ возможности у насъ земледѣлія.

Если-же у меня, а также и ранѣе, не разъ доспѣвалъ ячмень и овесъ, хотя и на маленькихъ опытныхъ клочкахъ земли, но при самыхъ обыкновенныхъ условіяхъ и при томъ безъ всякаго особеннаго ухода, на нашнѣ, обработанной не заблаговременно, а тою-же весной,— слѣдовательно на мало-разрыхленной почвѣ и при позднемъ посѣвѣ,— то нельзя развѣ на основаніи этихъ опытовъ (въ связи съ вышеуказанными данными объ успѣхахъ земледѣлія въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи) имѣть, если не увѣренность, то хотя достаточную надежду, что культура злачныхъ возможна въ Верхоянскомъ улусѣ? Но вѣдь развитіе земледѣлія такъ высокоблагодѣтельно было-бы для края, что достаточно даже одной надежды, чтобы приняться за это дѣло тѣмъ, кто имѣетъ для того средства и возможность.

3) Что касается до цифръ, говорящихъ о низкой средней температурѣ лѣта въ Верхоянскомъ улусѣ, то, во-1-хъ, эти свѣдѣнія имѣются только для одного пункта, гор. Верхоянска; между тѣмъ, въ Верхоянскомъ улусѣ есть нѣсколько сотъ-верстныя по протяженію долины рѣкъ Бутушпая, Дулгалаха къ югу и западу отъ Верхоянска, гдѣ хотя никто нигдѣ не дѣлалъ метеорологическихъ наблюденій, но гдѣ— по общему отзыву - нѣтъ такого сухого воздуха и такого холода, какъ въ гор Верхоянскѣ. Во-2-хъ, цифры средней лѣтней температуры показываютъ среднюю величину температуры за 3 мѣсяца, тогда какъ для здѣшняго земледѣлія важнѣе температура не 3-хъ, а только 2-хъ мѣсяцевъ и еще болѣе важна цифра, которая показала-бы намъ сум-

[1]) До сихъ поръ земля вскапывалась маленькими заступами; а это такой тяжелый и дорогой по цѣнѣ трудъ для непривычнаго якута, что обработка даже нѣсколькихъ грядъ обходится очень дорого.

му солнечной теплоты, поглощаемой нашей почвой въ періодъ возрастанія и созрѣванія хлѣбовъ. Въ виду тѣхъ длинныхъ солнечныхъ дней лѣтомъ, можно смѣло предположить, что этой теплоты въ 2 мѣсяца едва-ли бываетъ менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ. Кто не замѣчалъ здѣсь удивительно быстраго роста всѣхъ растеній? Иной разъ вы просто поражаетесь той перемѣной въ видѣ и величинѣ растеній, которыя произошли въ теченіе какихъ-нибудь 2—3 дней. Кромѣ того, существуетъ въ Россіи нѣсколько скоро-вызрѣвающихъ зерновыхъ хлѣбовъ, которые надо-бы культивировать здѣсь. Теперь я припоминаю только одинъ яренскій ячмень, который, какъ я убѣдился личнымъ опытомъ, требуетъ для своего произрастанія и вызрѣванія не болѣе 8 и даже 6 недѣль.

Но если культура сѣмянъ, выписанныхъ изъ Европы, не возбуждаетъ увѣренности, то развѣ можно игнорировать, что въ самой сѣверной части Якутскаго округа ячмень при посѣвѣ 15—23 мая доспѣваетъ нерѣдко 10—20 іюля. И, наконецъ, неужели такъ невѣроятна возможность, путемъ подбора болѣе выносливыхъ сѣмянъ, получить, наконецъ, такую разновидность, которая можетъ вполнѣ соотвѣтствовать климату Верхоянскаго улуса?

Но если моя увѣренность въ полной возможности культуры зерновыхъ хлѣбовъ въ Верхоянскомъ улусѣ и была-бы опровергнута, то едва-ли можно что сказать противъ нетолько необходимости, но и полнѣйшей возможности распространенія здѣсь картофеля, льна, конопли, сарданы, сараны и др. огородныхъ овощей. Въ городѣ картофель и др. овощи разводятся уже очень давно. Въ улусѣ бывшій голова Ефимовъ за разведеніе огородничества получилъ уже двѣ награды. Картофель растетъ здѣсь очень удачно какъ красный, крупный, дающій урожай самъ 4—6, такъ и бѣлый, мелкій—съ урожаемъ самъ 20. Но надо замѣтить, что до сихъ поръ здѣсь,—дорожа трудомъ или по неумѣнію,—его сажаютъ такъ близко другъ отъ друга, что окучиваніе невозможно, а потому смѣло можно сказать, что при надлежащемъ уходѣ за картофелемъ урожаи будутъ много обильнѣе. То-же можно сказать и о другихъ овощахъ. Рѣпа, рѣдька, рѣдиска составляютъ обыкновенно лакомство, даже морковь и свекла выходятъ очень уловлетворительны.

Но эта, годами доказанная возможность произрастанія здѣсь картофеля, до сихъ поръ не дала никакой пользы мѣстному населенію. Городскіе огороды и огороды Ефимова не находятъ подражанія въ улусѣ;

даже въ городѣ живущіе якуты не имѣютъ огородовъ. Это объясняется очень просто тѣмъ, что до сихъ поръ огородничество ведется въ малыхъ размѣрахъ; овощей едва достаетъ на самое короткое время и то скорѣе въ видѣ лакомства. У Ефимова, конечно, рѣдкій русскій гость найдетъ щи съ капустой, жаркое съ картофелемъ, да маленькіе соленые огурцы; но вѣдь весь его огородъ состоитъ только изъ 4—5 грядъ; расширять его онъ не имѣетъ никакого интереса: самъ онъ, будучи очень богатъ, имѣетъ избытокъ всякой другой любимой имъ пищи, а въ овощахъ потребности не чувствуетъ. А окружающіе-же его якуты, оѣдняки, вѣроятно никогда и не отвѣдавшіе овощей, не имѣютъ никакого понятія о томъ, что этотъ самый картофель, разводимый въ большихъ размѣрахъ, могъ-бы быть для нихъ столько-же существенной пищей, какъ и горячо любимое, но трудно достающееся имъ, мясо. Они увѣрены, что эти овощи есть лакомство русскихъ, скорѣе роскошь. По такимъ-же воззрѣніямъ на это дѣло и городской якутъ не подражаетъ русскимъ, для которыхъ, впрочемъ, за исключеніемъ, конечно, заѣзжихъ, овощи эти тоже не составляютъ насущной потребности.

И до тѣхъ поръ, пока картофель изъ мелкихъ огородовъ не выйдетъ въ поле; пока это дѣло не приметъ широкихъ размѣровъ; пока не будетъ очевидно для всѣхъ, что этотъ плодъ можетъ служить даже исключительной пищей; пока якутъ не привыкнетъ къ нему (а это можетъ быть лишь тогда, когда картофель по дешевизнѣ будетъ болѣе доступенъ, чѣмъ мясо),—до тѣхъ поръ картофель не будетъ разводимъ якутами.

Я полагаю, что на предыдущихъ страницахъ достаточно уяснены крайне бѣдственное экономическое положеніе верхоянскихъ инородцевъ-кочевниковъ и необходимость помощи имъ къ выходу изъ такого положенія, а также и то, что параллельно съ борьбой противъ владычества мизгирей—помощь эта должна выразиться въ измѣненіи малопроизводимыхъ нынѣ формъ труда въ болѣе осмысленныя цѣлесообразныя формы—земледѣльческую и кустарно-промышленную.

Признавъ, что многія изъ этихъ донынѣ неизвѣстныхъ здѣсь формъ труда вполнѣ возможны и легко осуществимы,—невольно приходится задаться вопросомъ: какимъ-же образомъ можетъ быть дана эта помощь? какимъ образомъ могутъ быть развиты новыя формы труда? откуда долженъ быть данъ толчокъ и примѣръ, могущій вызвать подражаніе якутовъ?

Такъ какъ система принужденія въ дѣлѣ развитія новыхъ культивирующихъ экономическихъ условій едва-ли можетъ выдержать критику, то остается одинъ путь: многочисленные, непрерывно продолжающіеся примѣры новой земледѣльческой, промышленно-кустарной культуры; другими словами, устройство ряда или сѣти хозяйствъ, въ основу которыхъ положить новыя формы труда.

Задачею этихъ хозяйствъ должно быть прежде всего:

1) немедленное расширеніе картофельной посадки не только до размѣра, удовлетворяющаго потребленіе работающихъ лицъ, но съ остаткомъ для продажи;

2) измѣненіе данныхъ природою свойствъ угодій: увеличеніе выповъ изъ-подъ лѣса, осушеніе хотя нѣкоторыхъ болотистыхъ луговъ, осѣмененіе ихъ;

3) разведеніе льна и конопли и обработка хотя-бы ихъ волоконъ;

4) культура сарданы и сараны.

По крайней мѣрѣ эти 4 формы труда должны быть положительно обязательнымъ для такихъ образцовыхъ хозяйствъ; а затѣмъ желательно, чтобы мало-по-малу были увеличены разнообразные опыты по разведенію хлѣбныхъ злаковъ и по производству возможныхъ кустарно-промышленныхъ фабрикатовъ.

Едва-ли нужно доказывать, что затраты по устройству такихъ хозяйствъ далеко не окупятся въ первые годы. Это обязательно предвидѣть и притомъ, какъ я уже ранѣе сказалъ, не только желательно, но положительно необходимо, чтобы такихъ хозяйствъ съ перваго-же раза было заведено не одно или два, а по крайней мѣрѣ 10, если не болѣе. Предположить полную неудачу десяти такихъ хозяйствъ невозможно; тогда какъ 2—3 хозяйства могутъ легко пасть, благодаря хотя-бы неудачному выбору мѣста, новости дѣла, неопытности рабочихъ, исключительно неблагопріятной погодѣ. Поэтому-то и необходимо, чтобы неудача одного-другого хозяйства парализовалась въ глазахъ якутовъ и въ интересахъ предпринимателя успѣхомъ и выгодами отъ прочихъ.

Только при одновременномъ, сконцентрированномъ въ однѣхъ рукахъ веденіи нѣсколькихъ хозяйствъ можно легко ориентироваться въ тѣхъ новыхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, въ которыхъ придется вести это дѣло, узнать—отчего именно произошла тамъ или здѣсь неудача, какія условія болѣе благопріятны и какія болѣе негодны и т. д.

Какъ ни трудно найти большія средства, необходимыя на первоначальное устройство десятка такихъ хозяйствъ, но во всякомъ случаѣ заведеніе ихъ должно быть совершенно чуждо благотворительнаго характера. Хозяйства эти только тогда могутъ дать пользу и служить примѣромъ, когда для всякаго, послѣ точнаго разсчета, станетъ ясно, что такое хозяйство въ результатѣ будетъ выгодно, дастъ въ концѣ концовъ хорошую прибыль предпринимателю и заслуживаетъ подражанія, какъ новый источникъ средствъ существованія.

Въ этихъ-же видахъ, я полагалъ-бы, что устройство такихъ хозяйствъ на счетъ казны или субсидій отъ нея было-бы тоже не совсѣмъ цѣлесообразно. Что можетъ быть выгодно при содѣйствіи отъ казны, то, можетъ случиться, не дастъ выгоды при веденіи дѣла частнымъ лицомъ на его личный страхъ.

Точно также нельзя разсчитывать,—я говорю съ полнымъ убѣжденіемъ, на основаніи близкаго знакомства съ верхоянскою жизнью,—и на предпріимчивость и, скажу даже, способность мѣстныхъ состоятельныхъ туземцевъ къ организаціи такихъ образцовыхъ хозяйствъ. (О русскихъ я не говорю, такъ какъ въ Верхоянскѣ ни у одного изъ нихъ не найдется средствъ на заведеніе даже одного хозяйства). Этимъ инородцамъ живется очень хорошо; желать большого имъ не приходится. Скорѣе ко всякому новому дѣлу они отнесутся подозрительно, какъ-бы оно не подорвало ихъ вліянія и силы надъ сосѣдями-родовичами. Понятно, современемъ, когда выгоды земледѣльческаго хозяйства будутъ очевидны, когда они поймутъ, что и въ этой новой формѣ трудъ, который имъ запроданъ заранѣе, можетъ дать хорошую выгоду,—тогда они тоже съ готовностью заведутъ сами такія хозяйства. Но теперь, я убѣжденъ, что къ этому подвинуть ихъ очень трудно. Они легче всего дадутъ денегъ для карточной игры, зная, что эти деньги, вращаясь въ кругу близкихъ имъ лицъ, снова возвратятся къ нимъ, а заемщикъ все-таки попадетъ имъ въ кабалу. Нѣсколько труднѣе, но все-таки дадутъ они деньги на какое-либо торговое, знакомое имъ дѣло, выгодность котораго имъ ясна. Они знаютъ, что деньги эти не пропадутъ, и дадутъ имъ хорошій процентъ. Но дать деньги на незнакомое, новое дѣло и притомъ большую сумму—это положительная невозможность. Къ этому не побудитъ ихъ даже честолюбіе. Тѣмъ болѣе сами они не рѣшатся вести такое новое дѣло на свой личный страхъ, зная свою неспособность къ тому и опасаясь стать въ зависимыя отношенія отъ того лица, къ опытности и знанію котораго они должны были-бы прибѣгнуть.

Такой взглядъ на состоятельныхъ родовичей я могъ-бы подтвердить рядомъ фактовъ и между прочимъ доказать фиктивность рѣдкихъ случаевъ ихъ благотворенія... но это повело-бы насъ далеко.

Такимъ образомъ, изыскивая средства для основанія образцовыхъ хозяйствъ,— разъ таковыя будутъ признаны необходимыми,—пришлось исключить средства казны и частной благотворительности, отвергнуть надежды на мѣстныхъ инородцевъ богачей и признать въ принципѣ, что эти хозяйства нужно поставить на чисто коммерческомъ началѣ — выгоды и пользы для предпринимателя.

Такая задача, конечно, не легкая, но, по моему мнѣнію, далеко не невозможная, если только эта задача будетъ разрѣшаться не обычнымъ у насъ бюрократическимъ путемъ, или единичными силами частнаго человѣка, но силою общественной мысли, при посредствѣ труда и энергіи культурныхъ ея представителей.

Полярное земледѣліе несомнѣнно должно отличаться такими особенностями, что рутинное отношеніе къ дѣлу, на основаніи хотя-бы сельскохозяйственныхъ научныхъ данныхъ для умѣренной полосы Европейской Россіи, должно быть совершенно отринуто. И для раціональной постановки дѣла всѣ данныя и совѣты, предлагаемые практическими сельскохозяйственными руководствами, должны быть вновь тщательно провѣрены. Рядъ опытовъ, наблюденій и изслѣдованій въ сферѣ земледѣлія и полярнаго растительнаго царства вообще представляется безусловно необходимостью. Они лягутъ въ основу «полярнаго земледѣлія», какъ особаго отдѣла русской сельско-хозяйственной науки и дадутъ возможность ориентироваться практическимъ руководителямъ дѣла при неудачахъ въ ихъ дѣятельности въ далекомъ краѣ, той дѣятельности, которая, не выжидая, конечно, результатовъ тѣхъ научныхъ опытовъ, должна возможно скорѣе войти въ жизнь заполярныхъ окраинъ.

Правда, что параллельно съ этими практическими и опытно-научными хозяйствами долженъ быть поставленъ въ предѣлахъ, доступныхъ для общества, хотя нѣкоторый оплотъ противу дальнѣйшаго упроченія новѣйшихъ хищниковъ, и что на все это нужны средства, знанія, энергическіе и честные люди.

Но едва-ли такое важное въ научномъ и соціально-экономическомъ отношеніи дѣло должно встрѣтить неотразимое препятствіе въ недостаткѣ средствъ и людей. Неужели въ здоровой части сибирскаго молодаго, интеллигентнаго и богатаго общества не найдется то и другое для разрѣ-

шенія того жестокаго вопроса, на первостепенную важность котораго извѣстный профессоръ Якобій обратилъ вниманіе русскаго общества и неотложность разрѣшенія котораго побудила его обратиться къ обществу Краснаго Креста.

Неужели сибиряки, потомки тѣхъ «выходцевъ изъ Россіи», въ дѣятельности которыхъ совершенно основательно г Якобій видитъ главную причину вырожденія инородцевъ, могутъ быть глухи къ разумной помощи тѣмъ самымъ инородцамъ? Иначе, откуда-же послѣдніе должны ждать этой помощи?

На бѣдствія русскаго народа въ «голодный годъ» откликнулось все русское общество, а лучшая часть его не только матеріальными жертвами, но также изслѣдованіями и указаніями раціональныхъ мѣръ къ предупрежденію подобныхъ бѣдствій.

Когда и къ чему приведетъ эта честная, разумная готовность представителей русскаго общества къ осуществленію тѣхъ мѣръ; готовность къ борьбѣ съ надвинувшимся зломъ въ коренныхъ его основахъ—рѣшить трудно.

Во всякомъ случаѣ, такой подъемъ общественной мысли очень характеренъ.

Нельзя допустить, чтобы онъ проявлялся только тогда, когда зло выражается въ острой формѣ, когда зіяющія раны, стонъ, жалобы и видъ истощенныхъ отъ непривычнаго голода людей, рѣзалъ ихъ нервы...

Неужели страданья и еще худшія послѣдствія хроническаго голода—тихое, полуидіотское, животно-рабское прозябаніе многихъ тысячъ инородцевъ, полная потеря въ нихъ человѣческаго достоинства; — все это недостаточно жестокій фактъ, чтобы обратить такое-же вниманіе интеллигентной части общества?

Не трудно понять, что съ переходомъ «*культурнаго воздѣйствія*» отъ «*выходцевъ изъ Россіи*»—къ новымъ культуртрегерамъ, представителямъ вновь диференцировавшейся «инородческой»-же группы «тойеновъ», — процессъ «*оживотнѣнія*» массы населенія пойдетъ еще быстрѣе.

Выдержка, систематичность, упорство въ достиженіи цѣли, хитрость, лукавство, жестокость и полное отсутствіе нравственныхъ чувствъ, при полнѣйшемъ знаніи среды,—даютъ новой группѣ всѣ преимущества на блестящій успѣхъ въ ихъ античеловѣчной миссіи.

Возвращеніе къ одеждѣ первобытныхъ людей, къ наготѣ и звѣринымъ шкурамъ—не удивляетъ уже насъ; грязь и дымъ жилищъ считается необходимостью; животныя извержения, проникающія всюду не производятъ никакого ощущенія брезгливости; неудобоваримые суррогаты считаются пищею; хроническій голодъ нормальнымъ явленіемъ.

Поразительная выносливость, спокойное отношеніе ко всякаго рода страданіямъ и лишеніямъ—естественный фактъ. Возмутительныя проявленія рабскаго страха не коробятъ насъ. «Тойенъ» *сказалъ* и общества, безъ слова возраженія, отчуждаютъ ему свои лучшія угодья, «тойенъ» *велѣлъ* и желанный скотъ поступилъ въ его распоряженіе. Рѣшенія его всесильны; сопротивленіе невозможно; «тойенъ» взглянулъ и истощенный, оборванный якутъ бѣжитъ нѣсколько десятковъ верстъ впереди своего тойена, чтобы указывать ему дорогу и открывать загороди предъ его сытымъ конемъ.

Богачъ – тойенъ, всемогущая сила. Бѣднякъ – рабъ, ничтожная мразь.

А если это все такъ теперь, то что-же будетъ дальше, если общество останется глухо къ раскрываемымъ предъ нимъ картинамъ возмутительной, хронической жестокости?

Только то общество можетъ разсчитывать на удовлетвореніе его требованій и желаній, если оно чутко и энергично откликается на нужды каждаго изъ своихъ членовъ, а тѣмъ болѣе на неотложныя требованія отдѣльныхъ соціальныхъ единицъ.

Только то общество достойно участія въ борьбѣ съ общественнымъ зломъ, если въ немъ есть источникъ инициативы и запасъ энергіи, чтобы,—безъ всякаго, или помимо толчка сверху, независимо отъ административнаго вмѣшательства,– осуществить жизненный фактъ соціальнаго характера.

Огонеръ.

НА ЛЕНѢ.

ЭТЮДЪ.

Медленно, трудно пробивался день сквозь мракъ длинной якутской ночи. Мерцающій полусвѣтъ легъ на вершины валовъ тумана, окутавшаго все своимъ густымъ покровомъ; слабо, незамѣтно въ его глубь переливался сѣрый отблескъ утра. Подъ легкимъ хйусомъ *) побѣлѣвшія стѣны тумана, бѣлорозовыя, какъ пѣна клочковатыя вверху, и тяжелыя, какъ мраморъ непроницаемыя и мрачныя внизу, -чуть двигались, колыхались, отступали, клубились и вновь надвигались густой пеленой, и вновь разрывались и опять смыкались, сливались, нависали ровной сплошной завѣсой, —и опять колебались... трудно дышала грудь широкой, могучей рѣки, закованная въ ледяные оковы, придавленная снѣжнымъ саваномъ...

Тихо. Ни звука. Никто не смѣетъ нарушить мертвый покой, никто не дерзаетъ разсѣчь торжественное молчаніе безжизненнаго дня, безмолвья оцѣпенѣлой рѣки, дышать холоднымъ дыханьемъ ея оледенѣлой груди.

Медленно разливается свѣтъ: гдѣ-то было солнце, былъ день,—далекимъ его отраженіемъ, блѣднымъ призракомъ развернулся полдень на Ленѣ.

Безконечной сѣрой лентой развивается изъ подъ тумана дорога на бѣлоснѣжномъ покровѣ рѣки. Прижимаясь къ дорогѣ, пугливо склоняясь, стоятъ одинокія сосенки—вѣхи, затерянныя въ безконечной равнинѣ. Три фигуры движутся по дорогѣ. Впереди, согнувшись, бодро шагаетъ мужчина, за нимъ женщина и близко сзади нея—мальчикъ. Мужчина остановился и оглянулся: въ туманѣ колебалась тѣнь женщины, ребенка не было видно.

— Гони мальченку! Пущай не отстаетъ!

— Чаво гнать-то? Самъ идетъ!.. Далече еще.

---

*) Хйусъ—слабый вѣтеръ во время сильныхъ морозовъ.

— Чаво гнать-то! передразнилъ поселенецъ,—«чаво», когда идти до города еще верстъ съ пятнадцать! Этакъ и къ ночи не дойдемъ!. Понужай!

Женщина молчала. Вынырнулъ изъ тумана мальчикъ, лѣтъ 8—9, и приблизился къ говорившимъ. Въ большой шапкѣ колпакомъ, шитой изъ ватныхъ тряпокъ и повязанной сверху платкомъ, въ бабьей мѣховой кацавейкѣ съ кускомъ овчины вмѣсто воротника въ мѣховыхъ торбасахъ, весь въ тряпкахъ,—онъ шелъ тяжело и прерывисто сопѣлъ. Стали всѣ трое. Дыханіе густымъ паромъ окружило головы, шурша осѣдавшими кристаллами льда. Мальчишка вытеръ грязной рукавицей красный мокрый носъ, тонкій и длинный, какъ птичій, видвинувшійся изъ обмерзшаго воротника. Мать скинула свои рукавицы и попробовала обмять заледенѣвшій воротникъ ребенка, но слой льду, намерзшаго на мѣху, былъ толстъ и она только сбила иней на лицо мальчика, да и спрятала замерзшія руки; мальчику отъ хлопьевъ инея, попавшихъ и въ глаза и на шею, стало еще хуже. Онъ самъ вытащилъ изъ рукавицы руку и сталъ отталкивать льдинки, намерзшія на ресницахъ, плотно прижавъ ихъ къ лицу и затѣмъ отдирая. Но рука совсѣмъ окоченѣла и онъ опять ее всунулъ, неловко, какъ обрубленную, назадъ въ рукавицу. Скрючившись, онъ сталъ неподвижно спиной къ леденящему хйусу, дрожа, слабо разгибая и сжимая въ кулакъ окоченѣлую руку. Рукавица успѣла остыть.

Мужчина двинулся. Оглянувшись на сына, тронулась и женщина. Мальчикъ пошелъ вслѣдъ, отворачивая голову отъ вѣтра и носомъ ища въ воротникѣ незаледенѣлаго мѣста.

— Морозъ-таки! думалъ поселенецъ,—добрый морозъ! Самый настоящій!. Скорѣй идтить.. И съ чего только съ этой самой бабой я связался? Сколько годовъ... Одна помѣха.. брошу понѣ въ городѣ, безпремѣнно брошу, самъ уйду!.. Ежели теперь въ городѣ прожить до весны, да потомъ, на пріиска .. ловко-бы!... И право,—брошу, уйду!..

Дальше, одна за другой, развертываются въ мечтахъ поселенца картины вольной, веселой жизни. Ноги идутъ ровно, передъ глазами — снѣгъ да снѣгъ, а въ головѣ, какъ въ жару, выплываютъ, несутся все старыя, знакомыя, веселыя картины: и городской кабакъ, грязный столикъ тамъ въ углу и нѣсколько пьяныхъ лицъ надъ нимъ... карты... водка.. хохотъ и пѣсня.. Потомъ,—приволье могучей рѣки, бодрая свѣжесть влажнаго вѣтра... далѣе,—казарма, сотни людей—сильныхъ,

суровыхъ .. разрѣзъ, и тачки, и машины—и золото! Дикій разгулъ, дикій просторъ, дикая воля, дикій размахъ!..

— Эхъ ты, дьяволъ! сплюнулъ, поселенецъ,—ловко!.. Уйду, ей-Богу уйду!..

Долятъ думушки и бабу.

— И что это чудная какая доля наша бабья .. думаетъ она.—И не спомнишь, и не схватишься—куда твое веселье ушло!.. Живешь дѣвушкой—всякая тебѣ радость, все-то тебя забавляетъ, все-то весело да радостно. . силушки много, горюшка мало: ни работа тебѣ нипочемъ, ни тягости не видишь—все легко, все весело!.. И на что только эти мужики живутъ! И какъ наша сестра съ нимя свяжется – ровно-бы тебѣ отрѣзало, изведешься, изнедужаешь,—все-то горюшко, все-то вина... Несъ то этотъ издѣвается надъ тобой, куражится—инда убила-бы подлаго... Охъ, кабы знали дѣвушки, вѣдали,—лучше-бъ вѣкъ дѣвушками вѣковали!.. И съ чего это я такая хлипкая, да слабая стала?..

Безконечной лентой шла дорога,—безконечной вереницей шли воспоминанья, жалобы бабы, все жальче ей своей дѣвичьей веселости, все больше жалѣла себя...

Мальчикъ ничего не думалъ. Онъ уже очень усталъ и всѣ силы свои напрягалъ только на то, чтобы идти, чтобы не отстать отъ матери, не остаться одному въ холодныхъ волнахъ страшнаго тумана

И тянулась дорога, шли на встрѣчу и уходили назадъ одинокія сосенки, колебалось море бѣлесоватаго тумана и въ немъ постепенно погружался и таялъ передовой,—отецъ. Вотъ дымчатой пеленой закрыта и мать, пелена все густѣетъ,—и мальчишка пускается бѣжать Груди не хватаетъ воздуху, ноги съ трудомъ передвигаются, весь онъ въ поту,—и мальчикъ кричитъ, зоветъ мать. Та останавливается и ждетъ. Отдохнетъ минуту, оправится немного мальчикъ—и опять въ путь, вновь тоже...

— Постой, чижало, маинька!. Присталъ. .

— То-то чижало... Морозъ вишь какой... Да ужь надо до города дойти, какъ-ни-какъ. Якутовъ-то здѣся нѣтъ.

— Присталъ шибко... Нить охота.

— Ахъ ты, горе съ этимъ городомъ... Одначе, еще верстъ двѣнадцать... И какой это лѣшій въ самые рожественскіе морозы его носитъ?.. Въ кабакѣ, вишь, давно не былъ...

По рѣкѣ прокатился крикъ.

— Эй, вы! Гдѣ вы, анаѳемы, тамъ? Чего сѣли!?..

Ни баба, ни мальчикъ не отвѣчали.

— Кабацкая затычка... проворчала баба. Она вдругъ сѣла; обрадованный этимъ мальчуганъ также сѣлъ, поджавъ ноги подъ себя, подставивъ хйусу спину.

— Назадъ домой, машинка, пойдемъ! . въ ночлегъ *) пойдемъ!... нсь хочу... Не хочу я въ городъ: шибко далеко, холодно! .. Ему, кабацкой затычкѣ, ишшто!..

— Ты что это заладилъ, «назадъ»? Да ты и впрямь, гляди, нарочно: присталъ! Гляди, Васька, я и безъ тятьки съ тобой справлюсь!..

— Ей-Богу, машинка, присталъ!

И опять донесся дикій окрикъ,— ближе, громче. Баба встала и дернула за рукавъ мальчишку.

— Иди ты, сахарный! Изъ-за тебя только муку принимать!..

— Сколько разовъ я назадъ за вами ходить должонъ? крикнулъ подошедшій поселенецъ.

— Нсь надо, сказала баба. Васька присталъ.

— А я тебѣ гдѣ возьму? До города идтить надо! Баба сама знала, что нѣтъ ничего: сегодня утромъ только пустого чаю напились. У подгородныхъ якутовъ не выпросишь. Украсть,—и то никакъ нельзя,—дошлые, собаки, сами норовятъ всякаго обокрасть.

— Я нешто въ городъ просилась? Ты пошелъ, ты и доставай. Не дойдетъ мальченка.

— Ты, шкура, поговори еще! Иди шибче! крикнулъ мужикъ мальчику.

Всѣ двинулись.

— Ты, стерва, поговори у меня, вдругъ опять обернулся поселенецъ къ бабѣ,—я тебѣ, подлая, всю морду тутъ разобью; Иди, говорятъ!.. Свяжись только съ вами, змѣями...

— Свяжись! А почто связался? Жила-бы, горя не знала... То въ ночлегъ, то въ городъ по кабакамъ,—то въ ночлегѣ у якутовъ голодомъ сиди, то въ городѣ нищей ходи,—какъ собакѣ, покою нѣтъ...

— Тьфу! плюнулъ ей въ лицо поселенецъ и зашагалъ быстрѣе.

---

*) Ночлегъ—наслегъ, мелкая администр. единица якутскаго управленія и территорія.

Заторопилась и баба. Теперь, пожалуй, и броситъ, самъ уйдетъ.

Васька захныкалъ сзади.

— Охъ ты, проклятый! Да иди ты, пропасти на тебя нѣтъ! Мать подождала, взяла Ваську за рукавъ и потащила. Но мальчишка, видно, и на самомъ дѣлѣ усталъ. Шелъ онъ неровно, спотыкался, тяжело наваливаясь порой на мать и хватаясь за нее обѣими руками. Грудь работала сильно, а мальчишка задыхался. Глаза стали еще больше,— выпученные, сѣро-зеленые дикіе.

— Не дойти, охъ, не дойти! испугалась вдругъ баба—Егорій Матвѣичъ! Егоръ! А Егоръ! Матвѣичъ! Постой ты ради Господа!

Егоръ исчезалъ въ туманѣ. Короткій рождественскій день уже близился къ сумеркамъ. Розовый отблескъ туманныхъ валовъ вверху пропалъ.

— Охъ, чтобъ тебя!. Да стой ты, Егоръ, язви-те! Оглохъ ты, проклятый?!

Фигура поселенца дрогнула и рѣзко повернулась.

— Я-те покажу проклятаго!.. тяжелый ударъ кулака по лицу ошеломилъ бабу. Въ глазахъ пошли искры, въ вискахъ застучало, сразу разгорѣлась щека, за ней все лицо.

— Не хочетъ Васька—варнакъ идтить... Чаво дерешься... Присталъ, грить.

— Балуйся у меня тутъ, щенокъ! Поселенецъ схватилъ Ваську за шиворотъ, встряхнулъ и ударилъ. Мальчишка завизжалъ, кровью сразу окрасилось лицо. Поселенецъ повернулся и пошелъ опять впередъ.

— Чаво, язва, робенка бьешь? Язва! Холера!

— Крячи ты еще у меня! Тащи щенка своево, хоть на рукахъ тащи да иди!

— Своево! И твой, небось: сынъ тебѣ приходится!

— Мой-ли, твой-ли, шутъ тебя знаетъ. Мало ты таскалась... Иди, говорю!

— Варнакъ, нестоющій самый человѣкъ! шепчетъ баба, таща за руку Ваську, боясь отстать.

И все-же—сразу отстали. Хоть кровь-то надо утереть съ Васьки.

Но вдругъ поселенецъ видно что-то надумалъ—и сѣлъ.

Тамъ-же, гдѣ были, сѣли и мать съ Васькой, шагахъ въ десяти.

— Отдохнемъ, да потомъ уже сразу до города. Меньше половины осталось: верстъ десять. Поселенецъ сталъ набивать трубку.

Твердымъ, какъ лубъ, рукавомъ своего коровьяго якутскаго тулупа мать стирала кровь съ лица Васьки. Уже, однако, было поздно: кровь запеклась, жесткій рукавъ драль и леденилъ назябшее, опухшее лицо мальчика. Слезы только промыли полосками кровь и грязь на лицѣ, закоченѣлый кулакъ Васьки размазывалъ ихъ.

— Варнакъ!.. шепчетъ Васька.

— Варнакъ и есть! шепнула мать.

— Язва сибирная!

— Язва и есть! А ты тише услышитъ.

— Пушшай слышитъ .. Выросту,—я ему, варнаку, отсыплю. Палки не пожалѣю!... здоровой!.

— А ты тише! На отца нешто хорошо это?

— Затычка кабацкая!.. Все птичье лицо Васьки дышало ненавистью, но голосъ онъ все-же понизилъ Мать оправляла ему воротникъ, перевязала сбившуюся шапку.

— Шапка-то у тебя шибко плохая, Васька Холодно, поди, головѣ-то?

— Холодно.

— Вотъ погоди. Ужо въ городѣ гдѣ бѣлье стирать наймусь,—шапку тебѣ новую справимъ.

— Это ладно! Пыжиковую.

— Пыжиковую!

— И чтобъ съ ушами.

— Съ ушами, съ ушами, вѣстимо!

— А козырекъ опять пыжиковый.

— И козырекъ, и козырекъ!

— Съ лентами.

— И съ лентами, вѣстимо! Завязать.

— А ты не бери большую, бери маленькую, на мою голову, а то опять себѣ возьметъ.

— Ладно! маленькую!..

— Только дорого будетъ! . Мальчикъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать —Врешь, однако, не купишь... Поди рупь денегъ стоитъ.

— Да ужь какъ-ни-какъ, а справимъ!

Васька смолкъ и раздумывалъ, перебирая въ рукавицѣ закоченѣвшими пальцами.

— Дюже холодно, маннька... Руки-ноги заколѣли.

Мать съ тоской оглянулась. Туманъ густѣлъ, темнѣлъ, опускались сумерки. Слабый вѣтеръ чуть волновалъ мглистую стѣну и уже не видно было ея гребней, ея валовъ, а сверху—голубоватаго неба. Потемнѣвшее, оно слилось съ сѣрой пеленой, осѣло, и не волнистымъ покровомъ, а сплошнымъ непроглядным саваномъ туманъ легъ вокругъ. Разъ за разомъ, легкимъ шорохомъ поднимался отъ лица паръ дыханья, по всему тѣлу шла дрожь, разливалась истома.

— Охъ, не дойдемъ! застучало вдругъ сердце у бабы.

— Ну, будетъ! крикнулъ Егоръ, спряталъ трубку и всталъ. Неохотно встала баба, съ трудомъ поднялся мальчикъ. И опять Васька танцился и падалъ на мать, опять часто и прерывисто сопѣлъ и судорожно хватался за тулунъ, опять торопилась баба за Егоромъ...

Поворотъ. Кончился островъ, чуть выдавшійся надъ рѣкой Теперь перейти большой протокъ, потомъ опять островъ, потомъ и городской протокъ .. Верстъ восемь осталось. Дорога стала вдругъ много труднѣе: видно долго боролась могучая рѣка со страшнымъ морозомъ, вся она взломана, вся усѣяна громадными льдинами. За всякимъ шагомъ стало нужно смотрѣть подъ ноги. Падала баба, часто падалъ Васька и не переставая плакалъ

— Ой, мочиньки нѣтъ, маинька, ой, маинька, не могу! Васька вдругъ упалъ и сильно ударился о льдину. Не подымаясь, онъ лежалъ какъ упалъ, и ревѣлъ.

— Ставай, Васька, ставай! Бить будетъ! Ставай! Мать тащила мальчика, но онъ не вставалъ и только отчаяннѣе голосилъ. Баба растерялась

— И что-же, Господи, это будетъ! Ставай Васька!.. Егорій Матвѣичъ! Егоръ!.. Господи Боже!..

Егоръ шелъ теперь близко: совсѣмъ темно стало: опасно въ разбродъ. Онъ повернулся.

— Ты, сукинъ сынъ, съ чего легъ?! Съ бѣшенствомъ кинулся Егоръ къ мальчишкѣ, поднявъ кулакъ. Ваську сразу охватилъ неистовый ужасъ: съ дикимъ взвизгомъ онъ вскочилъ и бросился бѣжать отъ отца. Онъ побѣжалъ въ сторону отъ дороги и въ густой стѣнѣ сѣро-чернаго тумана вдругъ изчезли оба. Только летѣлъ не переставая по рѣкѣ дикій отчаянный визгъ, да слышно было, какъ звенѣли катившіяся и падавшія подъ ноги льдины.

— Убьетъ, охъ, убьетъ! оомилась мать. Егорій, Егоръ, Егорій Матвѣичъ! Господа ради! Будетъ тебѣ! Она летѣла на ревъ Васьки и, когда прибѣжала, Васька весь зарытъ былъ въ сугробъ, свалившись въ него съ высокой глыбы. Отецъ пнулъ его ногой разъ и два. Васька молчалъ. Его ужасъ росъ только до момента когда его пугналъ отецъ—теперь онъ сразу весь какъ-то замеръ.

Мать стала тащить мальчика изъ снѣгу, но ей это оказалось не по силамъ: и сама уже пристала. Егоръ молча помогъ и еще ткнулъ кулакомъ мальчишку. Васька не могъ стоять. Мать посадила его спиной къ ледяной глыбѣ, за вѣтромъ. Отряхая снѣгъ, стараясь разглядѣть лицо мальчика, она причитала надъ нимъ, потихоньку отъ мужа.

— Ххо. . ххо... лодно... мманька! шепнулъ Васька.

— Сичасъ, сичасъ, Вася, сичасъ! . безсмыслено что-то обѣщала мать,—маленечко. . вотъ сичасъ!...

— Ох .. ххо. . хо-ло-дно... Закко-лѣлъ!... мманька ..

Егоръ оглядывался. Откуда они прибѣжали? Кругомъ, колебаясь, тѣсня, охватывала сѣрая, снизу уже черная масса тумана, глухими развалинами обступали исковерканныя льдины, то вздымаясь вверхъ въ непстовомъ напряженіи, то лежа, то сгрудившись, навалясь, словно душили кого-то подъ своими тяжелыми, холодными громадами, словно замерзли въ послѣднемъ усиліи отчаянной борьбы.

— Сиди тутъ, обождн! Пропадать съ вами надо, анаѳемы!... дорогу искать буду.

И онъ утонулъ въ холодной мглѣ сѣрой стѣны. Баба замерла, боясь остаться одной, боясь возразить, въ невѣроятномъ страхѣ предъ этой живой стѣной, предъ молчаніемъ руинъ, темнотой ночи. Ей страшно было шевелиться, страшно даже повернуться, наклониться къ мальчишкѣ. Глаза только, расширившіеся, испуганные, жадно глядѣли въ темную мглу.

— Гей, Марья! раздался крикъ спереди.

— Здѣся! Тутъ, тутъ, Егоръ Матвѣичъ! радостно взвизгнула баба. Тутъ, тутъ!

Егоръ подошелъ. Онъ, оказалось, сдѣлалъ кругъ и пришелъ совсѣмъ съ противной стороны. Подошелъ и сѣлъ.

— Нѣту дороги Да и не видать ее, подлую, по торосу—все ледъ да ледъ. . Ты откуда бѣжала?

Стали вспоминать. Мальчишка бѣжалъ не прямо, ускользая изъ-подъ рукъ отца въ стороны, выбирая безсознательно мѣста болѣе свободныя отъ льдинъ.

— Чего даромъ сидѣть! Идемъ вмѣстѣ, авось нащупаемъ дорогу, или вѣху увидимъ!

Егоръ взялъ мальчика на руки. Тотъ, казалось, уже спалъ, голова запрокинулась назадъ, открылась тонкая, чуть блѣднѣвшая въ полутьмѣ шея. Мать старалась натянуть на нее мерзлый воротникъ.

Шли долго, приглядываясь, щупая ногами—не попадетъ-ли подъ нихъ мелкій искрошенный ледъ дороги, не встрѣтится-ли слѣдъ копыть, колеи.

— Господи! хоть-бы якутъ какой ѣхалъ, простонала баба.

Го-го-гой! закричалъ вдругъ Егоръ, осѣненный блеснувшей надеждой.

— Го... о . о!... глухо, далеко кто-то отозвался.

Оба дрогнули.

— Кё... мё. . лёсь! надрываясь, завылъ Егоръ.

— Э . э . э!... отвѣтили тамъ-же.

— Догор!... муннубыт!...

— О... о... о... у.. у... ы!... отдалось въ туманѣ.

Оба сразу поникли, оба стихли и стояли недвижно: эхо отвѣчало съ ближняго острова...

— И за конмъ хрѣномъ только связался я съ вами, подлыми! вдругъ взорвало Егора,—будь вы, анаѳемы, прокляты! Пропасть изъ-за васъ надо! Дохни къ черту со щенкомъ твоимъ! Пропади вы!

Швырнулъ Егоръ бабѣ мальчишку и бросился въ туманъ. Баба сѣла подъ своей тяжелой ношей и поникла. Она не чувствовала даже гнѣва, только полную безпомощность, сиротство свое, одиночество, лицомъ къ лицу съ ужаснымъ туманомъ, чернымъ, близящимся, наединѣ съ омертвѣлыми льдинами тороса, тускло глядящими на нее своими изломами, скалящими холодные зубы...

Стараясь не глядѣть вокругъ, она подтянула Ваську, уложила его голову къ себѣ на колѣни, укрыла полами своего тулупа. Ноги мальчика безпомощно протянулись по льду. Баба наклонилась низко-низко, почти уткнувшись лицомъ въ Ваську. Она ничего не думала, только пряталась отъ тумана, отъ льдинъ.

Васька лежалъ неподвижно, недвижно склонилась надъ нимъ мать.

Слабымъ безпрерывнымъ движеніемъ колебалась мгла, ближе и ближе подступала: густѣлъ туманъ, спускалась ночь, покрывая обоихъ молчаливой, морозно-пушистой пеленой Ровно и мѣрно шелестѣлъ паръ дыханья надъ головой женщины.

— Ого-го-го! чуть донесся крикъ.

Марья шевельнулась, потомъ сразу вскинулась, отвѣтила. Отвѣтилъ и голосъ, скоро она узнала его: то Егоръ звалъ.

И Егоръ пришелъ. Поглядѣлъ, отошелъ въ сторону немного и сѣлъ подъ льдиной, за вѣтромъ.

Приходъ Егора вернулъ Марьѣ сознанье. Она скинула рукавицу и перекрестилась, истово, съ поклономъ,—разъ, и другой, и третій

— Богородица Дѣво-радуйся, Казанская! прими ты наши душеньки: погибать будемъ! Осподи, Царю небесный!...

Она оглядѣла Ваську. Тотъ дышалъ тихо и спалъ Полой покрылъ полы ея тулупа, шапку и платокъ на головѣ мальчика. Она снова подтянула его выше къ себѣ на колѣни, укрыла и сѣла глубже подъ льдиной, упершись въ нее спиной, согнувшись Своихъ ногъ она уже не чувствовала: лежало что-то тяжелое, ноющее, чѣмъ она не могла двигать. Челюсти судорожно дергались, на тѣло безпрерывно сыпалось что-то колючее, мелкое и жгучее, проходя, пронизывая ее всю насквозь.

Еще разъ посмотрѣла баба на мужа. Его чуть было видно. И онъ сидѣлъ скорчившись, укрывшись какъ могъ своимъ дырявымъ арестантскимъ халатомъ, поджавъ подъ себя ноги, обутыя въ истоптанныя, рваныя валеныя калоши. Марья что-то хотѣла ему сказать, но говорить ей оказалось страшно трудно. Съ усиліемъ она открыла ротъ—и зѣвнула. Дальше ей лѣнь была пытаться заговорить, она закрыла глаза, голова опустилась. Сейчасъ-же туманъ подостлался подъ нее, зашелестѣлъ ровнымъ шумомъ въ ушахъ: сильнѣе, сильнѣе шумѣлъ онъ крѣпче насѣлъ на грудь, на плечи, закрылъ уши...

Тепло внизу, ногамъ, сверху... «Варнакъ ты... сволочь ты.. черезъ тебя себѣ свѣтъ завязала»... вспоминаетъ мать Ваську,—«лихоманка тебя не взяла, оспа тебя не задавила, проклятый... и видно, что проклятый»!...

Гуще туманъ легъ на голову, совсѣмъ ее прижалъ къ тѣлу.

— И что за туманъ такой проклятой, да тяжелый, ровно песокъ на тебя сыпетъ... огнемъ жаритъ... А я, дѣвоньки, и не сдогадаюсь: и чтобы это мнѣ со сна перехреститься, али хочъ за хрестъ взяться....

моченьки нѣтъ, рученька не подымается: *онъ* это, *онъ* безпремѣнно и есть самый... Варнакъ, загубилъ.. какъ есть загубилъ.. И что это дѣвоньки сталось со мной, что и сдѣлалось: какая я была смѣлая да веселая, здоровая да рѣчистая: день-деньской маешься·маешься,—все ничего, смѣшки да шутки, а понѣ стою, дѣвоньки, у печки, огнемъ это меня жаритъ да жаритъ,—охъ, не стерплю!.. щей горшокъ въ печку сунула, квашню на печь поставила: нѣту моей силушки,—стала передъ печкой,—плачу да плачу, рѣкой заливаюсь... то-то, дѣвоньки, вольготной пташкой жить, горя не знать..

Все ниже, ниже, и на бокъ клонится голова, за ней туловище. И Васька все дальше, дальше сдвигается на ледъ, задрались кверху полы его кацавейки, шире врозь полѣзли двѣ жердочки—ноги.

И снится бабѣ—въ подполье она отъ жары лѣзетъ. Шибко только глубоко... лѣзетъ, да лѣзетъ — конца нѣтъ. И ноги уже одубѣли, и руки не берутся, охъ, упадетъ... Тама на полу склизь, тама-ка темень, въ углу *онъ* сидитъ, глазищами оловянными водитъ, лапой придавить норовитъ. Бухнулась баба, упала, слышитъ, какъ цапаетъ *онъ* ее кругомъ,—тише, да тише, кругомъ цапаетъ, будто полюбовникъ... За голову сцапалъ.. стукнулъ.. охъ, чтобъ тебѣ... Охъ, не дойти, Васютка!

Васька откатился, какъ мать упала, перевернулся лицомъ кверху, лѣвая рука подвернулась, рукавица стянулась, синій кулачокъ въ ледъ уткнулся, тонкій длинный носъ побѣлѣлъ совсѣмъ, лицо синее стало, кровь на немъ со слезами размазана, замерзла.

Со злости Егоръ отошелъ, не захотѣлъ сѣсть около бабы, съ мальчишкой.

— Черезъ васъ, стервы, погибаю! И сколько годовъ съ вами маюсь, какъ съ каменемъ на шлѣ, будь вы неладны!.. Вцѣпилась, сука: твой да твой мальчишка, отецъ, да отецъ! Песъ, можетъ, отецъ ему, сукину сыну!... И анаѳемская баба: говорю иди, да иди—нѣтъ, проклажается, лѣзетъ какъ брюхатая барыня! Бить тебя, стерву, со щенкомъ твоимъ!

Егоръ вдругъ порывисто рванулся бить бабу.

Глянулъ въ ея сторону—она совсѣмъ изогнулась, скрючилась надъ мальчишкой. Стемнѣло, чуть видно.

Морозный хйусъ рѣзнулъ Егора по лицу, когда тотъ всталъ изъ-подъ льдины и повернулся въ сторону бабы. Онъ отворотилъ голову и крѣпко выругался. На томъ и сѣлъ: лѣнь стало идти да драться. Только теперь, какъ посидѣлъ да всталъ, да опять посидѣлъ — почуялъ Егоръ, какъ усталъ, какъ тянуло все тѣло, хотѣлось лечь да заснуть.

— Эхъ, кабы не морозъ—ловко-бы заснулъ!..

Выпить-бы, да закусить: почитай полторы сутки не ѣвши, -оттого и заслабѣлъ... А въ городѣ, въ кабакѣ-то, ловко теперь!.. народу должно! . Федоръ—кривой съ Намскаго улуса, поди, пришелъ, да Безхвостый, да Матвѣй.. почевали-бы въ почлежномъ—тоже народу—тьма!.. На то праздникъ, Рожество... Погулялъ бы!.. свяжись съ эвтими бабами!

Егоръ хотѣлъ было закурить трубку: табакъ еще былъ. Да ужь шибко лѣнь, неохота: и такъ отъ холоду весь, какъ собака, дрожмя-дрожишь, а то руки изъ рукавицъ вынуть, кисетъ вытащить, трубку набить, раскурить... будь ты неладна!.. замерзнешь...

Сидитъ Егоръ, не шевелится. Началъ было считать, сколько часовъ до свѣту: теперь, поди, пятый вечеръ, свѣтать будетъ завтра въ девятомъ... тьфу—ты! и считать-то не стоитъ...

Темнѣетъ. Туманъ черпѣе, гуще. Отъ Егора уже бабы не видно. Слышалъ, какъ шурхнула,—видно упала... туда ей и дорога... Дремлетъ и самъ Егоръ. Спать не спитъ, а такъ, словно отдыхаетъ...

— Въ Москвѣ поиѣ апельсина эта самая—даромъ!.. Вовсе задаромъ... апельсина эта... Пошто про апельсину вздумалъ?... Къ тому... а къ тому... тутошніе баре и знать-то ее не знаютъ, не видали вовсе, какая.. Тоже, баре называются... Якутье поганое . хуже некрещеного... цѣлый день ему за пятакъ спину гни... да куражится... Загубили, вовсе меня загубили. . И всю жисть-то такъ. . и что я кому издѣлалъ?.. Всякой норовитъ тебѣ накость... и никто не жалѣетъ... Наррода .. опять, къ примѣру, вывѣска, али тамъ..

Егоръ вдругъ рухнулъ прямо впередъ и глубоко врылся въ сугробъ снѣгу. Хотѣлъ встать или перевернуться —да и такъ ладно. . не трожь!.. Я-те такъ свисну! . будешь знать .. кузькину мать...

Шумѣло, свистало въ ушахъ, въ головѣ...

И вдругъ—какъ огнемъ прорѣзало Егора, какъ молніей освѣтило: погибаю! замерзаю!

— Кто? съ ревомъ вскочилъ онъ,—кто?... Я-то погибаю?.. Чтобъ я тутъ вамъ, какъ собака, заколѣлъ?!

Въ глазахъ мелькнулъ видъ трупа, посинѣлаго, закоченѣвшаго лица—*его* лица.. искрой блеснуло въ памяти: чуть не рота солдатъ на этапѣ лѣзутъ на него, прижали въ уголъ, бьютъ прикладами, тычутъ штыками, а онъ, какъ звѣрь дикій, отбивается, бьется; машетъ скованными тяжелыми руками въ наручняхъ...

Обезумѣвшіе, широко раскрытые глаза горѣли, вонзившись въ тьму ночи... Съ дикимъ воемъ бросился Егоръ въ туманъ. Ему на встрѣчу кинулись ледяныя глыбы, летѣли, катились, выскакивали со всѣхъ сторонъ, лѣзли подъ ноги, хватали, бросались на него, стучали, звенѣли, свистали..

Егоръ потерялъ шапку и не чувствовалъ холода, густые всклокоченные волосы метались, лѣзли въ глаза, путались, —стучало въ груди, въ вискахъ,-- Егоръ бѣжалъ, выл, ругался, — кругомъ поднялся страшный шумъ, грохотъ, тюканье, свистъ...

Съ саженной глыбы Егоръ рухнулъ внизъ, ударился теменемъ и потерялъ сознаніе.

Ничкомъ, какъ упалъ, лицомъ въ снѣгъ, -- такъ онъ и лежалъ. Кровью окрасился снѣгъ. Мокрые отъ поту волосы сразу заледенѣли, оковавъ голову ледяной шапкой...

Вѣтеръ стихъ. Туманъ осѣлъ, слегся и застылъ густымъ чернымъ покровомъ. Морозъ крѣпчалъ.

— Тун-тра-а-а! грохнуло по рѣкѣ, гуломъ понеслось и стономъ стихло въ туманѣ: со страшнымъ ударомъ лопнулъ на рѣкѣ саженный ледъ.

— Кра-а-кра-а! перебитымъ голосомъ каркнулъ испуганный на островѣ воронъ, закружился въ туманѣ, замѣтилъ зоркимъ, хищнымъ взглядомъ тѣла и подлетѣлъ ближе.

— Кра-а-а! каркнулъ онъ опять надъ мальчишкой.

У Васьки ротъ раскрылся—двухъ зубовъ спереди нѣтъ. Бѣлый длинный носъ, окровавленный, на окровавленномъ лицѣ, какъ-то жалко, дѣтски тянется безпомощно кверху; синій кулачекъ давитъ на ледъ. Весь онъ лежитъ растопыренный, растрепанный, какъ придушенная птица.

— Кра-а-а! каркнулъ еще воронъ,—и на островѣ ему отозвался другой ..

Тихо, мягко разлился въ туманѣ далекій звонъ колокола, мѣрно, ровно несутся радостные звуки, разрывая мракъ ночи,—льются, дрожатъ и таютъ въ туманѣ: Христосъ родился!..

Мих. С—скій.

СМѢСЬ.

Географія и Императорское Русское Географическое Общество *).

(Рѣчь, произнесенная И. И. Поповымъ въ Вост. Сиб. Отд. по случаю пятидесятилѣтія юбилея И. Р. Г. О.)

Мм. Гг ! Сегодня мы собрались, чтобы вспомнить достопамятный день основанія въ Россіи географическаго общества. 50 лѣтъ протекло съ того времени; 50 лѣтъ работало почтенное общество на пользу землевѣдѣнія и нашего отечества. Полувѣковой періодъ въ жизни ученаго учрежденія вполнѣ достаточенъ для того, чтобы подвести итоги, оцѣнить заслуги его и на основаніи результатовъ пятидесятилѣтней работы предсказать будущую судьбу общества. Изъ краткихъ обзоровъ, которые комитетъ сегодня предложитъ вашему вниманію, вы убѣдитесь, что русское географ., общ. имѣетъ міровое значеніе и занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ среди ученыхъ обществъ не только въ Россіи, но и заграницей. Но прежде, чѣмъ перейти къ обзорамъ дѣятельности нашего географ. общ., будетъ умѣстно вспомнить обстоятельства, вызвавшія необходимость возникновенія подобныхъ учрежденій и припомнить главные моменты въ жизни Имп. рус. географ. общ.

Географическія общества, какъ учрежденія, занимающіяся сравнительной географіей, стремящіяся приложить къ изученію ея научный методъ, опредѣлить положеніе этой науки въ ряду другихъ отраслей человѣческаго знанія, указать ея значеніе, какъ науки не только описательной, но и изъяснительной, такъ сказать философской—такія учрежденія могли возникнуть только въ XIX ст., когда географія была поставлена на высоту науки, имѣющей свои законы и подчиняющейся извѣстному методу.

Географія была извѣстна глубокой древности: зачатки ея мы находимъ у вавилонянъ, египтянъ и іоническихъ грековъ. Греки, даже Птоломей, опредѣляли географію, какъ и искусство изображать землю, т. е. составлять карты. Но уже во времена Гомера греки старались опредѣлить форму земли и представляли ее кругомъ. Геродотъ смѣется надъ представленіемъ своихъ современниковъ, а Пиѳагоръ и его школа уже говорятъ о шарообразности земли. Эра-

*) Источники: отчеты Русскаго географическаго общества; обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности; «Географич. Ежегодники»; сочин. Пешеля, Петри, Риттеръ, Гумбольдтъ, сл. Брокгауза и др.

тосфенъ старается опредѣлить величину земного шара и распредѣлить на немъ обитаемую землю. Эратосфенъ, Аристотель и Пиѳагоръ положили начало математической географіи и метеорологіи. Въ лицѣ-же Полибія, Страбона, Птоломея, Сенеки и др. географовъ классической эпохи мы находимъ попытки классифицировать наблюденія и вывести общіе законы, т. е. видимъ зачатки общаго землевѣдѣнія и физической географіи.

Средніе вѣка, составляющіе въ исторіи наукъ періодъ упадка, господства схоластики и подавленія критической мысли мертвой догмой, представляютъ, особенно въ первой своей половинѣ, эпоху регресса и по отношенію къ землевѣдѣнію. Географическія возрѣнія складываются подъ вліяніемъ библіи и отчасти по отрывкамъ, сохранившимся отъ классическихъ временъ. Самое слово географія почти исчезаетъ и замѣняется терминомъ геометрія; шарообразность земли признается еретическимъ и противнымъ ученію церкви воззрѣніемъ. По ученію схоластиковъ земля представлялась ящикомъ на подобіе ветхозавѣтной скиніи, въ серединѣ котораго лежала обитаемая земля, отдѣленная морями отъ земного рая. Только нѣкоторые отцы церкви да мыслители допускали аристотелевское представленіе о шарообразности земли. Рядъ безмысленныхъ воззрѣній существовалъ въ средніе вѣка и въ области физической географіи, старавшейся землетрясенія объяснить подземными вѣтрами, вулканическія изверженія самовозгараніемъ сѣры и т. п. Однимъ словомъ средніе вѣка не сдѣлали замѣтнаго шага впередъ ни въ области математической, ни въ области физической географіи. Расширеніе свѣдѣній о земной поверхности, однако, продолжалось и въ средніе вѣка. Но многія изъ этихъ свѣдѣній, не получая распространенія, скоро забылись и только путешествія знаменитыхъ итальянцевъ— Плано-Карпини, Рубруквиса и особенно Марко-Поло оказались плодотворными и сохранившимися; открытія датчанъ въ Сѣв. Ледовитомъ океанѣ и Америкѣ совсѣмъ утратились, и Колумбу пришлось вновь открывать Америку, а англичанамъ Бѣлое море.

Могущественный толчекъ къ развитію географіи какъ описательной, такъ физической и математической даютъ конецъ XV и начало XVI вв. Эта эпоха гуманитарнаго движенія и великихъ географическихъ открытій была также и эпохой возрожденія научной географіи. Проложеніе морского пути въ Индію, открытіе Америки, объѣздъ Африки вызвали существенное расширеніе пространственныхъ свѣдѣній о земной поверхности. Интересъ къ землевѣдѣнію сталъ проявляться и ранѣе въ связи съ возрожденіемъ наукъ вообще и выразился прежде всего въ возрожденіи астрономіи; но теперь, послѣ великихъ открытій, изслѣдованія въ области географіи принимаютъ иную форму: частная инціатива постепенно уступаетъ мѣсто инціативѣ обществъ и обработка матеріаловъ стаетъ коллективной.

Первая попытка образовать нѣчто подобное географическому обществу принадлежитъ торговой Венеціи, интересы которой были тѣсно связаны съ географич. изслѣдованіями. Здѣсь въ 1688 г. образовалось космографическое общество, переименованное впослѣдствіе въ общество воздухоплавателей. Почти черезъ 50 л. послѣ венеціанскаго географическое общество открывается въ Нюренбергѣ; впрочемъ, оно преслѣдовало исключительно коммерческія цѣли. Въ первой половинѣ 18 ст. въ Голландіи и отчасти въ Германіи возникаетъ цѣлый рядъ обществъ, со спеціальной цѣлью изслѣдовать Африку. Въ 1775 г. во Франціи проектируется общество уже съ болѣе широкими задачами, чѣмъ задачи ранѣе основанныхъ обществъ, т. е. не только изслѣдовать неизвѣстныя страны, но и обобщать и выводить законы на основаніи собранныхъ матеріаловъ. Попытка основать Парижское общество на этотъ разъ не удалась: осложненія внутри королевства, а потомъ нахлынувшая волна великой революціи и наполеоновскихъ войнъ отодвинула научные интересы на второй планъ и мы вплоть до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія не встрѣчаемъ не одного примѣра основанія географич. общества.

Между тѣмъ къ 19 ст., вслѣдствіе цѣлаго ряда блестящихъ путешествій почти во всѣ части свѣта, смѣлыхъ мореплаваній накопленіе географическихъ знаній идетъ замѣчательно быстро. Въ то-же время открытіе многихъ инструментовъ, примѣненіе ихъ и точнаго метода къ географіи даютъ толчекъ къ цѣлому ряду замѣчательныхъ открытій: къ этому времени относится опредѣленіе съ математической точностью широты и долготы мѣста, доказательство сфероидальной формы земли, опредѣленіе величины градуса, важные шаги въ области картографіи, астрономическія открытія въ связи съ астрономическимъ опредѣленіемъ мѣста, примѣненіе системы горизонталей къ изображенію рельефа суши, барометрическое опредѣленіе высоты мѣста, климатическіе поясы, изслѣдованіе атмосферныхъ явленій и пр. и проч.,—все это въ связи съ громаднымъ накопленіемъ пространственныхъ знаній, съ данными геологіи, свѣдѣніями и впечатлѣніями, полученными отъ наблюденія надъ жизнью дикарей, съ выясненіемъ вопроса о массѣ еще неизслѣдованныхъ земель и цѣлыхъ материковъ—показало всю сложность географической науки, нуждающейся для своей разработки въ содѣйствіи различныхъ спеціальностей. Къ началу истекающаго столѣтія географія уже не представляла изъ себя строго замкнутой науки, а явилась комплексомъ изъ цѣлаго ряда наукъ, способныхъ разрабатываться каждая сама по себѣ и въ цѣломъ непосильная для одного человѣка.

Послѣднее обстоятельство особенно рельефно высказалось въ трудахъ отцовъ современной географіи Алекс. Гумбольдта и Карла Риттера. Оба они старались сдѣлать сводку скопившихся къ этому времени географическихъ матеріаловъ, обобщить ихъ и вывести законы. Первый обращалъ больше вниманія на физическую географію, а Риттеръ, не игнорируя ея, стремился подвергнуть обстоя-

тельной критикѣ накопившіяся свѣдѣнія о разныхъ странахъ. Онъ обработалъ ихъ при помощи строго научнаго метода, старался точнѣе опредѣлить задачи географіи и ея мѣсто въ ряду другихъ отраслей человѣческаго знанія. Результатомъ работъ Гумбольдта явился Космосъ, а Риттера его знаменитое многотомное «Erdkunde»—землевѣдѣніе, обнимающее только Азію и оставшееся неоконченнымъ. Въ настоящее время общество, юбилей котораго мы празднуемъ, продолжаетъ работу великаго географа, выпуская прибавленія къ его Азіи. Вліяніе Гумбольдта на общество, особенно его 60-ти лекцій, прочитанныхъ въ 1827—28 г. въ Берлинѣ, изъ которыхъ впослѣдствіе и получился «Космосъ», было грамадное. Но еще большое значеніе имѣлъ Риттеръ: его воззрѣнія вызвали съ одной стороны усиленную полемику, съ другой восторженныхъ поклонниковъ и послѣдователей, не только въ Берлинѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ, но и во всей Германіи и далеко за предѣлами ея. Вліяніе Риттера, между прочимъ, выразилось въ основаніи географическихъ обществъ, въ томъ числѣ и петербургскаго, а также въ основаніи московскаго кружка Фролова, издававшаго въ свое время географич. журналъ—«Магазинъ Землевѣдѣнія».

Благодаря Гумбольдту и Риттеру географія была поставлена на строго научную почву, задачи ея были намѣчены настолько широко, что она вмѣстѣ съ вспомогательными науками составила обширную область человѣческ. знанія; въ составъ ея вошли не только науки географическія, но и физико-математическія и естественно-историческія; географія должна обхватывать исторію человѣка, человѣческаго общества, доисторическую археологію, обычное право, народное творчество и проч. и проч. Однимъ словомъ получился обширный комплексъ наукъ, могущій эволюціонировать только при совокупной работѣ массы лицъ и даже націй. Такая широкая постановка дѣла сама-собой вызывала необходимость организаціи спеціальныхъ обществъ для разработки географіи.

Первое географическое общество открывается въ 1821 г. въ Парижѣ, когда имена Аристотеля XIX в. и знаменитаго географа, хотя и были извѣстны, но ихъ работы по географіи еще не появлялись. Всѣ-же остальныя географическія общества открывались или подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого Риттера и его друга Гумбольдта, или подъ моральнымъ воздѣйствіемъ ихъ идей. Въ 1828 г., въ разгарѣ работъ Риттера и Гумбольдта, въ разгарѣ географической полемики открывается географическое общество въ Берлинѣ, черезъ два года въ Лондонѣ, въ 1831 г. возникаетъ первое географическое общество въ Азіи—Бомбеѣ, въ 1838 и 39 г. въ Америкѣ—въ Бразиліи и въ Мексикѣ; въ 1845 г. въ Петербургѣ и Дармштадтѣ. Ко дню 25-ти-лѣтія русскаго географическаго общества ихъ уже насчитывалось до 25, а къ сегодняшнему дню полувѣковаго юбилея географическихъ обществъ на земномъ шарѣ считается свыше 120 съ 60 тыс. членовъ. Каждое государство имѣетъ по одному и болѣе такихъ обществъ, а первоклассныя державы отъ 10 до 25 обществъ каждая. Но изъ всего много

численнаго ряда географическихъ обществъ по ихъ значенію мы должны выдѣлить общества—Лондонское, Русское, Парижское и Берлинское, причемъ Императорское русское географическое общество, какъ по своей продуктивной дѣятельности, такъ и бюджету уступаетъ мѣсто только одному Лондонскому и стоитъ значительно выше двухъ послѣднихъ. Такое высокое мѣсто, занятое Русскимъ географическимъ обществомъ, принадлежитъ ему по праву, благодаря его цѣлесообразной, упорной и крайне продуктивной работѣ въ теченіе полувѣка. Значеніе, завоеванное Русскимъ географическимъ обществомъ тѣмъ знаменательнѣе, что оно началось при сравнительно небольшомъ бюджетѣ и при ограниченномъ числѣ членовъ.

Отсутствіе географ. общ. ощущалось въ Россіи еще въ самомъ началѣ тек. ст. 20-е и 30-е годы дали богатый географ. матеріалъ, благодаря экспедиціямъ Литке и Врангеля на Сѣв.-Вост. Сибири и Америку, пребыванію Рикорда на Камчаткѣ, кругосвѣтнымъ путешествіямъ русскихъ моряковъ, статистическимъ и этнографическимъ данныхъ Арсеньева, съемкамъ Берга, работамъ академика Бэра, геолога Гельмерсена, этнографа Даля и др. Адмиралы Литке и Врангель и академикъ Бэръ, какъ наиболѣе видные дѣятели той географической эпохи, явились и иниціаторами географ. общ. Но осуществленіе идеи общества относится уже къ 40-мъ годамъ, когда академикъ Миддендорфъ возвратился изъ своего знаменитаго путешествія на Таймырскій пол., въ Якутскую область и Пріамурскій края, откуда онъ вывезъ богатый матеріалъ. На обѣдѣ, данномъ въ честь путешественника, рѣшено было приступить къ выработкѣ устава географ. общ. Вслѣдъ затѣмъ въ кабинетѣ Великаго Князя Константина Николаевича и на квартирѣ Литке происходилъ рядъ совѣщаній, въ которыхъ принимали участіе: Литке, Врангель, Бэръ, Струве, Гельмерсенъ, Рикордъ, Бергъ, Арсеньевъ, Вронченко, Кеппенъ, Даль, Левшинъ, Муравьевъ, Одоевскій, Перовскій и Чихачевъ. Эти 17 челов. и были учредителями Русск. Географ. Общ. Въ началѣ мая 1845 г. выработка устава была закончена и уставъ былъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ для доклада Государю. Адмиралъ Литке при этомъ представилъ и докладную записку. «Общество учреждается,—говорилъ онъ въ этой запискѣ,—«для собиранія и распространенія, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами оной, возможно полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ: 1) въ отношеніи географическомъ, разумѣя подъ этимъ все, что принадлежитъ до землеописанія, мѣстности, физическихъ свойствъ природы и проч.; въ отношеніи статистическомъ, понимая подъ этимъ словомъ не одинъ только подборъ бездушныхъ чиселъ, не одну количественную статистику, но и описательную или качественную, т. е. всѣ соизмѣримыя стихіи общественной жизни, и 3) въ отношеніи этнографическомъ, т. е. познаніе разныхъ племенъ, обитающихъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ государства со стороны физической, нравственной, общественной и языковѣдѣнія какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прежнемъ состояніи народовъ».

6-го августа 1845 г. временный уставъ общества былъ утвержденъ; изъ государств. казнач. ему была пожалована ежегодная субсидія въ 10 т. руб.; предсѣдателемъ общества съ Высочайшаго соизволенія былъ назначенъ Велик. Князь Константинъ Николаевичъ. 19-го сентября того-же года происходило первое засѣданіе русск. географич. общества, на которомъ товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ адмиралъ Литке, первымъ почетнымъ членомъ гр. Перовскій и кромѣ того было избрано 53 лица въ дѣйствит. член. Второе засѣданіе общества состоялось 7 октября въ большой конференцъ-залѣ академіи наукъ. На этомъ собраніи были назначены управляющіе отдѣленій: по общей географіи бар. Врангель, по географіи Россіи Струве, по этнографіи Бэръ и по статистикѣ Кеппенъ. Послѣдній временно исполнялъ и обязанности секретаря, пока на эту должность не избрали Алекс. Вас. Головина.

29 ноября 1846 г. состоялось первое годичное засѣданіе членовъ общества, на которомъ предсѣдательствующій Литке заявилъ объ учрежденіи Августѣйшимъ Предсѣдателемъ ежегодной географической преміи, получившей наименованіе «Константиновской». Премія должна была выдаваться за лучшіе ученые труды по географіи. Великій Князь Константинъ Николаевичъ до самой смерти своей въ 1892 принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества; общество обязано ему многими обширными предпріятіями и экспедиціями. Съ 1892 г. предсѣдателемъ общества состоитъ Его Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ. Въ годъ смерти перваго своего предсѣдателя общество лишилось и послѣдняго изъ своихъ 17 членовъ учредителей—Платона Александровича Чихачева. Благодаря покойному Предсѣдателю и 17 членамъ учредителямъ географія въ Россіи была выведена на широкій путь; благодаря ихъ иниціативѣ, неизвѣстные уголки и цѣлыя пространства нашей обширной родины и азіатскаго материка могли сдѣлаться извѣстными цивилизованному міру, непонятное—стало понятнымъ, необъяснимое объяснимымъ. Ихъ иниціатива создала общество, заслугами котораго можетъ гордиться Россія и наука, а потому вспомнимъ слова поэта:

«Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ»,
Но съ благодарностію—были»...

28 декабря 1849 г. Русское Географическое Общество было наименовано Императорскимъ; въ этомъ-же году оно получило уставъ, управленіе и дѣленіе на отдѣленія: физической географіи, математической географіи, этнографіи и статистики. Къ 1-му отдѣленію физической географіи отнесено все, что принадлежитъ къ знанію природы въ мѣстномъ разнообразіи ея свойствъ и явленій, т. е. геогнозія, геологія, географія всѣхъ частей естественной исторіи, климатологія, метеорологія, топографія, орографія, гидрографія и т. п. науки. Къ отдѣл. математ. географіи отошли вся метрическая сторона науки, геодезія и астрономія. Къ отдѣленію этнографіи подлежитъ человѣкъ во всѣмъ богат-

ствѣ своего земного разнообразія, а также историческая географія, археологія и исторія культуры, права, обычаевъ, народное творчество и проч. Отдѣленіе статистики должно было вѣдать факты развитія и успѣха общественности, а также явленія, вытекающія изъ взаимодѣйствія человѣка на природу и природы на человѣка. Каждое отдѣленіе получило право на печатанье своихъ трудовъ въ спеціальномъ органѣ.

Строительство географическаго общества закончилось, по-крайней мѣрѣ въ принципѣ, къ 1850 г. Въ виду того, что вся Россія того времени являлась новымъ міромъ, едва початымъ научными изысканіями, географ. общество поставило своей цѣлью—изученіе необъятнаго пространства нашей родины, а также сопредѣльныхъ съ нею странъ Азіи. Такимъ образомъ географич. общество явилось продолжателемъ тѣхъ русскихъ, которые еще въ XVI в. начали свои изслѣдованія по направленію на Востокъ. Само-собой разумѣется, что огромный районъ, намѣченный обществомъ для изученія, могъ быть обстоятельно объизслѣдованъ только при томъ условіи, если общество воспользуется научными силами, находящимися въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Географич. общество такъ и сдѣлало: оно рѣшилось развить научную дѣятельность въ провинціи, чѣмъ внесло оживляющую струю въ захолустную жизнь окраинъ, въ томъ числѣ и Сибири, и не мало содѣйствовало возбужденію интереса не только къ научнымъ, но и къ общественнымъ дѣламъ. Для привлеченія мѣстныхъ силъ къ научной работѣ общество открыло вспомогательные отдѣлы: въ 1850 году Кавказскій, въ 1851 Сибирскій, затѣмъ Сѣверо-Западный въ Вильно, въ 1868 г. Оренбургскій, въ 1873 г. Юго-Западный въ Кіевѣ, въ 1877 г. Западно-Сибирскій въ Омскѣ и въ 1894 г. Пріамурскій отдѣлъ съ читинскимъ и кяхтинскимъ филіальными отдѣленіями. Всѣ отдѣлы, за исключеніемъ Сѣверо и Юго-Западныхъ, существуютъ и понынѣ. Кавказскому, Сибирскому и Пріамурскому отдѣламъ были пожалованы изъ государств. казначейства ежегодныя субсидіи по 2 т. руб. каждому.

Дѣятельность географич. общества и его отдѣловъ была встрѣчена съ замѣчательнымъ сочувствіемъ, какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Ходатайства общества постоянно удовлетворялись высшей властью, его научныя предпріятія всегда встрѣчали матеріальную поддержку со стороны правительства, на экспедиціи ассигновались спеціальныя суммы, нерѣдко въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Въ день 25-ти-лѣтняго юбилея географ. общ. Императоръ Александръ II принялъ званіе Покровителя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По смерти Отца своего Императоръ Александръ III объявилъ, что и Онъ принимаетъ званіе Покровителя общества. По примѣру своихъ Дѣда и Отца нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II издалъ на имя общества Высочайшій рескриптъ, въ которомъ объявилъ, что и Онъ принимаетъ званіе Покровителя. Не меньшее, чѣмъ въ правительственныхъ

сферахъ, сочувствіе къ обществу проявилось и въ общественной средѣ: его дѣятельность вызвала значительныя денежныя пожертвованія со стороны частныхъ лицъ. Перечисленіе всѣхъ этихъ пожертвованій заняло-бы долгое время и я укажу только на пожертвованія Плат. Вас. Голубкова въ 52 т. руб., данныя на изданіе Риттеровой Азіи и на экспедицію въ Сибирь, пожертвованія Гуттенъ-Чапскаго въ 20 т. руб. на экспедицію въ В. Сиб., 18 т. отъ В. П. Сукачева на Потанинскую экспедицію въ Восточн. окраину Тибета, 12 т. отъ П. М. Сибирякова на изслѣдованіе Якутской области, 10 т отъ А. М. Сибирякова на изслѣдованіе Ангары и на экспедицію для поисковъ Норденшильда.

Благодаря содѣйствію правительства и частныхъ лицъ географич. общ. къ своему пятидесятилѣтнему юбилею имѣетъ солидный капиталъ свыше 140 т. руб., богатѣйшую до 150 т. томовъ библіотеку, спеціальные капиталы и медали для выдачи за научные труды по географіи и за экспедиціи. Къ сожалѣнію въ то время, какъ нашъ отдѣлъ, благодаря мѣстнымъ меценатамъ, имѣетъ собственный домъ, Императорское Русское Географич. Общество должно ютиться въ крайне тѣсномъ для него помѣщеніи, съ крохотнымъ заломъ при 6-й гимназіи; благодаря тѣснотѣ помѣщенія общество принуждено было пожертвовать свои богатыя этнографическія коллекціи въ музей академіи наукъ.

Переходя теперь къ научной сторонѣ жизни географическаго общества, я не буду касаться вопроса, что оно сдѣлало въ области географіи вообще и этнографіи съ статистикой въ частности. По этимъ отдѣламъ обзоры дадутъ наши сочлены гг. Обручевъ, Прейнъ, Вознесенскій и Дубенскій. Но нашъ обзоръ будетъ не полонъ если мы не остановимся, хотя въ краткихъ словахъ, на экспедиціяхъ въ Европѣ и Европ. Россіи, на издательской дѣятельности общества, на его участіи въ международныхъ конгрессахъ и на выставкахъ, на проектѣ учрежденія высшаго географическаго института и др. не менѣе важныхъ дѣлахъ.

Кромѣ экспедицій въ Азіи и экспедиціи въ Европейской Россіи съ этнографической и статистической цѣлями, о которыхъ доложатъ почтенному собранію слѣдующіе ораторы, географ. общество снаряжало нѣсколько экспедицій какъ въ Европу, такъ и въ другія страны. Изъ этихъ экспедицій снаряженныхъ не въ Азію и не съ этнографическими или статистическими цѣлями, необходимо отмѣтить путешествія Миклухи Маклая. Въ 1870 г. географ. общество отправило его на острова Тихаго океана; Миклуха высадился на Новой Гвинеѣ и провелъ 15 мѣс. среди папуасовъ. Результатомъ первой его экспедиціи былъ богатѣйшій матеріалъ и данныя, касающіяся зоотоміи, этнографіи и географіи. Въ 1874 г. Миклуха предпринялъ путешествіе во внутрь Малайскаго полуострова, провелъ тамъ $1^1/_2$ года и открылъ темнокожее меланезейское племя. Послѣ этихъ двухъ экспедицій Миклуха еще три раза посѣщалъ Полинезію и вы-

везъ оттуда богатый и любопытный матеріалъ, послужившій для устройства въ Петербургѣ этнографической выставкѣ, надѣлавшей въ свое время не мало шума.

Въ 90 и 91 г.г. географическое общество снарядило подъ руководствомъ Шпиндлера экспедиціи въ Черное море. Эти экспедиціи дали важные результаты: въ котловинѣ Чернаго моря было констатировано зараженіе воды сѣроводородомъ, благодаря чему на глубинѣ 100 саж. не было найдено никакихъ признаковъ жизни. Между тѣмъ рядъ иностранныхъ экспедицій констатировалъ, что воды Средиземнаго моря на всѣхъ глубинахъ не лишены жизни. Оставалось неизвѣстнымъ Мраморное море. Для пополненія этого пробѣла географич. общество снаряжаетъ въ 1894 г. экспедицію и туда. Экспедиція не нашла въ глубинахъ Мраморного моря зараженія сѣроводородомъ, присутствіе котораго въ Черномъ морѣ обуславливаетъ безжизненность пучинъ его. Объизслѣдованіемъ глубины Мраморнаго моря было установлено, что глубина его всюду больше, чѣмъ это показано на картахъ. Экспедиція попутно изслѣдовала воды Средиземнаго и Чернаго морей и открыла весьма любопытное явленіе: благодаря разницы въ соленности водъ Чернаго и Средиземнаго морей въ Мраморномъ морѣ и проливахъ Дарданельскомъ и Галлиполи существуетъ два теченія: на глубинахъ болѣе насыщенная соленымъ растворомъ вода течетъ въ Черное море, а на поверхности болѣе опрѣсненная вода идетъ въ обратномъ направленіи. Сквозное теченіе водъ черезъ Мраморное море, способствуя усиленной вертикальной циркуляціи воды, доставляетъ необходимый для жизни кислородъ на самыя большія глубины его, чего мы не замѣчаемъ въ Черномъ морѣ. Не менѣе важные результаты были добыты черноморскими экспедиціями и по другимъ отраслямъ науки, а также были подробно и точно опредѣлены глубина морей и ихъ физико - химическія свойства. Кромѣ этихъ большихъ экспедицій географ. общество снарядило рядъ экспедицій въ разныя мѣста земного шара, напр. экспедиціи д-ра Елисѣева, оказывала содѣйствіе и поддержку извѣстному путешественнику Юнкеру и др. Въ 1889 г. обществомъ были закончены изслѣдованія для опредѣленія рельефа поверхности Европ. Россіи; изслѣдованія (опредѣленіе абсолютной высоты мѣста надъ уровнемъ океана) были произведены въ 52 тысяч. пунктовъ и дали самый неожиданный результатъ, радикально измѣнившій воззрѣнія на строеніе поверхности Европ. Россіи. Когда въ 1889 г. членомъ общества Тилло была составлена гипсометрическая карта, то оказалось, что вмѣсто Урало-Балтійской и Урало-Карпатской возвышенностей, вытянутыхъ яко-бы по параллели, на самомъ дѣлѣ существуетъ возвышенность, вытянутая въ меридіональномъ направленіи, и названная Тилло Средне-Русской возвышенностью. Изъ числа предпріятій общества въ физической географіи мы отмѣтимъ изслѣдованія распредѣленія по земной поверхности силы тяжести. Эти наблюденія производились обществомъ на всемъ протяженіи нашего обширнаго отечества и послужили связующимъ звеномъ между наблюденіями надъ силой тяжести, произвоимыми въ Америкѣ и Западной Европы; значеніе этихъ наблюденій для опредѣленія

фигуры земли громадное. Въ 1890 г. общество издало карту атмосфернаго давленія, составленную на основаніи многолѣтнихъ наблюденій надъ распредѣленіемъ атмосфернаго давленія. Съ 1894 г. общество приступило къ изслѣдованіямъ высшихъ слоевъ атмосферы, путемъ устройства одновременныхъ подъемій на воздушномъ шарѣ. Полетовъ было сдѣлано три, причемъ одинъ изъ нихъ былъ совершенъ въ ночь на 23-е іюля—это былъ первый ночной полетъ въ Россіи.

Всѣ свои научныя работы, наблюденія и замѣтки общество печатаетъ въ Извѣстіяхъ Императ. русск. географ. общ., выходящихъ 6 разъ въ годъ, или въ Запискахъ по общей географіи, этнографіи и статистики. Въ своихъ ежегодникахъ оно подводитъ итоги всѣхъ работъ по географіи за годъ. Кромѣ того оно издаетъ «Метеорологическій Вѣстникъ», этнографическій журналъ—«Живая Старина». Отдѣлы общества также имѣютъ свои періодическія изданія, въ которыхъ печатаются работы, касающіяся ихъ мѣстности. Труды общества по исторической географіи выразились изданіемъ «Писцовыхъ Книгъ» и въ разработкѣ вопроса о «Книгѣ Большого Чертежа» и др. древнихъ источниковъ русской географіи. За свою пятидесятилѣтнюю дѣятельность общество издало громадное количество очень важныхъ сочиненій, не вошедшихъ въ періодическія изданія его, какъ напр., Азію Риттера и прибавленія къ ней, «Метеорологическій Сборникъ», библіографич. указатель сочиненій по географіи, этнографіи и статистики, составленный Межовымъ, труды путешествій Пржевальскаго, Потанина, Маака и мн. др. Подъ редакціей нынѣшняго вице-президента общества П. П. Семенова оно издало капитальный и въ своемъ родѣ единственный трудъ «Географо-Статистическій Словарь Русской Имперіи». Общество ежегодно издаетъ карты, какъ всей Россіи, такъ и отдѣльныхъ ея частей. Въ ряду издателей сочиненій по географіи русскому географич. обществу принадлежитъ выдающееся мѣсто.

Географическое общество принимало участіе во всѣхъ шести международныхъ географическихъ конгресахъ: въ 1871 г. въ Антверпенѣ, въ 1875 и въ 89 гг. въ Парижѣ, въ 1881 въ Венеціи, въ Берлѣ 1891 и въ 1895 г. въ Лондонѣ. На второмъ и третьемъ конгрессахъ русскій отдѣлъ выставки былъ организованъ нашимъ географ общ. Въ 1892 г. Общество принимало дѣятельное участіе въ организаціи московскаго международнаго конгресса по антропологіи и въ устройствѣ при немъ выставки. Въ томъ-же году для выставки въ Чикаго общество составило замѣчательно интересную карту, на которой были изображены пути всѣхъ русскихъ экспедицій и путешественниковъ. Въ 1894-же году общество отправило своихъ делегатовъ въ Геную на итальянскій географич. конгрессъ, устроенный въ память Колумба. На конгрессѣ во время чествованія великаго генуэзца П. П. Семеновъ сдѣлалъ докладъ о значеніи Россіи въ колонизаціонномъ движеніи европейскихъ народовъ. Чествуя память ино-

страна и отдавая должное каждому безъ различія національности и вѣроисповѣданія, русское географич. общество всегда стремилось сохранить память лицъ, потрудившихся въ области географіи и основывало въ честь ихъ медали и субсидіи. Въ 1892 г. по иниціативѣ географич. общ. и по подпискѣ, открытой имъ, былъ поставленъ памятникъ нашему знаменитому изслѣдователю Азіи Н. М. Пржевальскому.

Сложность географич. науки, нуждающейся въ содѣйствіи различныхъ спеціальностей—астрономіи, физики, геологіи статистики этнографіи, естественной исторіи и т. п. вызвало проекты объ основаніи географическихъ институтовъ для высшаго преподаванія географіи во всемъ ея объемѣ. Проекты эти появились во Франціи, Италіи и у насъ въ Россіи. Императорское русское географическое общество создало два проекта—одинъ института, а другой спеціальнаго географическаго отдѣленія при университетѣ Не входя въ разборъ грандіознаго плана общества объ основаніи географич. института, нельзя не согласиться съ нимъ, что въ цѣляхъ болѣе раціональнаго высшаго преподаванія географіи, она должна быть представлена по меньшей мѣрѣ двумя каѳедрами: геофизики, требующей спеціальной физической и математической подготовки и географіи, т. е. общее землевѣдѣніе и частная географія отдѣльныхъ странъ. Объ каѳедры должны быть обставлены геофизической обсерваторіей, музеемъ, кабинетомъ и другими пособіями для кабинетнаго изученія и экскурсій. Проектъ общества еще не осуществился, но оно отчасти достигло цѣли: подъ непосредственнымъ его вліяніемъ были открыты каѳедры географіи при петербургскомъ и московскомъ университетахъ.

Продуктивность дѣятельности географическаго общества и его выдающіяся заслуги не разъ были отмѣчены, какъ учеными обществами у насъ и заграницей, такъ и прессою, но я считаю необходимымъ подчеркнуть одну симпатичную и характерную особенность этой дѣятельности. Русское географич. общество всегда избирало для своей дѣятельности такіе предметы, важность изученія которыхъ сознавалась въ данный моментъ, но для занятія которыми еще не создалось отдѣльныхъ органовъ. Въ этомъ отношеніи оно существенно отличается отъ своихъ западно-европейскихъ коллегъ. Лондонское, Парижское и Берлинское общества служатъ центрами, куда стекаются географическія данныя, которыя обсуждаются на собраніяхъ и потомъ печатаются. Иниціатива-же экспедицій, изслѣдованій заграницей всегда принадлежала отдѣльнымъ членамъ или постороннимъ учрежденіямъ. Русское географ. общество всегда отличалось широтою иниціативы, всегда шло впереди общественнаго движенія и для своего изслѣдованія выбирало вопросы, имѣющіе общегосударственное и народное значеніе. При этомъ наше общество на изслѣдованія по большей части затрачивало скромныя средства: тамъ, гдѣ Лондонъ, Парижъ тратили десятки тысячъ, русское географ. общ. расходовало 3—4 т. руб. Причины такого явленія кроятся

въ томъ, что географич. общество всегда встрѣчало людей безкорыстныхъ, любящихъ науку, желающихъ работать на общую пользу, не смотря на всѣ лишенія, неудобства и трудности, сопряженные обыкновенно съ экспедиціями. Конечно, было-бы желательно, чтобы всѣ эти трудности не имѣли-бы мѣста, чтобы русскіе путешественники обставляли-бы свои экспедиціи такъ-же, какъ это дѣлаютъ иностранцы. Не смотря на скромныя затраты, вся центральная Азія, весь Сѣверъ и Востокъ ея, вся Россія, Кавказъ и Средняя Азія изслѣдованы русскими учеными подъ руководствомъ или при содѣйствіи общества, юбилей котораго мы празднуемъ. Въ этихъ странахъ у него нѣтъ конкуррентовъ и это признаетъ наука всего міра.

Сегодня чествуется пятидесятилѣтній работникъ, со славой потрудившійся на ученомъ поприщѣ. Со всѣхъ концовъ міра, изъ всѣхъ частей свѣта шлютъ привѣтствія Импера т. русскому географ. общ. Делегаты всѣхъ національностей явились въ Петербургъ, чтобы подать другъ другу руку братства, чтобы заявить, что между ними существуетъ одно соперничество—соперничество творить добро, что ихъ отчизна—отчизна вѣчной истины, вѣчной красоты, которая въ то-же время есть и отчизна мира. Да, господа, сегодня праздникъ мира. Сегодня въ лицѣ науки торжествуетъ братство народовъ, не смотря на покрытый тучами политическій горизонтъ. Пожелаемъ-же отъ всей души сегодняшнему юбиляру и всякому другому учрежденію и лицу, работающему на благо человѣчества, на пользу истины и науки долгоденствія, и пусть подъ знаменемъ науки союзъ между людьми, между цѣлыми націями крѣпнетъ и ростетъ, да падетъ вражда между народами и воцарится вѣчный миръ!!

Краткій очеркъ 50-лѣтней дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по изслѣдованію Азіи [1]).

(Рѣчь, произнесенная на томъ-же юбилеѣ).

Императорское русское географическое общество, избравшее своей цѣлью собирать, обрабатывать и распространять въ Россіи географическія свѣдѣнія, какъ вообще, такъ и о самой Россіи въ особенности, естественно должно было обратить значительную долю своего вниманія на изслѣдованіе азіатской части Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ. Уже при открытіи Общества въ рѣчи, произнесенной помощникомъ предсѣдателя, было указано: «наши близкіе сосѣди Турція, Персія, Хива и другія туркестанскія области, Китай, Японія, владѣнія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и Гудсонской компаніи, состо-

[1]) Матеріалами для составленія этого очерка служили отчеты Имп. Русск. Геогр. Общ. съ 1870 по 1894 годъ и «Очеркъ 25-лѣтія Имп. Русск. Геогр Общ.». С.-Петербургъ 1871 г.

ятъ съ Россіей въ безпрестанныхъ торговыхъ, общественныхъ и политическихъ сношеніяхъ, которыя по естественному ходу вещей, съ каждымъ годомъ должны становиться и чаще, и многообразнѣе, такъ что поле, которое намъ предстоитъ воздѣлывать, довольно обширно, и жатву обѣщаетъ богатую; будемъ надѣяться, что въ дѣятеляхъ не будетъ недостатка».

Эти надежды, высказанныя 50 лѣтъ тому назадъ, оправдались вполнѣ: въ дѣятеляхъ по изслѣдованію азіятской части Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ не было и нѣтъ недостатка, а результаты, которыми обогатили эти дѣятели геогр. общ. науку землевѣдѣнія Азіи за полвѣка его существованія, обширны и разнообразны.

Первымъ шагомъ для изученія странъ неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ являются въ большинствѣ случаевъ экспедиціи, состоящія изъ тѣхъ или другихъ спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ землевѣдѣнія и естествознанія; пересѣкая страну въ разныхъ направленіяхъ, они наносятъ на карту свой путь и прилежащую мѣстность, горы и долины, озера и рѣки, селенія и города; опредѣляютъ астрономически положеніе различныхъ болѣе замѣтныхъ пунктовъ своего пути, чтобы дать математически-точное основаніе для снимаемой карты; опредѣляютъ барометрически абсолютныя высоты на своемъ пути, чтобы изучить рельефъ страны и его контрасты; опредѣляютъ склоненіе и наклоненіе магнитной стрѣлки, чтобы исправить ошибки компаса, которымъ производятъ съемку, различныя въ различныхъ мѣстахъ; изучаютъ встрѣчающихся имъ животныхъ и растенія, ихъ образъ жизни и распространеніе въ той или другой области въ зависимости отъ естественныхъ условій и собираютъ представителей флоры и фауны въ свои коллекціи для точнаго опредѣленія ихъ по возвращеніи домой; дѣлаютъ наблюденія надъ температурой, атмосферными осадками, облачностью, вѣтрами и давленіемъ атмосферы, чтобы составить себѣ понятіе о климатѣ изслѣдуемой страны; собираютъ горныя породы и изучаютъ ихъ взаимныя соотношенія и условія залеганія въ горахъ и равнинахъ для выясненія строенія изслѣдуемой страны и ея минеральныхъ богатствъ; при встрѣчѣ съ туземцами собираютъ свѣдѣнія о ихъ бытѣ, правахъ и обычаяхъ, ихъ языкѣ, жизненной обстановкѣ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и иллюстрируютъ эти свѣдѣнія коллекціей предметовъ одежды, утвари, оружія, религіознаго и литературнаго творчества.

Всѣми этими задачами въ большей или меньшей степени, смотря по спеціальности и талантливости участниковъ, занимались экспедиціи, снаряжавшіяся геогр. обществомъ для изслѣдованія материка Азіи въ продолженіи 50 лѣтъ.

Различныя страны этого материка, изученныя экспедиціями общества естественно распадаются на три группы: Сибирь, Средняя Азія съ Ираномъ и Китайская имперія.

I.

Въ предѣлахъ Сибири первой экспедиціей геогр. общ. была сѣверно-уральская, работавшая въ 1847, 48 и 50 годахъ на обширномъ пространствѣ, ограниченномъ рѣками Обью и Печорой, Ледовитымъ океаномъ и Пермской губ. и до того времени почти неизслѣдованномъ и ненанесенномъ на карты; руководителемъ экспедиціи былъ горн. инж. Гофманъ, извѣстный своими прежними путешествіями по Сибири для изслѣдованія Енисейской и Бирюсинской золотоносныхъ системъ; не смотря на всѣ препятствія—пустынность и суровость страны, скудость перевозочныхъ средствъ, падежъ оленей и т. д. экспедиція открыла и опредѣлила сѣверную оконечность Урала и отдѣльный и независимый отъ него хребетъ Пай-Хой, пересѣкающій приморскую тундру и переходящій на островъ Вайгачъ.

Прежде чѣмъ окончилось изданіе трудовъ этой экспедиціи, геогр. общ. было уже озабочено изслѣдованіемъ болѣе далекихъ частей Сибири; первый толчекъ этому дѣлу былъ данъ чл. сорев. общ. Голубковымъ, пожертвовавшимъ весьма значительный капиталъ на русскій переводъ и дополненіе извѣстнаго и въ то время капитальнѣйшаго труда по землевѣдѣнію Азіи, именно «Erdkunde von Asien» Карла Риттера; это сочиненіе резюмировало въ себѣ почти все, что было извѣстно о различныхъ странахъ Азіи, начиная южной частью Сибири и кончая Индомъ и Китаемъ. Отдѣленіе физической географіи, при разработкѣ предположеній о переводѣ и дополненіяхъ Азіи Риттера, обратило вниманіе на скудость географическихъ свѣдѣній о большей части Вост. Сибири; предсѣдательствовавшему въ отдѣленіи, горному инженеру Озерскому, принадлежитъ честь почина въ проектированіи экспедиціи, получившей названіе Сибирской и принесшей огромные результаты; средства на ея осуществленіе были даны Голубковымъ и графомъ Гуттенъ-Чапскимъ.

Математическій отдѣлъ экспедиціи, подъ руководствомъ астронома Шварца, былъ снаряженъ въ 1854 г. и окончилъ свои занятія послѣ пятилѣтнихъ работъ и трудовъ въ пустынной и болотистой сибирской тайгѣ, вырвавшихъ изъ состава экспедиціи топографа Смирягина, убитаго на верховьяхъ Витима проводникомъ; результатами этихъ работъ являются 110 астроном. пунктовъ, 20,000 верстъ маршрутной съемки и множество географическихъ, орографическихъ и гидрографическихъ данныхъ на громадномъ пространствѣ отъ границъ Томской губерніи до острова Сахалина и отъ верховьевъ р. Енисея до береговъ средняго теченія р. Лены; этими работами созданы были двѣ карты юго-восточной Сибири въ масштабѣ 40 и 160 верстъ въ дюймѣ, служащія до сихъ поръ основой для картографическихъ работъ въ этой области. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ обширное пространство на востокъ отъ Байкала представилось въ совершенно новомъ свѣтѣ; прежнее преувеличенное представленіе о Становомъ хребтѣ утратило свое значеніе, вмѣсто него былъ открытъ

новый хребетъ или вѣрнѣе цѣлый поясъ кряжей и высокихъ нагорій, достигающихъ отъ 5 до 8 тыс. футовъ высоты и простирающихся непрерывно отъ Байкала до Охотскаго моря.

Не менѣе существенныя измѣненія произошли въ представленіяхъ о Саянѣ и Маломъ Хинганѣ, причемъ только дальнѣйшія изслѣдованія въ Сѣверной Монголіи, произведенныя почти 20 лѣтъ позже, доказали все громадное значеніе обширныхъ лѣсистыхъ хребтовъ и нагорій, открытыхъ къ югу отъ Саяна сибирской экспедиціей. Но едва-ли не важнѣе еще то вліяніе, которое труды матем. отдѣла экспедиціи совмѣстно съ изданными томами переводовъ и дополненій Риттеровой Азіи оказали на изученіе новыхъ еще не тронутыхъ частей Вост. Сибири, бассейна р. Амура и сосѣднихъ съ ними областей Монголіи и Манчжуріи, такъ какъ для позднѣйшихъ путешественниковъ они служили почти единственными справочными и настольными книгами.

Одновременно съ работами матем. отдѣла экспедиціи прикомандированный къ нему натуралистъ Радде изучалъ въ продолженіи пяти лѣтъ южную пограничную полосу Вост. Сибири, начиная Мунко-Сардыкомъ и кончая Малымъ Хинганомъ; Радде издалъ два тома, посвященные описанію млекопитающихъ и птицъ изслѣдованной области, которая со временъ Палласа, т. е. въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ, не изучалась болѣе въ этомъ отношеніи.

Съ окончаніемъ работъ матем. отдѣла въ 1859 г. былъ снаряженъ физическій отдѣлъ подъ руководствомъ геолога, нынѣ академика, Шмидта и съ участіемъ ботаника Глена и топографа Шебунина, которые работали въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ въ Забайкальѣ, на Амурѣ и на островѣ Сахалинѣ, изслѣдуя геологическое строеніе этой области, ея флору и населеніе острова Сахалина.

Нѣсколько лѣтъ позже геогр. общ. участвовало въ снаряженіи сибирскимъ его отдѣломъ Чукотской экспедиціи подъ начальствомъ барона Майделя, имѣвшей задачей изслѣдовать крайнюю сѣверовосточную часть Сибири, страну Чукчей, въ предѣлахъ которой экспедиція провела два года; результатами ея работъ явились свѣдѣнія о направленіи морскихъ теченій, распространеніи нѣкоторыхъ морскихъ растеній и животныхъ, этнографическія свѣдѣнія о чукчахъ, дневники, коллекціи и съемки мѣстностей до того совершенно неизвѣстныхъ.

Ранѣе окончанія Чукотской экспедиціи въ средѣ геогр. общ. уже возникла мысль о новомъ изслѣдованіи сѣвера Сибири, принадлежащая академику Шмидту; принимая во вниманіе сравнительную изученность долины р. Енисея съ одной и долинъ рѣкъ Лены съ Вилюемъ съ другой стороны, становилось весьма желательнымъ изслѣдовать сѣверную часть промежуточнаго пространства, куда со временъ академика Миддендорфа проникалъ только горн. инж. Лопатинъ, изслѣдовавшій по порученію сибирскаго отдѣла р. Подкаменную Тунгуску.

Руководителемъ новой экспедиціи былъ избранъ геологъ Чекановскій; съ 1873 г. въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ экспедиція изслѣдовала рѣки Нижнюю Тунгуску, Оленекъ и низовья р. Лены съ прилегающей полосой каменистыхъ и лѣсистыхъ кряжей и каменистой тундры береговъ Ледовитаго океана.

Въ 1875 г. при содѣйствіи геогр. общ. было произведено изслѣдованіе рѣкъ Кети и Чулыма Сиденеромъ и Лопатинымъ съ цѣлью выясненія вопроса о возможности соединенія бассейновъ рр. Оби и Енисея каналомъ, причемъ направленіе черезъ рч. Кеть на рч. Кась оказалось болѣе прямымъ и болѣе удобнымъ; три года позже на соединенныя средства Мин Пут. Сообщенія и геогр. общ. снаряжена была вторая экспедиція, подъ начальствомъ барона Аминова, для окончательнаго выясненія этого вопроса, послѣ чего проектъ началъ приводиться въ исполненіе на правительственныя средства.

Въ 1880 году статсъ-секретарь Гротъ пожертвовалъ геогр. общ. 5000 р. для выясненія возможности колонизаціи острова Сахалина и для выполненія этого порученія общество избрало чл. сотр. П. С. Полякова, который въ теченіе года изслѣдовалъ среднюю и южную части Сахалина, причемъ много вниманія удѣлилъ изученію современнаго состоянія земледѣлія и огородничества и изслѣдованію почвы, растительности и климата острова.

Въ 1881 г. геогр. общ. поручило чл. сотр. Адріанову изслѣдованіе Кузнецкаго края въ географическомъ и геологическомъ отношеніяхъ; Адріановъ посѣтилъ Телецкое озеро, прилежащія части Алтая, хребетъ Ташту-ола и Кемчикскую степь.

Въ 1883 году тотъ-же Адріановъ на соединенныя средства геогр. общ. и его западн. сиб. отдѣла былъ командированъ въ Кузнецкій Алатау съ цѣлью преимущественно этнографической; въ окрестностяхъ Минусинска путешественникъ произвелъ раскопки кургановъ, давшія богатый матеріалъ для антропологіи доисторическихъ обитателей этой мѣстности.

Въ 1887 г. геогр. общ. при пособіи отъ Минист. Гос Имущ. командировало члена-сотрудника Я. А. Макерова въ составъ экспедиціи, снаряженной военнымъ вѣдомствомъ и Минист. Вн. Дѣлъ для изученія пограничной русско-монгольской полосы въ предѣлахъ Саянскаго хребта отъ Мунку-Сардыка до верховьевъ р. Уды; Макеровъ долженъ былъ изучить Саянъ въ геологическомъ отношеніи, но результаты его поѣздки остаются неизвѣстными, такъ какъ изслѣдователь до сихъ поръ не опубликовалъ даже предварительнаго отчета.

Въ томъ-же 1887 г. дѣйств. членъ В. Д. Аленицынъ былъ командированъ геогр. общ. на пріуральскія, троицкія и челябинскія озера для физико-географическихъ изслѣдованій и произвелъ интересныя наблюденія надъ жизнью посѣщенныхъ имъ озеръ.

Съ 1888 г. по настоящее время въ дѣятельности геогр. общ. по отношенію къ Сибири наступило затишье, которое можно отчасти объяснить тѣмъ, что вниманіе и средства общества были сильно поглощены экспедиціями въ предѣлы Китая и Тибета, отчасти-же тѣмъ, что сибирскіе отдѣлы общества, Импер. Академія Наукъ и Мин. Гос. Имущ. и Путей Сообщенія за послѣднее время проявили болѣе оживленную дѣятельность, изслѣдуя разныя части Сибири съ различными цѣлями.

Въ связи съ изслѣдованіемъ Сибири находятся также изслѣдованія прилегающихъ къ ней съ Сѣвера полярныхъ морей и расположенныхъ среди нихъ острововъ, которые также не забывались геогр. общ. за разсматриваемое время.

Въ 1877 г. геогр. общ., пользуясь экспедиціею знаменитаго Норденшильда на пароходѣ Вега по Ледовитому океану вдоль всего сибирскаго побережья, прикомандировало къ нему прапорщика Нордквиста, обладавшаго основательной научной подготовкой и снабженнаго инструкціями спеціалистовъ; экспедиція прошла черезъ Карское море, обогнула Таймырскій полуостровъ, посѣтила устье р. Лены и на дальнѣйшемъ пути вдоль сибирскаго побережья на востокъ прозимовала въ Беринговомъ проливѣ и въ слѣдующее лѣто, посѣтивъ Японію, вернулась въ Европу. Нордквистъ оказался, по отзыву Норденшильда, однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ экспедиціи и собралъ обширный научный матеріалъ по естественной исторіи сѣверныхъ береговъ Сибири, также относительно жизни чукчей, словаря чукотскаго языка и т. п.

Наконецъ въ 1892 г. геогр. общ. оказало посильное содѣйствіе доктору Слюнину, отправившемуся на пароходѣ «Якутъ» въ качествѣ судового врача въ Беринго́во море для изученія его флоры и фауны и для антропологическихъ изысканій среди инородцевъ, обитающихъ по его берегамъ и на островахъ Беринга и Мѣдномъ; въ 1894 г. богатыя коллекціи, собранныя докторомъ, были выставлены въ Петербургѣ и Москвѣ.

II

Переходя отъ ледяныхъ морей сѣвера къ знойнымъ степямъ и снѣговымъ хребтамъ южныхъ владѣній Россіи въ предѣлахъ Азіатскаго материка, нельзя не замѣтить и здѣсь прогрессивнаго развитія дѣятельности экспедицій геогр. общ. въ теченіе полувѣка. Уже одновременно со снаряженіемъ Сибирской экспедиціи географическое общество задумало изслѣдованіе русскихъ владѣній въ средней Азіи, въ то время постепенно расширявшихся, захватывая уже части обширной системы Тянь-Шаня, познаніе которой весьма мало подвинулось впередъ съ того времени, какъ китайскіе путешественники буддійскіе миссіонеры Фа-хянъ и Хюанъ-цзанъ въ IV и VII вѣкахъ сообщили скудныя свѣдѣнія объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ и сосѣдней части Небеснаго хребта; молодой географъ П. П.

Семеновъ, нынѣ вице-предсѣдатель географич. общ., работавшій въ 1853 и 54 гг. въ Берлинѣ на глазахъ самого Риттера надъ переводомъ его Азіи, рѣшился отправиться въ Тянь-шань; Риттеръ и Гумбольдтъ поддержали его намѣренія и географическое общ. дало содѣйствіе и средства, хотя и небольшія, такъ какъ экспедиціи Уральская и Сибирская ложились тяжело на его бюджетъ. Тѣмъ не менѣе въ 1855 г. Семеновъ изслѣдовалъ Заилійскій Алатау и озеро Иссыкъ-куль, а въ 1857 г. проникъ до верховій Сыръ-дарьи и до исполинской горной группы Ханъ-Тенгри, составляющей величественный снѣговой вѣнецъ Тянь-шаня.

Въ 1858 году географическое общество снарядило экспедицію, подъ руководствомъ Ханыкова и при участіи различныхъ ученыхъ, имѣвшую цѣлью изслѣдованіе Хорассана, провинціи Сѣверной Персіи.

Въ 1862 г. обществу представился новый случай къ распространенію изслѣдованій въ Средней Азіи; пользуясь командировкой отъ министерства иностранныхъ дѣлъ разграничительной коммиссіи на западную китайскую границу, географическое общество поручило одному изъ членовъ этой коммиссіи, г. Струве, географическія изслѣдованія и ходатайствовало о присоединеніи къ экспедиціи члена-сотрудника Г. Н. Потанина; область работъ Струве и Потанина въ 1863 г. обнимала малоизвѣстное пространство между Тарбагатаемъ и южнымъ склономъ Алтая, въ особенности бассейны озера Зайсана, Чернаго Прыша и озера Марка-куль.

Съ 1864 г. занятіе части Туркестана, а къ концу десятилѣтія Ташкента, Ферганы и Самарканда открыло русскимъ изслѣдователямъ свободный доступъ въ эти области Средней Азіи и географическое общество содѣйствовало своими средствами поѣздкамъ члена-сотрудника Сѣверцова въ 1864, 65, 67 и 68 годахъ въ западную часть Тянь-шаня для изслѣдованій по сравнительной зоологіи и физической географіи.

Одна изъ важнѣйшихъ рѣкъ Аральскаго басейна, Аму-Дарья или Оксусъ классической древности, съ давнихъ поръ привлекла вниманіе какъ географовъ, такъ и администраторовъ; преданія о прежнемъ теченіи великой средне-азіатской рѣки въ Каспійское море, сказанія о слѣдахъ грандіознаго сухого русла, пролегающаго на сотни верстъ вдоль пустынныхъ обрывовъ Усть-урта и среди песковъ Кара-кумъ вызывали съ одной стороны желаніе изслѣдовать эту интересную мѣстность, съ другой стороны надежды на возможность повернуть рѣку опять въ ея старое русло и тѣмъ оживить громадную полосу пустыни, сдѣлать ее способной къ культурѣ и кромѣ того создать удобный водный путь отъ центра Россіи почти къ центру Азіи.

Вопросъ объ изслѣдованіи стараго русла Аму-Дарьи возбуждался въ средѣ геогр. общ. еще въ 1864 г. и затѣмъ въ 1867 г., но оба раза обсуждавшія

его коммиссіи приходили къ заключенію, что въ виду неустроенности края и враждебнаго настроенія туркменъ, экспедиція потребовала-бы огромныхъ денежныхъ средствъ. Только въ 1869 г., когда русскія войска заняли Красноводскій заливъ, доступъ въ страну облегчился и съ тѣхъ поръ по настоящее время цѣлый рядъ экспедицій и отдѣльныхъ путешественниковъ посвящалъ свои силы рѣшенію аму-дарьинскаго вопроса съ той или другой цѣлью и все-таки вопросъ не можетъ считаться рѣшеннымъ окончательно, хотя практическая сторона его—созданіе воднаго пути и оживленіе страны—уже рѣшены въ отрицательномъ смыслѣ, причемъ проведеніе закаспійской желѣзной дороги явилось до нѣкоторой степени результатомъ этого отрицательнаго рѣшенія.

Въ 1870 г. особая коммиссія, выбранная геогр. общ., въ третій разъ обсуждала вопросъ объ аму-дарьинской экспедиціи, но только въ 1873 г., пользуясь военной экспедиціей противъ Хивы, географическое общество могло воспользоваться предложеніями этой коммиссіи и командировать изслѣдователей, сопровождавшихъ военные отряды, а также снабдить инструментами и инструкціями нѣкоторыхъ военныхъ; такимъ образомъ изслѣдованія этого года коснулись главнымъ образомъ хивинской территоріи. Въ слѣдующемъ году, благодаря щедрому пособію правительства въ 20,000 руб., ученыя изслѣдованія приняли широкіе размѣры и распространились на низовья Аму-Дарьи и мѣстность вблизи Аральскаго моря до Сыръ-Дарьи.

Въ 1877 г. географ. общ. содѣйствовало снаряженію на правительственныя средства экспедиціи акад. Миддендорфа для изслѣдованія сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ условій Туркестана, причемъ главнымъ полемъ дѣятельности явилась Ферганская долина, изученная знаменитымъ академикомъ и въ географическомъ и геологическомъ отношеніяхъ.

Такія-же экономическія задачи преслѣдовала командировка географ. общ. въ 1879 г. Н. А. Маева преимущественно въ бухарскія владѣнія праваго берега Аму-Дарьи въ составѣ правительственной экспедиціи, изучавшей эту рѣку и вопросъ о направленіи средне-азіатской жел. дороги; изслѣдователь пришелъ къ выводу, что эта часть Бухары не способна къ культурѣ и не имѣетъ будущности изъ-за надвигающихся на нее сыпучихъ песковъ.

Въ томъ-же году геогр. общ. приняло участіе въ экспедиціи генерала Глуховскаго, снаряженной мин. пут. сообщ для изслѣдованія старыхъ руселъ Аму-Дарьи между Аральскимъ и Каспійскимъ морями и выясненія возможности поворота рѣки; географическое общество командировало геолога князя А. Э. Гедройцъ для изслѣдованій по русламъ и въ окружающей мѣстности; въ связи съ нивеллировками и съемками, производившимися экспедиціей, только изслѣдованіе характера и распространенія отложеній Аму-Дарьи по старымъ русламъ могло рѣшить вопросъ, протекала-ли по нимъ когда-нибудь эта рѣка.

Съ 1881 по 1883 г., отчасти на средства геогр. общ., ботаникъ Регель изслѣдовалъ часть Туркестана и прилежащія мѣстности Памирскаго нагорья, до того не посѣщенныя ни однимъ натуралистомъ. Въ 1885 и 1887 гг. тѣ-же части Памира были изслѣдованы братьями Грумъ-Гржимайло, преслѣдовавшими главнымъ образомъ зоологическія цѣли, но доставившими также свѣдѣнія по этнографіи и антропологіи страны и топографическія съемки.

Въ 1889 г. на средства геогр. общ. ботаникъ Антоновъ работалъ въ Закаспійской области, а въ 1893 г. тамъ-же производили изслѣдованія зоологъ Глазуновъ и ботаникъ Комаровъ; наконецъ въ 1895 г. геогр. общ. поручило горному инженеру Цимбаленко произвести изслѣдованіе Каракумскихъ песковъ этой области для выясненія существованія среди нихъ обширной впадины, будто-бы соотвѣтствующей Area Palus древнихъ географовъ.

Такимъ образомъ аму-дарьинскій вопросъ занималъ географическое общество еще въ прошломъ году, т. е. болѣе 30 лѣтъ со времени его возникновенія.

III.

Обращаясь теперь къ горнымъ странамъ и пустынямъ внутренней Азіи внѣ русскихъ владѣній, мы встрѣчаемъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ на крайнемъ востокѣ двѣ экспедиціи, изъ которыхъ одна заканчиваетъ, другая начинаетъ свои работы; первая изъ нихъ это экспедиція архимандрита Палладія, которая направилась изъ Пекина черезъ Шань-хай-гуань въ Манчжурію, прошла ее съ юга на сѣверъ по линіи Мукденъ, Гиринъ, Цицикаръ, Мергенъ и Айгунъ, собрала интересныя географическія, этнографическія и археологическія свѣдѣнія и затѣмъ посвятила свои силы изслѣдованію Ю.-Уссурійскаго края.

Вторая экспедиція, снаряженная геогр. общ. весной 1870 г. при содѣйствіи правительства, состояла изъ капитана Н. М. Пржевальскаго и подпоручика Пыльцова съ двумя казаками и осенью того-же года двигалась изъ Кяхты въ Пекинъ, имѣя цѣлью извѣстныя только по слухамъ и китайскимъ источникамъ, страны Ордосъ, Куку-норъ и Тибетъ.

Въ западной части внутренней Азіи, именно въ Сѣверо-Западной Монголіи въ томъ-же 1870 г. производятся изслѣдованія; пользуясь командировкой отъ азіатскаго департамента консула Павлинова въ эту страну, геогр. общ. снабдило его учеными пособіями и инструкціями и ходатайствовало о присоединеніи къ нему топографа Матусовскаго; экспедиція прошла отъ пикета Суокъ на границѣ Томской губ. черезъ города Кобдо и Улясутай къ границѣ Минусинскаго округа, произвела съемку и собрала цѣнные географическіе матеріалы, значительно измѣнявшіе карты этой мѣстности, основаніемъ для которыхъ до того служили только китайскіе источники.

Въ 1873 г. возвратились изъ своего путешествія Пржевальскій съ Пыльцовымъ, проведшіе въ предѣлахъ Китайской Имперіи почти три года; ихъ

маршруты общей длиной въ 11,100 верстъ, обняли страны: Восточную и Центральную Монголію, Алашань, Сѣв. Ордосъ, Вост. Нань шань съ Кукуноромъ, Цайдамъ и Сѣверный Тибетъ; страны, о которыхъ европейскіе географы до того имѣли скудныя и смутныя свѣдѣнія, почерпаемыя изъ болѣе или менѣе фантастическихъ описаній средневѣковыхъ путешественниковъ, изъ труднодоступныхъ и сбивчивыхъ китайскихъ сочиненій и, въ лучшемъ случаѣ, изъ сочиненія миссіонеровъ Гюка и Габе о путешествіи въ Тибетъ въ 1844 г., сочиненія, лишеннаго карты и представляющаго скудный географическій матеріалъ — эти страны были сразу освѣщены и описаны смѣлымъ путешественникомъ; онъ нанесъ на карту посѣщенныя имъ мѣстности, наблюдалъ жизнь природы и человѣка, атмосферныя явленія, животныхъ и растеній, и все это заносилъ въ свои дневники и обогащалъ свои коллекціи; въ его книгѣ «Монголія и страна тангутовъ», представляющей отчетъ о первомъ путешествіи, передъ нами развертываются величественной панорамой волнистыя и гористыя степи Монголіи, сыпучіе пески Ордоса и Алашани, безплодные, каменистые кряжи, сторожащіе съ сѣвера Желтую рѣку, исполинскія, зубчатыя цѣпи Нань-шаня, увѣнчанныя снѣгами и льдами, синія волны озера Куку-нора, окруженныя рамкой зеленѣющихъ горъ, болотистыя равнины Цайдама и наконецъ угрюмыя нагорья Тибета съ безконечными рядами дикихъ и мрачныхъ хребтовъ, которые по своей унылой породѣ смѣло могутъ выдержать сравненіе съ каменистой тундрой береговъ Ледовитаго океана. Въ той-же книгѣ передъ нами проходятъ пестрой вереницей племена, населяющія упомянутыя страны: добродушный и лѣнивый монголъ — халхасецъ, чахаръ, оротъ и алашанецъ, лукавый и пахальный китаецъ, недовѣрчивый и отважный тангутъ, косматый и мрачный тибетецъ; четвероногіе и крылатые обитатели горъ, степей и пустынь составляютъ дополненіе картины: неуклюжій, черный якъ, статный хуланъ, быстроногія антилопы, куку — яманы и аргали, фазанъ, улларъ и пустынникъ встаютъ передъ вами какъ живые въ мастерскихъ описаніяхъ путешественника.

При оцѣнкѣ результатовъ этой экспедиціи Пржевальскаго необходимо также принять во вниманіе, что онъ былъ первымъ, проникшимъ съ ученой цѣлью въ описываемся страны, которыя лежали передъ нимъ, покрытыя мракомъ неизвѣстности; ни въ какой книгѣ не могъ онъ почерпнуть указаній, какъ и чѣмъ снаряжать свой караванъ, гдѣ искать проводниковъ, гдѣ разсчитывать на перемѣну усталыхъ животныхъ, какими дорогами идти; все это приходилось рѣшать самому, по мѣрѣ накопленія личнаго опыта, нерѣдко направляясь и дѣйствуя на авось; кромѣ того, нѣкоторыя мѣстности во время путешествія еще были объяты дунганскимъ возстаніемъ, шайки мятежниковъ и бродягъ дѣлали движеніе небезопаснымъ и внушали мѣстному населенію такой страхъ, что Пржевальскій нерѣдко не находилъ себѣ проводниковъ, а весь его караванъ состоялъ изъ четырехъ человѣкъ; въ окрестностяхъ Куку-хото у путе-

шественниковъ въ одну прекрасную ночь украли всѣхъ верблюдовъ, чѣмъ причинили имъ не мало потери времени и затрудненій въ виду скудости денежныхъ средствъ; этотъ недостатокъ денегъ, ассигнованныхъ на экспедицію, заставлялъ изслѣдователей ограничивать до минимума свои запасы и персоналъ каравана, такъ что имъ самимъ приходилось помогать въ исполненіи черныхъ работъ, тратя на это свое время и свои силы; для увеличенія средствъ имъ приходилось заниматься торговлей, сбывая монгольскимъ князьямъ европейскіе товары, закупленные въ Пекинѣ; по недостатку-же средствъ имъ не удалось дойти до Хлассы, такъ какъ въ то время тибетцы, еще не напуганные многочисленными иностранцами, которые позднѣе устремились къ святому городу, вѣроятно пропустили-бы первую и маленькую экспедицію въ запретныя владѣнія Хлассы. Громадные результаты, доставленные первымъ путешествіемъ, упрочили дѣло изслѣдованія внутренней Азіи и сдѣлали эту страну завѣтной цѣлью многихъ экспедицій, русскихъ и иностранныхъ, послѣдовавшихъ одна за другой

Въ 1876 г. Пржевальскій на средства въ 24,700 р., Высочайше дарованныя геогр. общ., отправился вторично въ путь, въ этотъ разъ съ запада, изъ Кульджи, намѣреваясь проникнуть новыми дорогами вглубь Тибета и послѣдовать его до Гималаевъ; эти широкія намѣренія впрочемъ не осуществились по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ и Пржевальскій изслѣдовалъ часть Тяньшаня къ востоку отъ Кульджи, низовья р. Тарима, озеро Лобъ-норъ и прилегающую къ озеру съ юга часть Куэнь-луня, именно хребетъ Алтынъ-тагъ, а во время второй части экспедиціи — западную половину Джунгаріи.

Помимо богатыхъ коллекцій вторая экспедиція Пржевальскаго собрала интересныя географическія свѣдѣнія о части Таримскаго бассейна; первымъ европейцемъ послѣ Марко-Поло, Пржевальскій посѣтилъ Лобъ-норъ, положеніе котораго оказалось значительно южнѣе показаннаго на картахъ по китайскимъ источникамъ; по этому поводу возгорѣлась даже полемика между Пржевальскимъ и знатокомъ географіи Китая — барономъ Рихтгофеномъ; послѣдній не допускалъ, что китайскіе картографы могли сдѣлать такую грубую ошибку и полагалъ, что Пржевальскій открылъ другое озеро, а не Лобъ-норъ древней географіи, находящійся сѣвернѣе.

Кромѣ этого опредѣленія положенія Лобъ-нора, экспедиція открыла громадный хребетъ Алтынъ-тагъ, отдѣляющій впадину Таримскаго бассейна отъ нагорій Тибета; до того на всѣхъ картахъ, даже на картѣ перваго путешествія Пржевальскаго, равнины Тарима непосредственно переходили въ болота Цайдама, а Куэнь-лунь отъ оазиса Кэріи протягивался прямо къ верховьямъ Голубой рѣки.

Наконецъ собраны были этнографическія свѣдѣнія о населеніи по Тариму и Лобъ-нору, метеорологическія наблюденія и т. п., изслѣдована была часть

Тянь-шаня и плато Юлдусъ; въ пустыняхъ Лобъ-нора и Джунгаріи открыты были дикій верблюдъ и дикая лошадь, до того неизвѣстные наукѣ.

Одновременно со снаряженіемъ второй экспедиціи Пржевальскаго, географическое общ. организовало другую экспедицію для изслѣдованія болѣе сѣверныхъ частей внутренней Азіи, именно сѣверо-западной Монголіи до того также почти неизвѣстной, а между тѣмъ представлявшей и практическій интересъ, въ виду ея близости къ русскимъ владѣніямъ и торговымъ сношеніямъ съ ними; сумма въ 3400 р., ассигнованная геогр. общ. на эту экспедицію, увеличена была минист. финансовъ еще на 3000 р. съ тѣмъ, чтобы путешественники изслѣдовали мѣстную торговлю, ея условія и торговыя сношенія съ Россіей; эта экспедиція, руководимая Г. Н. Потанинымъ, изслѣдовала часть Джунгаріи до Тянь-шаня и сѣверо-западную Монголію отъ Кобдо до озера Коссогола; собранный обширный матеріалъ касался картографіи и географіи страны, ея флоры, фауны и населенія и его торговыхъ сношеній съ Россіей.

Успѣхъ экспедиціи побудилъ Геогр. общ. встрѣтить весьма сочувственно предложеніе Г. Н. Потанина отправиться вторично въ Монголію, чтобы изслѣдовать мѣстности, оставшіяся въ сторонѣ отъ маршрутовъ первой экспедиціи; это второе путешествіе состоялось въ 1879 г. на средства геогр. общ. и пожертвованіе западно-сибирскаго купца Ѳ. Н. Каменскаго; экспедиція прошла изъ Бійска въ Тунку по болѣе сѣверной дорогѣ черезъ хр. Танну-ола и верховья Енисея.

Результатами обѣихъ монгольскихъ экспедицій Г. Н. Потанина являются обширныя свѣдѣнія о географіи сѣверо-западной Монголіи, ея флорѣ, фаунѣ и населеніи.

Одновременно со снаряженіемъ второго путешествія Потанина геогр. общ. отправило въ путь, на Высочайше дарованныя средства, и третью экспедицію Пржевальскаго, которая прошла изъ Зайсана черезъ Джунгарію и Хамійскую пустыню, обслѣдовала западный Нань-шань, Цайдамъ и проникла вглубь Тибета до территоріи Хлассы, гдѣ была остановлена посольствомъ отъ далай-ламы; послѣ продолжительныхъ проволочекъ и переговоровъ послы убѣдили Пржевальскаго вернуться назадъ подъ предлогомъ, что все тибетское населеніе настроено враждебно и не желаетъ пускать чужеземцевъ и иновѣрцевъ на территорію святого города. На обратномъ пути экспедиція изъ Цайдама повернула къ Кукунору, который изслѣдовала подробно, затѣмъ сдѣлала экскурсію въ Синиискія альпы и вверхъ по Желтой рѣкѣ и черезъ Вост. Нань-шань и Алашань направилась къ Ургѣ той-же дорогой, какъ и во время первой экспедиціи.

Результатами этой экспедиціи является изслѣдованіе части Джунгаріи и Хамійской пустыни, западнаго Наньшаня—открытаго Пржевальскимъ для географіи,—окрестностей озера Куку-нора, части Желтой рѣки и наконецъ продол-

женіе открытій первой экспедиціи вглубь Тибета за Голубую рѣку, гдѣ пустынные хребты Бурханъ-будда, Марко-поло, Куку-шили, Думбуре и Могучій Танла-ось Тибета—отдѣлены другъ отъ друга высокими и не менѣе пустынными долинами.

Вообще конецъ семидесятыхъ годовъ былъ еще богаче изслѣдованіями внутренней Азіи, чѣмъ начало ихъ; кромѣ экспедицій Пржевальскаго и Потанина геогр. общ. приняло участіе и въ экспедиціи подполковника М. В. Пѣвцова въ Монголію; получивъ свѣдѣніе, что бійскіе купцы отправляютъ въ 1878 г. изъ Кобдо въ Куку-хото большой торговый караванъ, геогр. общ. просило ген.-губернатора Зап. Сибири прикомандировать къ каравану офицера генеральнаго штаба для географическихъ изслѣдованій и рекомендовало съ этой цѣлью М. В. Пѣвцова, уже заявившаго себя научными работами при путешествіи по Джунгаріи; слѣдуя сначала съ караваномъ, а затѣмъ отдѣльно, М. В. Пѣвцовъ изслѣдовалъ мѣстность по дорогѣ изъ Кобдо черезъ Куку-хото въ Калганъ, оттуда въ Ургу и наконецъ изъ Урги черезъ Улясутай въ Кошагачъ на границѣ Томской губер., такъ что въ промежуткѣ между первой и второй экспедиціями Потанина его съемка и изслѣдованія были продолжены Пѣвцовымъ на югъ вглубь центр. Монголіи и на востокъ до Урги и Калгана.

Въ 1883 г. оба изслѣдователя внутренней Азіи—Пржевальскій и Потанинъ—опять собираются въ путь; первый изъ нихъ выступилъ изъ Кяхты и прошелъ черезъ Ургу и Алашань въ Цайдамъ, черезъ верховья Желтой рѣки до береговъ Голубой рѣки, глубина и быстрота которой при отсутствіи перевозочныхъ средствъ поставила предѣлъ дальнѣйшему движенію на югъ, такъ что экспедиція повернула на сѣверозападъ и посвятила свои силы изслѣдованію Цайдама, средняго и западнаго Куэнь-луня съ Лобъ-норомъ и оазисовъ китайскаго Туркестана, которые между Лобъ-норомъ и Кэріей были со временъ Марко-поло впервые посѣщены европейцами четвертой экспедиціи Пржевальскаго. Результатами ея являются открытіе верховій Желтой рѣки въ озерной котловинѣ Одонъ-Тала, изслѣдованіе Цайдама и западнаго Куэнь-луня. — Г. Н. Потанину геогр. общ. ассигновало изъ своихъ средствъ по 3,000 р. ежегодно на 3 года для географическихъ и этнографическихъ изслѣдованій въ китайской провинціи Гань-су и въ Монголіи: благодаря щедрому пожертвованію предсѣдателя Вост. Сибирскаго Отдѣла геогр. общ. В. П. Сукачева въ 15,000 р. явилась возможность пригласить въ составъ ея топографа Скасси и зоолога Березовскаго; экспедиція провела два года въ предѣлахъ провинціи Гань-су и сѣв. Сачуани съ прилегающей частью нагорій С. В. Тибета, а на пути туда и обратно изслѣдовала часть Ордоса, провинцій Чжили и Шаньси, горной системы Нань-шаня съ Куку-норомъ и центральной Монголіи.

Богатые результаты этой экспедиціи, во время которой были изслѣдованы многія мѣстности еще не посѣщавшіяся европейцами, изданы недавно географ. обществомъ.

Въ 1886 г. геогр. общ. снарядило также экспедицію для изслѣдованія вѣчно-снѣговой горной группы Ханъ-Тенгри, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Тянь-шанѣ и расположенной въ предѣлахъ Китая, въ узловомъ пунктѣ между болѣе узкимъ вост. Тянь-шанемъ и весьма развитымъ въ ширину и расчлененнымъ западнымъ; необходимость изслѣдованія этой группы была указана П. П. Семеновымъ еще въ 1857 г., но съ тѣхъ поръ она почему-то оставалась въ сторонѣ отъ маршрутовъ путешественниковъ.

Въ 1888 г. Пржевальскій предложилъ геогр. общ. вновь отправиться въ путешествіе, имѣвшее цѣлью изслѣдованіе сѣв. зап. Тибета, который оставался въ сторонѣ отъ маршрутовъ его прежнихъ экспедицій; и эта пятая экспедиція была снаряжена на средства Высочайше пожалованныя геогр. общ., но ей не суждено было осуществится; на берегу оз. Иссыкъ-Куля въ городкѣ Кара-колъ, гдѣ происходили послѣдніе сборы въ путь, Пржевальскій простудился на охотѣ и чрезъ пять дней его не стало; но дѣло изслѣдованія внутренней Азіи, которому онъ посвятилъ свою жизнь и положилъ такое блестящее начало, не остановилось; по ходатайству геогр. общ. начальство надъ экспедиціей было передано полковнику М. В. Пѣвцову и кромѣ того къ ней былъ присоединенъ геологъ горный инженеръ К. И. Богдановичъ, что увеличило ея значеніе; слабая сторона экспедицій Пржевальскаго состояла въ томъ, что организуя ихъ по военному, онъ не допускалъ въ ихъ составъ изслѣдователей, не облеченныхъ въ военный мундиръ, опасаясь съ ихъ стороны неповиновенія, которое могло-бы расшатать дисциплину всего отряда; поэтому всѣ четыре экспедиціи Пржевальскаго, доставившіе такіе блестящіе результаты по отношенію къ географіи внутренней Азіи, ея флорѣ, фаунѣ и населенію, дали весьма скудный и отрывочный матеріалъ по ея геологіи; между тѣмъ геологическія наблюденія являются безусловно необходимыми для орологіи страны, т. е. для объясненія формъ ея поверхности; не обладая основательными свѣдѣніями по геологіи, путешественникъ только описываетъ и наноситъ на карту формы поверхности изслѣдуемой страны, но не можетъ объяснить: почему въ одномъ мѣстѣ высятся громадные хребты, въ другомъ низкіе, разрушенные кряжи, въ третьемъ разстилаются плоскогорія, въ четвертомъ низменности; какъ создались эти разнообразныя формы, чѣмъ онѣ отличаются другъ отъ друга и какова исторія ихъ развитія; почему въ одномъ мѣстѣ разстилаются безплодныя каменистыя пустыни, въ другомъ сыпучіе пески, а рядомъ цвѣтущіе оазисы; почему одинъ и тотъ-же хребетъ здѣсь имѣетъ массивныя, неуклюжія очертанія и глубоко засыпанъ продуктами разрушенія, а немного далѣе расчлененъ на прихотливо заостренные пики, зубчатые крутые отроги, прорѣзанъ глубокими ущельями.

Ни Пржевальскій и ни одинъ изъ его спутниковъ не обладали умѣніемъ разбирать іероглифы, которыми на хребтахъ и холмахъ, въ долинахъ и овра-

тахъ начертаны древнія лѣтописи земнаго шара, и поэтому, несмотря на его четыре экспедиціи, исторія происхожденія и развитія формъ поверхности внутренней Азіи осталась непрочитанной.

Экспедиція М. В. Пѣвцова выступила въ путь въ маѣ 1889 г. изъ городка Кара-колъ, переименованнаго по Высочайшему повелѣнію въ Пржевальскъ въ память піонера русскихъ изслѣдованій во внутренней Азіи, почившаго вѣчнымъ сномъ близъ городка на пустынномъ берегу Иссыкъ-куля. Результатами этой экспедиціи было обслѣдованіе западнаго и части средняго Куэнь-луня, свѣдѣнія о характерѣ С. З. Тибета, представляющаго каменистую и холмистую пустыню огромной абсолютной высоты, почти лишенную растительности, а мѣстами и воды, такъ что проникнуть вглубь этой ужасной страны возможно только особо организованной на якахъ экспедиціей, оставляя склады провіанта и топлива для обратнаго пути пѣшкомъ, такъ какъ всѣхъ животныхъ ожидаетъ голодная смерть. Далѣе экспедиція открыла замѣчательную впадину у южной подошвы вост. Тянь-шаня близъ Токсуна, лежащую на 200 фут. ниже уровня океана; геологъ экспедиціи выяснилъ строеніе Таримской впадины и окружающихъ ее съ сѣвера, запада и юга громадныхъ хребтовъ и изслѣдовалъ богатыя нефритовыя и золотоносныя мѣсторожденія въ Куэнь-лунѣ.

Съ 1888 по конецъ 1890 г. капитанъ Громбчевскій по порученію географическаго общества занимался изслѣдованіемъ Памирскихъ полунезависимыхъ княжествъ Шугнанъ, Канджутъ, Рошанъ и Раскемъ съ прилежащей частью хр. Кара-Корумъ и С. З. Тибета.

Въ 1889 г. на средства, пожалованныя геогр. общ. его Августѣйшимъ предсѣдателемъ, была снаряжена экспедиція братьевъ Грумъ-Гржимайло, изслѣдовавшая вост. Тянь-шаня, прилежащія части Джунгаріи и Хамійской пустыни и среднюю часть Нань-шаня; результатами экспедиціи было выясненіе многихъ особенностей орографіи Тянь-шаня, открытіе, мѣсяцемъ ранѣе экспедиціи Пѣвцова, той-же впадины у южной подошвы хребта близъ Люкчюна и выясненіе горнаго характера Хамійской пустыни, названной Бей-шанемъ.

Въ 1891 г. геогр. общ занялось снаряженіемъ самой грандіозной изъ своихъ внутренне-азіатскихъ экспедицій, съ общимъ наименованіемъ «экспедиція въ нагорную Азію», на средства отчасти Высочайше дарованныя, отчасти пожертвованныя нѣсколькими лицами; экспедиція была раздѣлена на два отряда; первый подъ руководствомъ Г. Н. Потанина долженъ былъ идти съ востока, второй подъ начальствомъ В. П. Роборовскаго—съ запада; оба отряда должны были сойтись и связать свои работы на сычуанской окраинѣ Тибета.

Въ 1891 г. изъ восточнаго отряда экспедиціи отправился только М. М. Березовскій въ качествѣ зоолога на тибетскую окраину Сычуани для фаунистическихъ и флористическихъ изслѣдованій, съемки и т. п.; осенью 1892 г.

главная партія отряда, состоявшая изъ Г. Н. Потанина съ супругой, коллектора и переводчика выѣхала черезъ Кяхту въ Пекинъ, оттуда въ декабрѣ направилась по большой дорогѣ на юго-западъ въ Сычуань, чтобы изъ Тарсамдо начать изслѣдованіе западной части Сычуани и прилежащей части Вост. Тибета; но въ Тарсамдо А. В. Потанину постигла тяжелая болѣзнь, приковавшая ее съ супругомъ къ этому городку до половины лѣта, такъ что въ Тибетъ, большой дорогой черезъ Ли-танъ въ Ба-танъ, поѣхалъ одинъ коллекторъ; по возвращеніи его, экспедиція двумя дорогами передвинулась назадъ въ Сычуань, гдѣ съѣхалась въ городкѣ Ли-фань-фу; этотъ переѣздъ опять ухудшилъ болѣзнь А. В. Потаниной, кромѣ того заболѣлъ и коллекторъ, такъ что Г. Н. Потанинъ рѣшился возвратиться въ Пекинъ для леченія больныхъ; но еще въ предѣлахъ Сы-чуани А. В. Потанина скончалась и экспедиція черезъ Хань-коу и Шанхай вернулась въ Пекинъ, откуда Г. Н. Потанинъ, убитый горемъ, по совѣту врачей, возвратился моремъ въ Россію, спутники-же его поѣхали черезъ Монголію съ тѣломъ покойной путешественницы, похороненной въ Кяхтѣ; такимъ образомъ могила Потаниной, подобно могилѣ Пржевальскаго находится на границѣ русскихъ владѣній и Китая, указывая путь будущимъ изслѣдователямъ природы внутренней Азіи, изученію которой были посвящены всѣ силы Пржевальскаго и Потаниной.

М. М. Березовскій, разъѣзжавшій большею частью отдѣльно отъ главной партіи, остался въ Сы-чуани послѣ отъѣзда Г. Н. Потанина и долженъ былъ вернуться только въ серединѣ прошлаго года. Благодаря этому продолжительному пребыванію М. М. Березовскаго, уравновѣшивающему кратковременное пребываніе главной силы партіи, результаты экспедиціи должны быть не малы, но еще не приведены въ извѣстность.

Въ экспедиціи Г. Н. Потанина въ качествѣ геолога имѣлъ честь участвовать и я, но задачи, поставленныя мнѣ въ программѣ, данной географическимъ обществомъ, состояли въ томъ, чтобы своими изслѣдованіями связать работы геологовъ, изучавшихъ окраины Центр. Азіи и прилежащія части собственнаго Китая, Вост. Сибири и Русскаго Туркестана; такимъ образомъ мое путешествіе сдѣлалось не тибетскимъ и сычуанскимъ, а центрально-азіятскимъ; во время двухлѣтняго пребыванія въ предѣлахъ Китайской имперіи я посѣтилъ Вост. и Центр. Монголію, Ордосъ, Алашань и Хамійскую пустыню, горныя страны Наньшаня и Вост. Куэнь-луня, китайскія провинціи Чжили, Шаньси, Шеньси и Ганьсу и южный склонъ Вост. Тяньшаня съ притяньшанской впадиной.

Важнѣйшими результатами этого путешествія являются выясненіе орографіи и геологическаго строенія посѣщенныхъ мѣстностей и выясненіе отсутствія мощныхъ толщъ лесса и обширныхъ площадей сыпучаго песка во внутреннихъ частяхъ центр. Азіи и распредѣленія ихъ по ея окраинамъ.

Лѣтомъ 1893 г. двинулся въ путь и западный отрядъ экспедиціи, направившійся черезъ вост. Тянь-шань къ Люкчуну въ притяньшанской впадинѣ, гдѣ на двухлѣтній срокъ была учреждена метеорологическая станція для выясненія хода воздушнаго давленія, температуры, осадковъ и вѣтровъ въ этой центральной впадинѣ Азіатскаго материка.

Затѣмъ двумя партіями экспедиція изслѣдовала Хамійскую пустыню между Тянь-шанемъ, Лобъ-норомъ и Алтынъ-тагомъ, весну и лѣто 1894 г. посвятила изученію Нань-шаня между меридіанами Сачжоу и Кукупора, а въ декабрѣ на вьючныхъ якахъ направилась къ Сычуани, но въ хребтѣ Амне-мачинъ, гдѣ перевалы превышаютъ 17000 фут. абс. выс., безкормица и леденящіе бураны начали губить одного яка за другимъ, кромѣ того Роборовскій заболѣлъ и поэтому рѣшено было идти обратно къ Курлыкъ-нору, котораго достигли въ концѣ марта; на обратномъ пути въ Россію экспедиція должна была пройти черезъ Са-чжоу и Люкчюнъ новыми дорогами, но до сихъ поръ извѣстно только, что она въ концѣ ноября благополучно добралась до Зайсанска и въ настоящее время находится въ Петербургѣ, гдѣ ея начальникъ привѣтствуетъ пятидесятилѣтній юбилей геогр. общества докладомъ о результатахъ этой послѣдней большой экспедиціи.

Бросая общій взглядъ на пятидесятилѣтнюю дѣятельность геогр. общ по изслѣдованію материка Азіи, нельзя не признать, что на громадномъ пространствѣ отъ пустынныхъ береговъ Ледовитаго океана до унылыхъ нагорій Тибета, отъ Великаго океана и до Каспійскаго моря проложена цѣлая сѣть маршрутовъ и изучены страны самаго разнообразнаго характера; огромныя площади, которыя 50 лѣтъ тому назадъ представляли бѣлыя пятна на географическихъ картахъ, въ настоящее время промѣрены, описаны и изображены картографически, ихъ флора, фауна и населеніе въ большей или меньшей степени изучены и громадный матеріалъ въ видѣ наблюденій и коллекцій сдѣлался достояніемъ науки, обогатилъ библіотеки и музеи. Съ чувствомъ вполнѣ законной гордости, мы можемъ сказать, что эта громадная задача исполнена главнымъ образомъ русскими и, въ качествѣ членовъ-сотрудниковъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ удовольствіемъ замѣтимъ, что въ дѣлѣ изслѣдованія Азіатскаго материка нашему обществу принадлежитъ первенствующее мѣсто.

Но отдавая должное успѣхамъ минувшаго полустолѣтія рано еще съ чувствомъ удовлетворенія почить на лаврахъ; очень много сдѣлано, но еще больше осталось сдѣлать; если карта Азіи въ настоящее время не представляетъ уже такихъ огромныхъ неизвѣстныхъ площадей, какъ 50 лѣтъ тому назадъ, то изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что бѣлыя пятна совершенно исчезли съ этой карты; они только сократились, раздробились на участки меньшей вели-

чины, но не исчезли; между маршрутами изслѣдователей почти вездѣ, отъ Ледовитаго океана до Тибета и отъ Каспійскаго моря до Великаго океана, находятся площади въ тысячи и десятки тысячъ квадратныхъ верстъ, на которыхъ еще не ступала нога географа и натуралиста; карта Азіи уже набросана въ общихъ чертахъ, но точность ея оставляетъ желать очень многаго, а детали отсутствуютъ для громадныхъ пространствъ; точно также флора и фауна уже изучены въ общихъ чертахъ, но фитогеографія и зоогеографія только затронуты; равнымъ образомъ изученіе геологическаго строенія едва только начинается, а поэтому орологія—истолкованіе формъ поверхности Азіи—дѣло будущаго; немного больше можно сказать о климатологіи Азіи—точная климатологія этого материка—дѣло будущаго, потому что метеорологическія станціи разсѣяны несравненно рѣже, чѣмъ оазисы въ пустынѣ и огромныя пространства совершенно лишены правильныхъ наблюденій; разнообразныя народности, населяющія Азію, подъ все болѣе усиливающимся давленіемъ высшей европейской культуры, съ каждымъ годомъ все болѣе ассимилируются съ пришельцами или вымираютъ; ихъ бытъ и нравы, языкъ и религія настоятельно требуютъ изученія, пока еще не утратились самобытныя формы; наконецъ могилы, городища и памятники древнихъ обитателей Азіи съ каждымъ годомъ исчезаютъ, разрушаемые временемъ, расхищаемые искателями кладовъ, сглаживаемые плугомъ переселенца.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и этотъ переселенецъ; гонимый нуждой изъ тѣсныхъ предѣловъ родины, онъ идетъ къ намъ на востокъ, какъ въ обѣтованную землю, гдѣ по слухамъ разстилаются безконечныя нивы, ожидающія плуга; между тѣмъ онъ встрѣчаетъ въ Сибири внѣ земель, уже заселенныхъ болѣе или менѣе густо, только глухую тайгу или каменистые хребты, занимающіе огромныя пространства и никто ему не можетъ указать, куда направить свои стопы, гдѣ искать въ этомъ неизвѣстномъ просторѣ удобныхъ земель и существуютъ-ли эти земли въ дѣйствительности, не плодъ-ли это фантазіи, происходящей отъ незнакомства со страной и съ условіями быта ея старожиловъ.

Такимъ образомъ бездна работы еще впереди.

Пожелаемъ-же Императорскому Русскому географическому обществу со вступленіемъ въ новое пятидесятилѣтіе дѣятельности еще большаго развитія его силъ, расширенія задачъ и умноженія средствъ для плодотворной работы и еще большаго вниманія къ изслѣдованію Азіатскаго материка, въ предѣлахъ котораго лежатъ три четверти нашего отечества, такъ что залогъ будущности Россіи—въ изученіи Азіи и умѣніи пользоваться ея землями, силами и богатствами, проистекающемъ изъ этого изученія.

В. Обручевъ.

Г. Иркутскъ,
21-го января 1896 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1896 ГОДЪ.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ

выходитъ подъ редакціей **И. И. Попова** **три раза** въ недѣлю:

по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ.

Въ остальные дни будутъ выпускаться **бюллетени** Россійск. Телеграфн. Агентства

Программа газеты слѣдующая:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.

2) Отдѣлъ оффиціальный — важнѣйшія правительственныя распоряженія.

3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточн. окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей.

4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ.

5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ.

6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатск. государствъ.

7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности и общенаучныя статьи.

8) Литерат. обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы.

9) Изящная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.

10) Фельетонъ.

11) Судебная хроника.

12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.

13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—**8** р., полгода—**5** р., 5 мѣс.—**4** р **50** к., 4 мѣс.—**3** р. **75** к., 3 мѣс.—**3** р. и 1 мѣс.—**1** р. Газета съ приложеніями «Сибирскаго Сборника» за годъ—**10** р.

Заграницу: на годъ—**11** р., полгода—**6** р. **50** к., три мѣсяца—**3** р. **75** к. и на одинъ мѣсяцъ—**1** р. **40** к Съ приложеніями—за годъ **14** р.

За ежедневные бюллетени особо доплачивается **3** руб. Неподписчики платятъ **4** руб.

За перемѣну адреса—**40** к.

298

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ: «Сибирскій Сборникъ» за 1885 г. 1 кн.—1 р. 50 к. 1886 г. 4 кн.—2 р., 1888 г. 4 кн.—2 р., 1889 г. 1 кн.—50 к., 1890 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1891 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1892 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1893 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1894 г. вып. 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й—1 р. 50 к., 1895 г. 4 кн.—2 р. Выпускъ 1-й за 1894 г. и 2 к. 1887 г. разошлись всѣ.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются съ платою за строку петита: по 10 коп.—позади текста и по 20 коп.—впереди. За разсылку при газетѣ объявленій взимается по 1 руб. за 100 экз. Объявленія изъ Европы и Европейской Россіи, исключая губерній Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Пермской, Уфимской, Оренбургской и области Уральской, принимаются черезъ центральную контору Л. Э. Метцль—Москва, Мясницкая и ея отдѣленіе въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 11, по 30 к. за строку петита—впереди и 15 к—позади текста.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ. Крупныя статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, мелкія—уничтожаются. Статьи безъ подписи и указанія адреса автора не разсматриваются. Рукописи, на которыхъ не обозначены условія, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи.

Адресъ: *Иркутскъ, редакція газеты „Восточное Обозрѣніе“.*

Контора редакціи газеты (Харламіевская, № 1) для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно отъ 9-ти до 3-хъ час.

Для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты просятъ обращаться въ редакцію газеты (Большая ул., № 1) по четвергамъ отъ 2-хъ до 4 час.

Телефонъ редакціи № 129, конторы и типографіи № 85.

Уполномоченные и отдѣленія редакціи для личныхъ объясненій съ сотрудниками и пріема подписки и объявленій:

Въ **Петербургѣ** —Григорій Николаевичъ Потанинъ, Лиговка, № 29.
» **Москвѣ**—Веніаминъ Ивановичъ Семидаловъ, Серпуховская застава, дача Канатчикова (имѣется телефонъ).
» **Омскѣ**—редакція газеты «Степной Край».
» **Томскѣ**—Александръ Николаевичъ Шиницынъ (соб д.).
» **Красноярскѣ**—Владиміръ Михайловичъ Крутовскій.
» **Благовѣщенскѣ**—Станиславъ Осиповичъ Хлусевичъ, Сиб. банкъ.

Отдѣленія редакціи будутъ открыты и въ другихъ губернскихъ городахъ Сибири.

За издателя наслѣдниковъ **Н. М. Ядринцева.**

Редакторъ **И. И. Поповъ.**

Дозволено цензурою. Иркутскъ. 15-го марта 1896 года.

Телефонъ № 85.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ

ПЕРЕПЛЕТНОЕ И ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЯ

К. І. ВИТКОВСКОЙ

ВЪ Г. ИРКУТСКѢ.

Типографія обстановлена скоропечатными, просѣкальной, бумагорѣзальными и номеровальной машинами, типографскими и литографскими станками и бостонскимъ прессомъ для выполненія мелкихъ работъ,

РАЗНООБРАЗНЫМИ ШРИФТАМИ,

ПОЛИХРАЖАМИ,

всевозможными украшеніями и прочими типографскими принадлежностями,

имѣетъ возможность

скоро и аккуратно выполнять разнообразныя типо-литографскія работы:

бланки, заголовки для книгъ и разсчетныхъ листовъ, табелей, раскомандировокъ, квитанцій, фактуръ, контр-актовъ, реестровъ, прейсъ-курантовъ, винныхъ этикетовъ и проч.,

КОТОРЫЕ БУДУТЪ ВЫПОЛНЯТЬСЯ

по удешевленнымъ въ сравненіи съ прошлыми годами цѣнамъ.

Литографія принимаетъ печатаніе ярлыковъ, этикетовъ, картъ, плановъ. Составленіе рисунковъ новыхъ ярлыковъ и этикетовъ. Хромолитографія. Автографія.

ПЕРЕПЛЕТНО-ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

изготовляетъ:

конторскія книги, ученическія тетради, бархатные альбомы, памятныя книжки и проч., линуется бумага по всевозможнымъ образцамъ, наклеиваются карты и картины на коленкоръ и картонъ.

При типографіи всегда имѣются въ большомъ количествѣ книги на записку золота, для винокуренныхъ заводовъ и складовъ, ученическія тетради, транспаранты и проч.

Гг. иногороднимъ заказы могутъ быть высылаемы наложеннымъ платежемъ, при уплатѣ впередъ, въ видѣ задатка, не менѣе трети стоимости заказа. Заказы на сумму менѣе 1 р.—наложеннымъ платежемъ не высылаются.